

ДИНАСТИЯ БЛЭКСТОУНОВ#1

Миллиард

РЕЙН МИЛЛЕР

Life Style | ПЕРЕВОД КНИГ И НЕ ТОЛЬКО

Миллиардер Калед Блэкстоун живет в гламурном мире богатства и успеха, с прихотью к любой материальной роскоши. Но в один момент он видит Брук Кастерли, и уже ничего из вышеперечисленного не имеет значения. Калеба заполнила острая, абсолютная необходимость, которую он не в силах контролировать ... необходимость в девушке, которая настолько отличается от всего и всех, что он когда-либо знал. Брук не ищет любви. Она слишком хорошо знает, какой непоправимый ущерб может нанести неправильный парень. Тем не менее, сможет ли здравомыслящая британская девушка противостоять обольщению невероятно сексуального, рыцаря-миллиардера? То, что начинается, как флирт быстро превращается во всепоглощающую страсть. Она никак не была готова к обжигающим прикосновениям Калеба, настолько она жаждет его. Их бурный роман находится за гранью фантастики, но все имеет свою цену. Прошлые ошибки и трагедии тенью ходят за ними по пятам ... и влюбиться в него может обернуться непоправимыми последствиями, которые она не может себе позволить. Книга содержит реальные сексуальные сцены и нецензурные выражения, предназначена для 18+

Рейн Миллер

Магнат

Серия: Династия Блэкстоунов - 1

Пролог

Калед

Мой отец всегда говорил, что я пойму, когда появится предназначенная для меня женщина. Он был очень мудрым. Когда все произошло, у меня даже не возникло вопроса, все двигалось настолько легко. Я влюбился в нее... мое сердце узнало ее сразу.

Узнало, что она была единственной для меня.

На самом деле, я знал ее уже давно. Она переехала на остров Блэкстоун к своей бабушке, когда погибли ее родители в автокатастрофе. Опустошенная, пятнадцатилетняя девушка пыталась адаптироваться к новой жизни на новом месте, пыталась как-то вписаться в существующий мир, настолько отличающийся от того, откуда она прибыла... в сорок квадратных миль курортного острова Массачусетского побережья, где ее бабушка была экономкой в Блэкуотер — родовом гнезде нашей семьи.

Мне следовало о ней знать.

Но наши пути никогда не пересекались, насколько я мог понять, хотя это было возможно. Я тогда редко посещал остров, потому что мне было двадцать три, являлся новоиспеченным руководителем младшего звена Гарвардской бизнес-школы, полностью погружившийся в изучение нашего семейного бизнеса. Я путешествовал по миру, наслаждался адреналином днем от переговоров международной сделки и вращался в обществе бизнесменов вечерами. Я работал на обоих фронтах. В бизнесе, налаживал связи, имел секс на одну ночь, одно сменялось другим. Безымянные лица и ничем не примечательные свидания заполняли мои ночи, когда я этого хотел. Перескакивая с одного ночного развлечения к другому в ночной жизни большого города с крупными бизнесменами, борющимися за кусок пирога, такой образ жизни был для меня вполне приемлемым. Я использовал каждый аспект, присущий этому стилю жизни. Богатство, сексуальные пристрастия, поддержка некоторых знаменитостей, благодаря своему имени, все это не требовало никаких особых усилий. На ближайшие восемь лет мир лежал на у меня на ладони, пока я занимался увеличением своего личного состояния в дополнение к увеличению семейного капитала.

Или, по крайней мере, я так думал.

Я еще не понял тогда, что выпал из своей жизни. До нее. А потом, когда я точно понял, кем она для меня была, и судьба посмеялась надо мной, было уже слишком поздно. Она околдовала меня окончательно. И кроме того, я был уверен, что она не знала, кем я являюсь на самом деле и что нас связывало вместе.

Может, из-за этого она настолько опьяняла меня?

Не знаю и это мало меня волновало, потому что мне было все равно. Я хотел ее необузданно, едва осознавая это, но искренне смирился со своим желанием, потому что ничего не мог с ним поделать. Как я мог что-то сделать? Если она покорила меня.

Однако, когда мой мозг понял всю суть происходящего, а было это не так уж и легко — принять новую и незнакомую реальность себя — чувства к женщине, настолько необычные, словно она какая-то ценная вещь, и что может нас ждать впереди.

Сначала я стал бороться против самой идеи по нескольким причинам. Она была слишком молода. Моя мать никогда не одобрила бы нас. Другие люди моего мира, скорее всего сожрут и выплюнут ее, уничтожив ее свежесть. Но вскоре я понял, что мое сердце

совершенно не заботит ни одна из этих причин. Сердце хочет то, что хочет, и я обнаружил, что *мое сердце хочет* Брук Эллен Кастерлей в полном комплекте.

Мучительная смерть моего отца от рака стала откровением для моих братьев и меня. За деньги можно купить многие вещи, но нельзя остановить смерть, призывающую вас к себе, когда наступило ваше время ухода. Смерть — это великий уравниватель. И это на самом деле так. Богатство — вещь банальная, когда у тебя на счете много гребанных нулей, они все равно не делают никакой разницы между жизнью и смертью. Не имеет значения, был ли ты богат или беден, когда умираешь, потому что все это становится не важным. Ты покидаешь эту жизнь так же, как и пришел в нее. Ничего не забирая с собой, только ты, один. *«Больше живи, сынок, наслаждайся жизнью, нежели зарабатыванием денег»*, в конце сказал мне отец. Он схватил меня за руку и сжал ее с такой силой, насколько хватило ему измученному телу, чтобы я понял важность его слов. Он сожалел и хотел поделиться со мной опытом, чтобы как-то меня обезопасить от совершения тех же ошибок. Я четко понял его.

И самому главному, чему мой отец всегда пытался научить меня, братьев и сестру была идея семьи. Семья всегда была превыше денег. *«Всегда на первое место ставь семью, а достаток вырастит, Калев»*, говорил он.

Крепкая семья всегда будет продвигаться вперед, и это было, пожалуй, единственным, что имело значение в конце трудового дня.

Блэкстоуны были на острове с тех времен, когда *Мэйфлауэр* ступил на этот дикий американский берег, совершив свое опасное путешествие. Мой долг как старшего сына был увериться, что Блэкстоуны будут жить здесь еще сто лет и больше.

Мой план исполнить свой долг, включал и ее. Другого пути просто нет, по крайней мере, для меня. Я понял это в первый раз, почувствовав жар ее взгляда, когда ее глаза прожигали меня через всю комнату.

Я понял, чувствуя ее жаркий взгляд, пробирающий прямо до костей.

Я женюсь на этой прекрасной, красивой девушке из Англии, и она будет моей.

Глава 1

Калев

Сентябрь
Бостон

Я скатился с нее, зная, что это был последний раз, когда мы трахались. Нет смысла притворяться и делать вид, что будет еще один. Дженис и я закончили, хотя она еще об этом не знала. Секс происходил между нами, когда я испытывал настоящую потребность, а в остальное время меня занимала работа, работа и еще раз работа. Я был так занят, путешествуя по всему миру, приняв бразды правления ровно восемнадцать месяцев назад над *Blackstone Global Enterprises*, когда мой отец стал слишком слаб из-за болезни, чтобы управлять бизнесом.

Дженис промурлыкала мне в шею и потерлась своими сиськами о мою грудь. Я поборол желание оттолкнуть ее и снял презерватив. С самого начала, мне казалось, что мы оба были на одной волне, точнее не ждали, что наша связь выйдет за пределы спальни. Дженис была успешной моделью в индустрии моды и много путешествовала, причем больше, чем я, поэтому ранее я и не заметил ее «прилипчивости». Если бы я заметил эту черту, между нами бы никогда ничего не было бы, поскольку о прилипчивых женщинах, цепляющихся за тебя, знал довольно много. Ряды женщин, ищущих богатого мужчину, способного осуществить все их мечты, были такими длинными и с ними было так легко столкнуться, на протяжении многих лет я пресекал столько попыток, что стал уже экспертом в искусстве уклонения.

Теперь же я чувствовал, что Дженис хотела от меня гораздо большего, чем я мог ей дать, и мне не хотелось вступать с ней в конфронтацию, выясняя отношения. Вопрос, связанный с обязательствами в будущем, никогда не должен был подниматься, и я испытывал от этого настоящее раздражение, поскольку она продолжала его задавать. Мне казалось, что с самого начала все было ясно и понятно.

Полгода назад она пришла со своей семьей на похороны моего отца, и в состоянии горя я принял ее предложение поддержки, хотя сообщил, что могу предоставить ей редкие, нерегулярные ночи. Через несколько недель регулярного секса, я поймал себя на мысли, что у нас первоклассные отношения, которые оказались для меня совершенно новой территорией. Не стоит искать свою половинку, чтобы ты с удовольствием трахался, мы оба принадлежали одному кругу общества, росли среди привилегированных людей Бостона, посещали одни и те же частные школы, отдыхали на острове в собственном частном доме. Быть с женщиной, которая понимала все азы общества Новой Англии, было легко, а главное приятное было вместе проводить время, поэтому я решил попытаться предоставить ей статус своей подружки. Нам не всегда удавалось скоординировать свои графики, чтобы оказаться в Бостоне в одно и то же время. И сколько бы я не прикладывал усилий, работая над нашими отношениями, впервые надеясь, что, возможно, что-то почувствую к Дженис, но через какое время смирился, поскольку самые глубокие чувства, которые в состоянии мог испытать к ней — один или два оргазма и больше ничего.

Моя мать явно будет опустошена, когда узнает о нашем расставании. Наверное, даже больше, чем Дженис. Наши семьи дружили, и я допускаю, что между моей матерью и ее родителями может возникнуть несколько неловкий момент, когда они узнают о нашем

разрыве.

Пометка для себя: никогда не трахать друзей семьи.

Кроме того, у меня имелось подозрение, что Дженис мне изменяет. Тот факт, что я не слишком сильно заморачивался на этот счет, говорит сам за себя, но для меня она была единственной женщиной, с которой я встречался последние шесть месяцев. Если мы не можем быть честными друг с другом в данный момент, бл*дь, дальнейшее для нас просто безнадежно, однозначно. Не существующий генитальный герпес мог бы быть дополнительным плюсом, вернее сыграть мне на руку.

И я хотел бы сбросить эту бомбу на свою мать, когда она начнет давить на мое чувство вины за разрыв наших отношений. Но при Мадлен Блэкстоун никогда не стоит упоминать слово «трахаться» или другие его вариации. Никогда. А жаль, было бы интересно. Я бы хотел увидеть отразившийся ужас у нее на лице...

— Чему ты улыбаешься? — спросила Дженис, скользя рукой вниз по моему животу прямым к моему члену.

— Я? — схватил ее за руку, останавливая движения, и выбрался из ее объятий. Присев на край кровати, уперся лбом в ладони.

— Да, Калев, ты улыбался, — в ее голосе послышалось раздражение. — Что с тобой происходит? Почему ты не хочешь еще? — Она прижалась своим голым телом к моей спине, а я постарался не вздрогнуть. — Ты же знаешь, одного раза для меня мало, — с отчаянием произнесла она, в надежде, что я передумаю.

Ты полный гребанный идиот из-за того, что когда-то связался с ней. Избавься от этого, дебил. Учись!

Я был уверен, что Дженис нимфоманка, и хотя в начале это был своеобразный бонус для парня, у которого недавно умер отец и ему хотелось отключить свой мозг от дум, сейчас же это звучало, как явный перебор. Я потянулся к брюкам и натянул их на себя, отчаянно пытаюсь, как можно быстрее, создать преграду между своим членом и ею. На самом деле, мне необходим был душ, но моя совесть не выдержала бы еще и пяти минут, не сообщив ей новость — мы закончили бл*дь... навсегда.

Три Ф [\[1\]](#) — окончательная реальность для каждой женщины, с которой я встречался.

Я знал, что это делает меня мудаком, что я согласился на секс с ней. Мне не стоило, и я не горжусь этим, но если уж быть до конца справедливым, Дженис была инициатором сегодняшнего секса, начиная прямо в лифте, пока мы поднимались в мои апартаменты. Она бы с радостью проделала мне минет, запечатлев его на камере безопасности, если бы я не настоял подождать. Общественность, черт побери, ее дело, не мое.

Сегодня мне было необходимо, чтобы она сопровождала меня на благотворительный ужин, потому что пять тысяч положить на тарелку для пожертвований — это мало, особенно, если ты пришел один. Десять тысяч долларов на исследования рака гораздо лучше, чем пять на благотворительность. Я не стал бы возражать и выписал бы чек в десять раз больше, пропустив при этом ужин, но это было бы глупо. Во имя своего отца я буду поддерживать исследования, касающиеся рака и делать щедрые пожертвования, столько, сколько буду жить. Мой чек всегда будет с лишним нулем на конце.

— Так ты действительно закончил сегодня, — я услышал презрение в ее голосе. — Калев, я утром уезжаю в Гонконг. По крайней мере, неделю мы не увидимся.

Сейчас или никогда.

Я вздохнул и повернулся к ней лицом.

— Дженис, нам нужно поговорить.

Тридцать минут спустя я имел минус мою первую «девушку» и с весьма заметным синяком на лице. Для женщины с весом в сто фунтов, Дженис оказалась очень проворной. Ей помогло то, что она застала меня врасплох, и я никогда не видел ее раньше в таком состоянии. Было также справедливо сказать, что она выглядела несчастной из-за нашего разрыва.

Я дотронулся до синяка на левой скуле и сопутствующего фингала, глядя в зеркало в прихожей. Завтра утром он будет выглядеть просто ужасно. Завтра мое появление в офисе явно вызовет веселье. Как только я спросил, вернет ли она ключ от моей квартиры, эта сумасшедшая стерва ударила меня в лицо...

Своими гребанными туфлями.

Потом через минуту последовали слезы, сопровождающиеся истерическими обвинениями, что она думала, что наши отношения прямиком ведут к браку и совместному будущему. Я точно знал, откуда возникли у нее эти мысли, когда она визжа излагала их мне в бешенстве.

Гребанная брехня. Я сообщил ей, что была и есть только одна миссис Блэкстоун в моей семье — недавно овдовевшая моя мать, которая собственно и ответственна за нелепые мысли, появившиеся в голове Дженис, по поводу нашего совместного будущего. Она послала меня на х*й, словно фурия выскочила за входную дверь, обзывая по дороге к лифтам всевозможными мыслимыми и немислимыми эпитетами. Соседи должно быть были мертвы, потому что ни один из них не появился, пропустив ее не настолько утонченное и не настолько тихое шоу.

Господи.

Мой телефон загудел, я не рискнул взглянуть на пришедшее сообщение. Я не был готов обсуждать наш разрыв с мамой именно сейчас или в любое другое время поднимать эту тему.

Джеймс. Я догадывался, что он собирался мне сообщить, прежде чем начал читать его смс-ку, поскольку он жил двумя этажами ниже. Дженис ушла не далеко.

Дж: Эй, парень. Джен плачет, потому что ты порвал с ней. Это правда?

Я покачал головой, в то время как мои пальцы летали по клавиатуре.

К: Ага.

Дж: И... тебе плевать, что она здесь?

Бедняга играл со смертельным огнем. Это все равно что собрать огромную кучу сухих листьев, облить ее бензином, а потом взорвать все, поднеся паяльную лампу.

К: Неа. Спс за проверку, что спросил меня, но между нами все кончено.

Дж: ОК, чувак.

Господи, Джеймс намеревался продолжить с Дженис.

К: Эй, Джеймс?

Дж: Да.

К: Будь осторожен. Не умри сегодня. Джен чертова нимфоманка, если ты не знал.

Дж: Да, у меня создалось такое впечатление, когда она появилась у меня на пороге и заявила, что хочет 2 раза отсосать мой член. Я не умру дураком. Поговорим позже...

К: Безопасный секс, Джеймс, и крепко заворачивай свое дерьмо.

Дж: Да.

К: Внуши только на одну ночь. Она прилипала.

Дж: <смайлик средний палец>

Я направился к холодильнику за пивом Sam Adams. Ну этакая упаковка пива на ночь. Разве от того, что я больше беспокоюсь о своем друге, чем о своей бывшей, делает меня ужасным человеком? Джеймсу Блэрни предстоит ночь безумного секса с безумной Дженис. Я ничего не могу с собой поделать, но испытываю чувство благодарности к нему за то, что он помог мне уклониться от моментального удара с ее стороны, хотя и предполагаю, что это дерьмо ничем хорошим для меня не закончится и для Джеймса тоже. Мне пришлось напомнить себе, что он уже большой мальчик, и я его предупредил. Он точно выяснит, кем на самом деле является Дженис, причем достаточно скоро.

Мне нужно навести порядок и в первую очередь поменять все замки. Я быстро отправляю смс-ку своему персональному ассистенту Виктории. Она отвечает, что позаботиться об этом завтра.

Душ призывает меня к себе. Обжигающе горячий с большим количеством мыла Dial, злостной желтой мочалкой, которая очистит кожу от грязи.

Я включил свет в ванной комнате и вздрогнул при виде представшего беспорядка.

— Господи Иисусе.

Дженис сверху донизу изничтожила мою ванную комнату, я думал, что она переодевалась. «*Чертов ублюдок*» было написано на зеркале ее красной помадой. Она разлила везде шампунь, выдавила зубную пасту, и Бог знает, что еще, все было разбросано и разлито на стенах, столешнице и на полу. Полотенца она запихнула в унитаз. Содержимое ящичков было вывалено и валялось вокруг. Здесь царил полный хаос. Я проверил шкафы в спальне, вещи оказались нетронуты, каким-то чудом спаслись от гнева Дженис. Я ожидал увидеть отрубленную голову лошади или тушку мертвого кролика за дверью, когда каждый раз заглядывал внутрь шкафа. Все это напрямую напоминало «*Роковое влечение*» [\[2\]](#) с таким же сумасшедшим траханьем.

Я выключил свет и направился в комнату для гостей, чтобы там принять душ и слить свое пиво. И почувствовал жалость к Энни, которой придется завтра убирать все это, но

сейчас разгрести самому этот бардак, было слишком много для меня. Я обязательно поблагодарю Энн, дам ей дополнительный оплачиваемый выходной день на этой неделе за причиненные неприятности. Я почувствовал, как мой телефон вибрирует в кармане.

Слава Богу, всего лишь фотка. От Дженис. Как она сосет член Джеймса, мне кажется что он не меньше моего. Она даже добавила подпись под фоткой. *«Ты будешь очень сожалеть, что больше не сможешь меня трахнуть, Калев Блэкстоун».*

Я уже сожалею. Дженис серьезно злится.

Я сделал три вещи перед тем, как на ночь отключить телефон: удалил фото. Заблокировал номер Дженис. Написал Джеймсу, что она сделала фотку его члена у нее в рту и постит ее. Его отец, судья в Первом Окружном апелляционном суде, думаю он не будет счастлив, увидев это фото. Ну, четыре вещи. Я вернулся за другой банкой пива и осушил ее, прежде чем все же отправился в комнату для гостей принять долгожданный душ.

Стоило очень горячей воде политься на мою кожу, я дал себе обещание держаться подальше от женщин, хотя бы какое-то время. Свидания, не приносили мне ничего хорошего, я все время встречался с какими-то безумными женщинами, которые хотели получить доступ к моим деньгам или же заманить в ловушку брака.

В мире вообще существовали нормальные женщины?

Или они превратились лишь в миф?

Я вспомнил, как мне сказал отец перед смертью. *«Когда ты встретишь ту, что сделает тебя счастливым, Калев, удержи ее рядом с собой любыми средствами. Твое сердце подскажет тебе, что она именно та, которую ты искал».*

Я хотел бы поверить, что отец говорил мне правду, но, на самом деле, мое сердце не говорило уже очень долгое время ничего подобного.

Глава 2

Брук

Остров Блэкстоунов, Массачусетс

Жизнь на острове имела свои преимущества, но добираться на пароме в Бостон, занимало час, а то и больше, и не относилось ни к одному из них. Имелись определенные причины, по которым я оказалась на острове. «*Веские причины*», — напомнила я себе, укутываясь плотнее в пальто из-за осенней непогоды, пронесившейся над водой.

Моя бабуля нуждалась в моей помощи, а ради нее я бы сделала все, поскольку она забрала меня к себе в пятнадцать лет после того, как погибли мои родители. На самом деле я многого не помню, когда впервые приехала на остров, чтобы остаться здесь с Нэн. Должно быть, я блокировала многие события от ужаса, пережитого шока из-за того, что случилось с моими родителями и того, что меня так неожиданно вырвали с корнем с привычного места. Остров Блэкстоун — туристическое пристанище, высшего класса, был самым непохожим местом, которое раньше называлось моим домом. Из пригорода Лондона мне пришлось переселиться на полосу земли колониальной Америки, отделенный от материка Массачусетским заливом. Ну, по крайней мере, язык был тот же.

Своего рода.

— О, у тебя акцент, — *Нет, это ты говоришь с акцентом.*

— Ты из Австралии, верно? — *Не из того полушария.*

— Эй, Брук, скажи что-нибудь на своем английском, — *Все в таком духе.*

Я слышала, как они подшучивали и задавали вопросы, который только можно себе вообразить, но это меня не беспокоило. Не беспокоило на самом деле. Я понимала, что людям было любопытно узнать, как я оказалась здесь и старались при этом быть дружелюбными.

К тому времени, когда я вышла из шокового состояния. Я постепенно двигалась вперед, закончила здесь школу (они называли это школой, здесь, на острове), а потом поступила в университет графства Саффолк, где я получила степень дизайнера по интерьеру. Тогда я не понимала этого до конца, но это были счастливые времена.

Потом я встретила кое-кого и совершила ужасную ошибку, и мне пришлось оставить Нэн на острове, я же перебралась в Лос-Анджелес. Полтора года я сносила все мучения из-за своей ужасной ошибки, пока не наступил тот день, когда я больше не могла этого выносить. По крайней мере, не физически. Сожаление до сих пор были со мной и, вероятно, останутся со мной навсегда, но я была полна решимости двигаться вперед в позитивном плане. И я дала себе обещание не допускать, чтобы отрицательный опыт моего прошлого мог причинить мне еще больше боли. Это была цель моей дальнейшей жизни, и я решила ее придерживаться.

Пять месяцев назад я покинула Лос-Анджелес и вернулась в Бостон, а затем начала заниматься своей дальнейшей жизнью. Нэн до сих пор жила на острове Блэкстоунов в своем любимом коттедже, куда она приехала из Англии в качестве юной невесты. Много раз я слышала, как местные жители рассказывали историю о том, как мой дед привез сюда англичанку себе в жены, словно она прибыла с другой планеты. Нэн и я имели двойное гражданство... Британское по праву рождения, Американское поскольку там жили.

Я жила в Штатах, теперь он был домом для меня.

— Готов дать пенни за твои мысли, юная леди.

Я повернулась и встретилась с мерцающими голубыми глазами, которые смотрели на меня ласково, улыбаясь. Герман был заядлым любителем пофлиртовать. Так как ему было за семьдесят, а также он был мэром острова Блэкстоун, я ответила ему улыбкой. По слухам, большую часть недвижимости на острове, которая стоила миллионы, принадлежала ему. Но по его внешнему виду сказать этого было невозможно. Он жил, как оказалось, в скромном маленьком доме, с прекрасным видом на океан (наверное, это место на берегу океана и стоило миллионы, которые он якобы имел) и был одним из самых жизнерадостных людей, которых я когда-либо встречала в своей жизни. Он всегда тепло приветствовал меня и интересовался Нэн. Я подумывала, что он возможно немножко влюблен в мою бабушку.

— Доброе утро, мэр. Зачем вы едете на материк сегодня? — вдруг спросила я из любопытства. Я никогда раньше не видела его на утреннем пароме, отходящем в Бостон.

— Окружной совет встречается сегодня в городе, — он посмотрел задумчиво на береговую линию, казалось, будто внимательно изучал ее. — Одна из немногих причин, заставить меня покинуть остров, иначе я бы не стал.

— Аааа, ну тогда я не виню вас нисколько. Я бы выбрала остров вместо Бостона, несомненно.

— Тогда почему ты не выбрала? — быстро спросил он.

— Герман, вы — мэр, поэтому прекрасно знаете, что на острове Блэкстоун нет процветающего бизнеса по дизайну интерьера, куда я могла бы трудоустроиться.

Он задумчиво потер подбородок, прежде чем ответил:

— Мне придется поработать над этим, но ты не ответила на мой вопрос.

— Какой?

— Я предложил тебе пенни за твои мысли, но думаю, стоит предложить больше, — он сделал вид, что дует. Этот мужчина умел флиртовать, скорее он был чемпионом в этом, и его красивые черты не испортили годы. В молодости он был несомненно неподражаем, разбивая всюду сердца. Когда-нибудь мне следует расспросить Нэн о его прошлом.

— Для вас бесплатно, — я кивнула на деревья, величественно возвышающиеся вдоль скал и внизу у каменистого берега, пока паром огибал остров выходя в открытый залив. — Я думала, насколько счастлива снова оказаться здесь. Мне так нравится этот вид.

Минуту он восхищался вместе со мной открывающейся природой.

— Рад, что ты вернулась. Знаю, что твоя бабушка просто в восторге.

Мне показалось или его темно-синие глаза действительно загорелись, когда он стал говорить о бабушке? Я промолчала.

— Кстати, как твоя бабушка чувствует себя после операции?

Насколько надежным, настолько и заводным становился милый Герман Блэкстоун, как только дело касалось моей бабушки.

— Спасибо, что спросили. Она быстро поправляется, но между нами не думаю, что она была готова уйти из Блэкуотера, когда они закрыли дом. Она любила свою работу, и теперь мне кажется, она немного скучает, — существовало и еще кое-что, но я не стала об этом говорить, мне не хотелось обидеть Германа. Все же это была его семья, которая нанимала мою бабушку на протяжении более трех десятилетий, прежде чем два года назад ей было отказано в ведении хозяйства. Нэн была экономкой в поместье Блэкуотер в течение тридцати пяти лет, пока особняк окончательно не заколотили, он и сейчас стоит пустующий

на западной стороне острова. Семья больше не приезжала сюда. Я слышала, что только отец сильно любил это место, но после того, как он заболел, они больше сюда не возвращались.

— Много изменилось, пока тебя не было.

— Как и многие вещи, — тихо ответила я, чувствуя печаль в его голосе, но не желая на него смотреть в этот момент.

— Да, но это не значит, что ситуация не может улучшиться, — сказал он, — вспомнив, откуда они появились. — Очевидно, он был недоволен своей семьей, махнувшей рукой на остров.

Я положила руку ему на плечо.

— Я так сожалею о вашей потере, Герман. Нэн сказала мне о смерти вашего брата, — я слышала, что мистер Джон Уильям Блэкстоун умер от рака незадолго до того, как я вернулась сюда, это было пять месяцев назад. — Я только однажды встречалась с ним, когда бабушка взяла меня к себе, но он всегда очень хорошо относился к ней, несмотря на то, что был ее работодателем, и она думала, что в семье наступил мир. — В основном это была настоящая правда. Нэн никогда не говорила плохого слова о нем, но я не думаю, что она также относилась и к миссис Блэкстоун, как к ее мужу, которая перестала приезжать на остров на каникулы, как только ее дети подросли и стали взрослыми. Думаю, не каждый может любить настолько красивый остров во всем его многообразии.

Он обратил свой мудрый взор на меня и накрыл мою руку.

— Я тоже сожалею о твоей утрате, Брук. Твоя бабушка рассказала мне, когда это случилось. Она очень беспокоилась о тебе, и видно испытывала нужду... ну, думаю, поговорить с кем-то, чтобы не свихнуться.

Доброта может вызвать всплеск эмоций. Со мной такое было уже не в первые. Искренние соболезнования моей подруги Зои сотворили со мной то же самое, когда мы встретились с ней, после моего возвращения. То же самое произошло, когда я встретила Эдуардо. Когда кто-то проявляет заботу о тебе и выражает это от чистого сердца, доброта обладает такой силой — мгновенно возвращать те переживания, надежды, мечты и воспоминания, словно все это произошло вчера. Я была уверена, что запрятала свои переживания очень глубоко, но в данный момент они легко вышли на поверхность, словно были прикрыты тонким листком бумаги, который сдул ветер.

Мои глаза наполнились слезами, прежде чем я смогла их остановить. Я сдалась и позволила им литься. Иногда я становилась слабой, не способной не вспоминать боль от своей потери... и я заплакала.

— О, черт, я расстроил тебя... мне очень жаль, Брук, — пробормотал он.

Могу сказать, что бедняга Герман пришел в абсолютный ужас от моей выходки. Я услышала это по его голосу. Круто! Я шокировала милого старичка, а день едва начался. Готова была поспорить на деньги, что как только он вернется со своей встречи в городе, он прямиком отправится к моей бабушке, все рассказав. И она станет волноваться. А сейчас ей совершенно не следует обо мне волноваться, поскольку она должна поправиться после операции замены коленного сустава. Со мной все в порядке. Прошлое уже невозможно изменить, неважно сказал ли мне этот пожилой мужчина что-то или нет. И весь бесконечный опыт печали, пожалуй, был бесконечным циклом, настолько чертовски утомительным, от которого в данный момент я готова была рвануть далеко и надолго.

Я качнула головой и уставилась на настил под ногами.

— Все нормально, будьте добры. Со мной иногда такое случается... такие вещи, — я

воспользовалась кулаком, чтобы смахнуть слезу и медленно, глубоко вздохнула, пытаясь унять свою эмоциональность и привести себя в рабочее состояние. — Я буду в порядке. Извиняюсь, Герман.

— Не извиняйся, у тебя есть полное право горевать, — ругнулся он. И откуда-то достал белоснежный чистый платочек, протягивая мне. Я взяла его с благодарностью, Герман обнял меня за плечо и притянул к себе. Щекой я уперлась в его мягкую кожаную куртку, принимая всей душой, предложенное им утешение. — Однозначно, все будет хорошо, Брук. У тебя вся жизнь впереди и обязательно придет что-то замечательное, вот увидишь.

Мы стояли, прижавшись друг к другу, и смотрели на исчезающий из виду остров, который становился все меньше и меньше, пока паром поворачивал на юг. Я прекрасно понимала, что после работы вернусь к этому месту в океане, к парому, ровно в пять тридцать. И буду ожидать момента, когда остров снова появится на горизонте, и капитан парома повернет на север. Именно тогда я вздохну с облегчением, когда остров появится в поле моего зрения, и мое сердце начнет трепетать вновь. Это был странный ритуал, но он происходил каждый раз, когда я уезжала и возвращалась на остров Блэкстоун. Каждый раз я оставляла его с болью в сердце, но крошечный трепет, который я испытывала, когда возвращалась никогда не подводил меня. Безопасность острова была своего рода убежищем для моего беспокойного сердца.

Я наконец-то пришла в себя и вышла из состояния дзен с Германом, мои мысли были наполнены надежной о том, что он сказал... о том, что у меня будет что-то замечательное, что ждало меня впереди.

Я хотела, чтобы его слова были правдой.

Я так хотела, чтобы это было правдой.

Глава 3

Брук

Harris & Goode были неприметными на улице Херефорд Стрит, здесь было намного тише, не было такого количества пешеходов, чем на улице Ньюбери Стрит. Совершенно не играло роли, что само место по себе было неприметным, поскольку здесь были клиенты, живущие по соседству и желающие нанять дизайнера, и как правило, постоянного, а не временного. Весь бизнес по дизайну интерьера строился на слухах, в основном, от завидных прежних клиентов, которые делились со своими друзьями впечатлениями, готовыми платить не малые деньги за такие услуги.

Когда мне хотелось пройтись пешком, я выходила на станции Копли и шла до Ньюбери Стрит в офис, где работала. Если погода не радовала, я ехала до станции Хайнс, потому что она была намного ближе к моему офису. Сегодня было солнечное, не дождливое осеннее утро, такую погоду я всегда ценила.

Как ни странно, но мой маленький эмоциональный срыв на пароме, сегодня утром, помог мне.

Каким-то образом.

Я позволила «своему конвою» пасть, и дала волю своей тоске, хотя бы на мгновение.

Я отдалась нахлынувшему эмоциям.

И своими слезами испугала бедного Германа.

Но мы оба это пережили, и когда шквал моей тоски прошел, я почувствовала себя намного лучше. Думаю, Герман с облегчением вздохнул и почувствовал то же самое. Поэтому мы не будем смущаться при следующей встрече, поскольку получается, что мои слезы скрепили нашу дружбу. Я подумала, что это было неплохо.

Я зашла в «Старбакс», чтобы поправить свой макияж, и что еще более важно, утолить свою кофейную зависимость, прежде чем отправиться внутрь Harris & Goode, находящихся рядом, фактически следующая дверь. Боже, мне так нравилось, что рядом с нами был «Старбакс». Один из самых приятных плюсов в моей работе. Пока я стояла в очереди в туалет, проверяла свои сообщения на телефоне. Одна из смс-ок от Мартина стала для меня полной неожиданностью. Он хотел, чтобы я поработала сегодня вечером на коктейльном приеме с шести до девяти вечера, если точнее.

Моя подработка в Jonquil Catering не относилась к самым любимым, но она оплачивалась очень прилично, особенно, когда я могла совместить ее с основной работой. Мне нравилось работать в Harris & Goode, заниматься проектированием помещений для клиентов, учитывая их видение, но я не могла свести концы с концами, на зарплату младшего дизайнера. Пока во всяком случае. Поэтому я брала подработку на выходные или вечерами, но при одном условии. Девять вечера не могло меня устроить, однозначно, и Мартин прекрасно знал об этом. Мне необходимо было где-то переночевать, поскольку последний паром уходил в 8:30 вечера, и если я не успевала на него, соответственно, оставалась в Бостоне на всю ночь. Я хотела бы переночевать у Зои, но моей подруги не было в городе, так как она поехала на свадьбу своей сестры, по крайней мере, ее еще неделю не будет в городе. И у меня не имелось сменной одежды на завтра для работы в офисе Harris & Goode, а также не было черно-белого платья для кейтеринга. Все складывалось так, что сегодня я никак не могла остаться в городе и дать согласие Мартину на сегодняшний вечер.

Я написала ему ответ: «К сожалению, не могу, Мартин. Я уже на материке и пробуду здесь весь день. Мне необходимо было заранее сообщить, чтобы я смогла где-то переночевать, а также взять одежду и т. д. Б.»

Он однозначно взбесится о моего сообщения, но что я могла поделать? Жизнь на острове создавала некоторые проблемы, и я никак не могла повлиять на расписание парома. Спроса на лодки до острова Блэкстоун в середине ночи тоже не было.

Я поправила макияж перед зеркалом в «Старбаксе» и подумала, что все нормально. Если Эдуардо не заметит, что я плакала, то я могла назвать это настоящим успехом. Прямые светлые волосы и очень светлые карие глаза (я бы сказала даже янтарные) достались мне в наследство от мамы. Нэн часто напоминала мне, что я очень похожа на нее. Мне кажется, моя мама была очень красивой, поэтому Нэн и говорила, что я вылитая мама, я чувствовала внутри какое-то тепло от этого и становилось очень хорошо.

Я со всех сторон изучающе разглядывала себя в зеркало и пришла к выводу, что выгляжу неплохо, просто немного... печальной.

Я и была печальной.

Это было не случайно, поскольку мой любимый персонаж из фильма *Inside Out* была Печаль, которая была необходима (являлась важной частью вашей жизни), и если вы пытались сдерживать печаль, не выпуская ее на волю, хотя бы однажды и на какое-то время, остальные части вашей личности начинали разрушаться от напора этой печали. Все это имело определенный смысл, по крайней мере, для меня. Возможно, я увижу это сегодня вечером, когда Нэн будет посещать физиотерапию.

— Доброе утро! — Эдуардо сурово начал критиковать меня в его стандартной манере, вместо приветствия. — Выглядишь сегодня очень сексуально, *mi condesa*. Эти сапоги просто кричат: «Возьми меня, я не могу уже больше этого выносить», знаешь ли.

Я поставила стаканчик с кофе на стойку регистрации и расстегнула пальто.

— И тебе тоже доброе утро, они не кричат ничего подобного.

— Именно кричат, дорогая. Спорим, ты даже не заметила красавчика в темных очках, который пялился на тебя, а? — Эдуардо махнул в сторону стеклянной передней двери, где стоял накаченный мужчина, и действительно, смотрел внутрь через стекло, словно слыша его слова. Шесть и два или шесть и три фута (187-190 см), с темными волосами, в милом пальто из шерсти верблюда, в дорогом сером костюме, в солнцезащитных очках, больше я ничего не смогла разглядеть через стекло. Но даже несмотря на стекло и то, что его глаза были закрыты очками, он был красив и это было очевидно. В деловом центре Бостона таких как он было достаточно, хотя... Я видела таких людей каждый день, они спешили с одного корпоративного совещания на другое, пытаюсь таким образом сделать карьеру и вырваться вперед, впрочем, как и все остальные.

— Он говорит по телефону, Эдуардо, и совершенно не смотрит на меня, ты дурья башка.

— Да, говорит. Но когда ты проходила мимо, он проводил тебя глазами, милая. Ему понравилось то, что он увидел, угу, — сообщил он мне с умным видом, — и мне нравится, когда ты говоришь мне грязные английские словечки. — Я смогла удержаться от смеха, чтобы не прыснуть прямо ему в лицо. Эдуардо Рамос был хорош для моей души. Я познакомилась с ним четыре месяца назад, когда пришла работать в Harris & Goode, и мы сразу же поладили. Он знал все о моем прошлом, оказывал мне поддержку и сочувствие из-за моей ситуации. Ему нравилось, что я была англичанкой, и он постоянно называл меня *condesa* ^[3]. В Эдуарде было нечто такое, что ты не замечаешь его эпатаж или совершенно

неуместные замечания, даже сексуального характера, которые он постоянно делал на любую тему в офисе (всегда в самый неподходящий момент), поскольку эта его особенность прилагалась к пакету вместе с ним. Великолепный пуэрториканец-гей, любитель крепкого словца и совершенно очаровательный.

Я слегка покачала головой.

— Неужели Джон и Карлайл спокойно смотрят на то, что ты фантазируешь о проходящих мужчинах в то время, когда должен работать?

Он хмыкнул и нахмурился.

— Они делают то же самое, когда проходят через передние двери. Но вот он, Брук, прямо передо мной.

— И что прямо перед тобой? — я оглянулась к стеклянным дверям и заметила, что накаченный красавчик пошел дальше.

— Мужчина мечты, — мечтательно вздохнул Эдуардо. — Большой... жесткий... член... просто ушел... и так целый день, они все проходят мимо. *Ay, Dios mío!* — Он стал махать на свое лицо обеими руками.

Я не могла больше сдерживаться и рассмеялась вслух, иначе бы взорвалась.

— Наверное, не такой уж жесткий, как ты думаешь, если он ушел. Мне кажется, ходить с жестким членом целый день очень больно.

— Ты попала в самую точку, *condesa*, пожалуйста, скажи еще раз жесткий член лично для меня со своим милым акцентом.

— Нет, я не буду повторять, и перестань мне дерзить.

Эдуардо знал, что я не сердилась. Это была игра, и играли мы ради удовольствия. Джон и Карлайл, владельцы, совершенно не волновались на этот счет. Это было неотъемлемой частью работы с тремя гееми, дизайнерами интерьеров. Это была их территория, и такая установка меня вполне устраивала.

* * *

— Мартин, я же уже объяснила, почему не могу обслуживать коктейльный прием. Я не живу в Бостоне. И у меня здесь нет места, чтобы переночевать, у меня нет с собой одежды, чтобы надеть завтра. Если ты хочешь, чтобы я работала в кейтеринге, то в следующий раз тебе придется сообщить мне об этом за двадцать четыре часа, а не за час.

Если серьезно, он что тупой. Он что не понимает всей ситуации? Скорее всего, ему на это наплевать.

— Почему ты не можешь остаться на ночь у своей подруги? — предположил Мартин.

— Зоя уехала, и даже если бы она была здесь, существует еще одежда, — мне хотелось врезать ему.

Эдуардо, который имел обыкновение подслушивать все разговоры в офисе, если не приставал к кому-то, вдруг громко произнес:

— Ты можешь остаться у меня, если тебе нужно место, чтобы переночевать сегодня, — ужасно, он произнес это довольно громко.

— Я слышал его, — сообщил мне Мартин. — Так значит, решено?

Я молча посмотрела на Эдуардо таким взглядом, что он тут захотел пойти напятную.

— Брук?

— Да, Мартин?

— Итак, увидимся в шесть. Я напишу адрес, когда мы закончим разговор.

— Постой. У меня нет с собой ничего черно-белого.

— Что на тебе сейчас надето?

Если бы Мартин в данный момент был в поле моей видимости, он бы, наверное, корчился от боли моего убийственного взгляда.

— На мне изумрудно-зеленая с желтизной блузка, черная юбка и ботфорты. Совершенно неуместный наряд для кейтеринга. Я не могу туда пойти, как уже и говорила.

— Ты купишь белую блузку во время ланча и оставишь сапоги. Это корпоративный праздник и большинство гостей будут мужчины. Уверен, они оценят ботфорты на твоих красивых длинных ногах.

Эйййй. Ну какой же отвратительный засранец.

— Я притворюсь, что не слышала твоего комментария с сексуальным подтекстом о моей предстоящей работе вечером, которая напрямую связана с оплатой, да, Мартин? — Обслуживать на каблуках дело не легкое, плюс стоимость новой блузки. Если Мартину не нравится мое замечание, то он может отвалить.

Эдуардо хихикнул и поднял мне два больших пальца вверх.

— Двойная оплата, Брук, просто будь там.

Как бы я хотела отказаться, но лишние деньги будут очень кстати именно сейчас.

— Хорошо, я приду, но Мартин, если ты хочешь, чтобы я в будущем... предупреждай меня заранее, чтобы я смогла где-то переночевать, — если будет следующий раз. Может стоит подыскать себе что-то другое, наверное, неплохая идея.

Закончив звонок, я ткнула пальцем в Эдуардо и посмотрела на него своим убийственным взглядом, но не самой агрессивной версией.

— Ты попал, парень, если ты еще не понял. Можешь пойти и сказать боссам, что мы уходим в магазин мне за блузкой и принесем им ланч. И ты платишь за меня сегодня, — я мило улыбнулась ему, поднялась из-за стола, забирая пальто.

— Да, *mi condessa*, — пропел Эдуардо, взлетая на второй этаж, чтобы взять заказ у Джона и Карлайла.

Пока он был занят наверху, я хотела сообщить Нэн, что сегодня вечером не смогу ее навестить. Она будет рада, если я останусь на ночь у Эдуардо. Я старалась заезжать к ней каждый вечер, хотя бы недолго, поэтому не хотела, чтобы она волновалась, если я не приду. Мой звонок перешел на стойку регистрации, это для меня не было сюрпризом. Бабушка редко оставалась в своей комнате, особенно когда проводились какие-то мероприятия.

— Центр терапии Блэкстоун, у телефона Лайла. Чем я могу вам помочь?

— Привет Лайла, это Брук.

— Ваша бабушка сейчас в классе живописи, работает над морским пейзажем.

— Ах, звучит прекрасно, не могу дождаться, чтобы посмотреть на него. Не могли бы вы, если вас не затруднит, передать ей, что я работаю на Мартина сегодня? Она поймет, и передайте, что я заеду завтра, как обычно.

— Конечно, Брук, спасибо, что позвонили, она не будет переживать, вы же знаете ее.

Наш единственный вариант был — поместить Нэн в больницу, временно, пока она оправлялась от замены сустава в колене. Она не могла оставаться одна на полный день в коляске в коттедже, пока я работала в Бостоне. Нэн никогда не жаловалась, но я чувствовала,

что она хочет, как можно скорее очутиться дома.

Я хотела бы, чтобы она жила в коттедже и подумывала нанять сиделку, которая бы помогала ей восстанавливаться, но это оказалось невозможным, у нас не было денег — скудной пенсии бабушки и моей зарплаты не хватало. Как только поместье Блэкуотер было закрыто, заперто, она была вынуждена уйти на пенсию и с большой осторожностью стала тратить деньги, чтобы хоть как-то свести концы с концами. Она не выглядела старой, ей было всего лишь шестьдесят один, и я подозревала, что она очень скучала по своей работе, а также подругам среди обслуживающего персонала. На самом деле, замена коленного сустава потребовалась после падения, которое произошло именно после того, как она потеряла работу, пока скучала в одиночестве в своем коттедже. Слава Богу, что ее подруга Сильвия в тот день должна была прийти на чай, она то и обнаружила Нэн на нижней ступеньке подвала... испуганную и корчившуюся от ужасной боли.

Я часто задавалась вопросом, имеет ли семья Блэкстоунов хоть какую-то совесть, если учесть, что Нэн проработала на них более чем три десятилетия, а потом они вот так запросто уволили ее, даже не поблагодарив и не сказав «до свидания», ни пенсии, ни компенсации... они не предоставили ничего. *Печальные* воспоминания приходят в голову. Ко всему прочему они — *эгоистичные засранцы*. Нет оправдания их поведению. Нет никакого оправдания.

В первую очередь, остров Блэкстоун был местом, где несколько очень богатых людей имели коттеджи на берегу океана стоимостью миллионы долларов, куда выезжали на лето. К сожалению, остров был также местом, где было очень много бедных людей, усердно работающих, чтобы обслуживать этих самых богатых, при этом фактически ничего не имея взамен.

Глава 4

Калед

Последнее, что я хотел сделать в конце своего дерьмового дня, отправиться на прием и улыбаться с признательностью клиентам, потребляющим коктейли и закуски, с выражением лица, соответствующим Дженис Валентино ^[4]. Весь день я противостоял обеспокоенным вопросам людей, которые, на самом деле, не были придурками, а также с шутками и оскорблениями от людей, которые определенно были придурками. Не думаю, что многие из них купились на мою ложь о том, что я поскользнулся в душе, когда пытался поймать мраморное мыло из мыльницы. Но они не догадывались, что меня меньше всего заботило, что они думали обо мне и моей личной жизни. Пока они относились ко мне с уважением, я не собирался вступать с ними в конфронтацию, так как мог создавать день просто из воздуха. Несмотря на то, что я был ужасен, по их словам, когда дело доходило до отношений с женщинами. Я ничего не ощущал к тем женщинам, с ними меня связывал только секс, ничего больше. Честно, я никогда не чувствовал ничего с их стороны, кроме восхищения моей красотой с желанием, которое может совместно предоставить уйму общих удовольствий, конечно, если они были заинтересованы в том же самом. Я не жадный. Я всегда удостоверивался, что прежде, чем мы закончим, женщина точно будет удовлетворена. Я не имел понятия, что должен сделать, чтобы у меня с ними все было по-другому, и поскольку до конца не осознал всего своего дерьма, мне, однозначно, следовало держаться подальше от женщин. Мои отношения с ними всегда создавали полную неразбериху.

На самом деле единственной причиной, почему я вошел через эту дверь — была корпоративная вечеринка юридической фирмы моего отца. Видно во мне сыграла какая-то часть моего эго, которая по-прежнему хотела, чтобы он гордился, что я смог самостоятельно сделать успешную карьеру, не прибегая к его помощи. Теперь, когда он ушел от нас, я взял на себя его бизнес, прекрасно понимая, что его коллеги внимательно будут следить за мной, а конкретно, за моими действиями. Все мои братья вели свой собственный бизнес и имели деньги, а также владели долей в холдинге отца, но они не были вовлечены в ежедневное управление его бизнесом, только я. Лукас жил, словно отшельник на острове, создавая новые игровые системы, Уайатт тратил свое время между ЛА и Нью-Йорком, занимаясь своим бизнесом, о котором толком никто ничего не знал. Будучи старшим, последующие братья-близнецы, а потом пять лет спустя еще двух близняшек, но только девочек на этот раз, в семье я считался настоящей белой вороной. Уиллоу была помолвлена с профессором из Лиги Плюща, а Винтер училась в аспирантуре, так что братья и сестры были заняты своими делами, так собственно и должно было быть.

Моя мать очень гордилась тем, что родила моему отцу пятерых детей и только после третьей беременности начала маяться. И мама сделала все, чтобы каждый из нас знал, что ее страдания во время родов были самыми худшими. Возможно, именно поэтому она и обижалась на меня, словно все ее усилия были направлены только на одного ребенка — меня.

Мой разговор с матерью по поводу моих отношений с женщинами только начался. Сегодня у меня состоялся не очень приятный разговор с ней по телефону. Дженис тут же рванула к моей маме, рассказывая совершенно грустную историю, насколько я

неуважительно к ней относился, нарушив все обещания. Я не стал говорить, что буквально меньше чем за пять минут после того, как оставила меня, она делала глубокий минет Джеймсу Бленки. Думаю, маме не следует знать и даже представлять эту картину, поэтому я ничего ей не сказал в ответ, кроме того, что Дженис не была моей девушкой, хотя мы все думали, что она была, и она не будет для меня ничем большим, чем просто другом семьи, даже после нашего расставания. Но мама все же воспользовалась возможностью и сообщила мне, что своим поступком я пошатнул ее дружбу с матерью Дженис. Я предложил ей, сделать щедрое пожертвование в их семейное не коммерческое предприятие, чтобы хоть как-то сгладить острые углы. Полагаю, ей было совершенно наплевать на мое предложение, потому что после этого она быстро закончила наш разговор.

Я преодолел уже два больших глотка, пока разговаривал и желал отлить.

Кивая знакомым и говоря правильные слова, я пожимал руки коллегам, которые знали моего отца, а также принимал от них соболезнования. Мысленно я делал пометку, запоминая людей, которые с трудом упоминали его имя, чтобы вписать их имена в черный список, как только вернусь домой.

Я двигался через помещение, как меня и учил отец (именно так можно получить как можно больше потенциальных клиентов для сделок), когда я решил, что могу спокойно завершить свое пребывание здесь. Вполне подходящее время, чтобы удалиться. Поставив свой бокал на пустой столик, я направился к входной двери... и тут увидел ее.

Вот так запросто. Она появилась в поле моего зрения, и я не смог оторвать от нее глаз.

Прекрасная девушка из «Старбакса» сегодня утром на улице Херефорд-Стрит.

Я понял, что это именно она, разве можно забыть эти сексуальные ботфорты? Она не распустила свои светлые волосы, как сегодня утром, а убрала их в гладкий хвост на затылке... она обслуживала это событие? Я видел ее рядом со «Старбаксом» в дизайн-студии. Скорее всего она работает на двух работах. Трудолюбивая... красивая... сексуальная.

Я быстро вернулся к столику, где оставил пустой стакан и снова схватил его. Я вдруг почувствовал, что не прочь принять стаканчик аперитива или два.

Она наблюдала за мной, пока я приближался к ней и ее подносу.

— Что это такое? — спросил я, даже толком не взглянув на ее поднос. Несколько нехороший ход с моей стороны, но я был слишком занят, рассматривая ее золотистые глаза и волосы, а также все остальное, что я смог разглядеть вблизи. Идеальная кожа, темные ресницы, обрамляющие красивых глаза, шрам по линии роста волос с правой стороны лица. Кто-то уже успел ее обидеть в прошлом, и мне показалось, что я несколько съехал со своих рельсов, поскольку вдруг стал беспокоиться об этом.

Она вместе сжала свои розовые губы, как будто пыталась подавить смех.

— Ну, мне сообщили, что это типа... *фрикаделек*. Очень необычные для гурманов. Вам стоит попробовать. Говорят, они очень вкусные.

Голос ее был... офигительно прекрасным.

— Хорошо, — я взял котлетку и положил ее в рот. Никакого вкуса. С таким же успехом, я мог бы жевать субпродукты, и тоже ничего бы не почувствовал. Мозг отключился полностью, кроме ее прекрасного голоса.

— Ты либо меня подкальываешь, либо ударился головой получив тяжелые последствия. Или же я готова держать пари, что ты раньше не пробовал фрикаделек.

— Пробовал.

Она сдержала свою улыбку.

— Ты подкальываешь меня, да?

— Нет, я разрушен... имею в виду опустошен... ударившись головой, — Мать твою, что я несу ей? Я говорил, словно «Человек дождя» с IQ, находящемся явно в минусе. Мне стоило помолчать.

— Мне жаль это слышать. Должно быть было больно.

— Сейчас уже не больно, — я подумывал улыбнуться или покачать головой, но не знал, что выбрать. Она запросто могла принять меня за деревенщину, потому что я именно так себя и вел. Мне нравился звук ее голоса.

— Еще одну редкую и эксклюзивную фрикадельку? — предложила она, протягивая поднос и внимательно меня изучая на этот раз. Она должно быть испытывала отвращение к моей внешности, включая мое поведение, но на лице ничего подобного у нее не отразилось.

— Да, пожалуйста, — я взял еще одну фрикадельку, но не стал класть ее в рот. — Ты англичанка.

— А ты американец, — сказала она, быстро подмигнув, отворачиваясь от меня, чтобы обслужить других гостей.

Я наблюдал, как она уходила и ощущал ускоренное биение своего сердца, гонящего кровь по всему моему телу.

Со мной что-то происходило.

Я не мог сказать, что именно, но я точно понял из-за кого.

Ее.

* * *

Естественно, я не покинул помещение, как планировал ранее.

Я остался на этом нелепом приеме, чтобы следить за девушкой, которую не знал.

Я, Калев Блэкстоун, превратился в этот момент в сталкера и совершенно не сожалел об этом.

О, в течение следующего часа или около того, я наблюдал отличное шоу, продолжая выслушивать болтовню людей, которым с трудом уделял внимание, в большей степени наблюдая, как она двигается по комнате, предлагая фрикадельки в своей узкой юбке и сапогах трахни-меня. Мне даже удалось представить ее фактически обнаженной, но в этих сапогах. Мои мысли были грязными и похотливыми до неприличия, поскольку мой член хотел приступить к действию.

И очень сильно хотел.

Такого со мной еще не бывало, не происходило в комнате, заполненной деловыми партнерами. Мой член еще ни разу не вставал от красивой девушки, разносящей закуски.

Да, но в данный момент было именно так.

Кроме того, я понял, что был не единственным, кто смотрел на нее в этих сапогах, пожирая глазами, делая ее незаметной в данном случае, сегодняшний прием состоял в основном из мужчин, каждые пятьдесят две секунды думающих о сексе. И если она попадала в поле зрения, думать о чем-либо еще было просто невозможно.

— Я бы лучше использовал свое время, схватив эту упругую прекрасную задницу и медленно бы ... оттрахал ее в этих сапогах.

Кевин Олдрич был недоумком, инвестиционным банкиром с залысынами у лба, появившимся животиком и большим целевым фондом, унаследованным от своего деда-аристократа. Он был женат, имел двоих или троих детей-подростков, а также проблему с употреблением алкоголя. Печальная правда была в том, что вокруг него крутились красивые женщины, которых он использовал, поскольку имел деньги, тем самым помогая им смириться, что он был полным придурком.

Я ничего не ответил ему, но почувствовал, как у меня закипает кровь. В это мгновение я по-настоящему понял смысл выражения — «это заставило мою кровь вскипеть». Я стал просто бомбой замедленного действия.

Олдрич поднял свой стакан, продолжая пускать слюни в ее сторону, призывая ее снова к себе. Она заметила его жест и направилась к нему с подносом, на котором, я уже заметил, располагался коктейль из креветок. Я уже не собирался совершать ту же ошибку.

— Коктейль из креветок поразил ваше воображение, господа? — приветливо поинтересовалась она.

— Вы поражаете мое воображение, Сексуальные Сапоги, — произнес Олдрич, с явной похотью поглядывая на нее. Хорошо, парень был хуже, чем самое отвратительное чмо. Он был дебилом с навыками общения таракана.

— Умно. Тоже самое я слышала от четырнадцати человек уже за полтора часа, — спокойно ответила она. — Могу я предложить вам коктейль из креветок? — повторила она, явно не весело, по крайней мере, об этом говорили ее глаза.

Олдрич либо был слишком пьян, либо слишком глуп, чтобы понять намек.

— Как насчет, назвать свою цену вместо этого? Я отведу тебя туда, где мы сможем съесть все креветки, если захотим, — он прицелкнул на нее языком, и я выплеснул все свое дерьмо. Забыв о кипении моей крови, я хотел просто его убить.

— Ни хрена, Олдрич, тебе *не просто* будет сделать это!

Он совершил две очень глупых вещи, причем почти одновременно — потянулся рукой, схватив ее за задницу и прижимая к себе, сказав мне:

— Не обламывай меня и Сексуальные Сапоги. Мы только познакомились, и она выглядит так, словно может долго и медленно объезжать в этих С...

Олдрич не успел договорить, потому что получил немедленный и мастерски выполненный удар локтем в переносицу. *Ее локтем по его носу.* Жаль, мне хотелось первым ему двинуть и оттолкнуть его от нее. Его круглая лысина резко и со всей силы ударила меня в подбородок, и он стал всем своим весом заваливаться на меня, увлекая за собой, вместе с крошечными соусниками и розовыми креветками, которые разлетелись дугой, никого, правда, не зацепив в пределах десяти футов.

Наступила полная тишина, все разговоры стихли, присутствующие все свое внимание сосредоточила на нас.

— Ты, чертова сука! Ты сломала мне нос, — проревел Олдрич, пытаясь остановить хлещущую кровь, которая лилась по его, если можно так выразиться, личику.

— Вы лапали меня своими руками. Этого теперь никому не сходит с рук, — сказала она ему стальным голосом, разворачиваясь в направлении кухни.

— Отвали от меня, Олдрич! — я отпихнул его и поднялся на ноги. — Тупое чертово дерьмо, ты вляпался, мужик. Чертово дерьмо, — сказал я, удаляя со своего пиджака одинокую креветку за хвост.

— Она напала на меня. Ты видел, как все произошло, Блэкстоун, — закричал он. — Я

подам в суд на эту сучку за причиненный ущерб, *банная шлюха!

Я схватил его за воротник пиджака и подтащил к своему лицу.

— Ты не сделаешь ничего подобного или пожалеешь потом об этом. Отправляйся домой к своей жене и семье, если они до сих пор у тебя есть.

— Пошел ты, Блэкстоун, — но его слова больше прозвучали как, «пшел ты, Блэкстон», из-за его сломанного носа. Он явно утратил большую часть своего самомнения. Высокомерный мудака.

— И постарайся взять такси, ты опасен для пешеходов в таком состоянии, — добавил я. — Ты слишком пьян, не в состоянии даже стоять, а уж тем более везти машину. — Потом я отпустил его лацканы костюма, и он опять упал, растянувшись на полу в своей собственной крови и множестве креветок.

Я обнаружил ее в помещении кухни, она ругалась со своим боссом.

— Какого черта ты его ударила?

— Сексуальное насилие — уголовно наказуемо, идиот. Почему, черт возьми, ты заставил меня участвовать в этом сегодня, Мартин, бросив на растерзание стаи кобелей? А? Ты хоть представляешь, с чем я мирилась за сегодняшний вечер?

Оуч. Я очень сильно надеялся, что она не примешивает меня к этой своре кобелей.

Она запустила руку в передний карман своего красного фартука, обернутого вокруг ее бедер, и вытащила горсть визиток, швырнув их в лицо своего босса.

— Вот сколько кобелей хотят узнать меня лучше и продемонстрировать, как они смогут чмоки-чпоки провести со мной хорошо время, и главное здесь «насколько хорошо»! Я не нанималась на такие вещи, пытаюсь сделать свою работу. — *Господи Иисусе, она права.*

— О, черт возьми, Брук, не так уж и плохо было очутиться на этом приеме. Ты просто психанула.

На самом деле, она не психанула.

— Он положил свои руки мне на задницу и готов был запустить свой язык мне в рот, и ты считаешь, что я психанула?

Ее боссу явно хватило мозгов промолчать в связи с ее последним замечанием, по крайней мере, я подумал, что хватило.

— Ты должна вернуться туда, взять визитки с именами и номерами телефонов, извиниться и навести порядок. Поскольку нам теперь потребуется оплатить химчистку. Действуй, и ты сможешь сохранить свою работу, — у меня возникла мысль, что ее босс совсем ее не знал. *Я был точно уверен, что она закончила с этим, мудака.*

Она с изумлением посмотрела на него, испытывая шок какую-то долю секунду, потом опустила руки, развязывая свой передник. Ей понадобилось всего лишь несколько секунд, чтобы освободиться от крест-накрест переплетенных лямок фартука, но мне показалось, что ее злость от этого только увеличивалась, она волнами исходила от нее. Ее босс оказался полным идиотом, молча стоя и наблюдая, как ее фартук падет к ее ногам.

Именно это она и совершила. У его ног лежали разбросанные визитные карточки кобелей, которые надеялись провести с ней прекрасно время. *Хорошая девочка.*

— Нет, благодарю, Мартин. Но я бросаю эту отвратительную работу, и больше никогда не пытайся мне звонить. — *Умная девочка.*

— Брук, — закричал он ей в след, — кто заплатит за все это? — Я подумал, *что должен заплатить сам Мартин.*

Но Брук уже забрала свои вещи и была у двери, обернувшись в последний раз, ее

длинный светлый хвост ударил с силой ей по шее. Она злилась, но ее самообладание было просто великолепным... и ее слова, сказанные с ее своеобразным акцентом, впечатляли. Я не мог отвести от нее глаз.

— Вычти это из моего расчета. И отвали от меня, — *мой член так сильно желал эту девушку прямо сейчас.*

И Брук исчезла.

— Я возьму весь причиненный ущерб, но я искренне сомневаюсь, что его можно исправить. Парень, который домогался ее, явно перешел границы, и я все видел. Я готов оплатить все счета за химчистку, — я протянул этому идиоту свою визитку, он смотрел на меня открыв рот, по-прежнему стоя на кухне, словно золотая рыбка, испускающая свой последний вдох.

Я догнал ее на улице, она стояла в очереди на такси. Она мельком взглянула на меня, как только я подошел к ней, но не сказала ни слова.

— Эй, меня впечатлил ваш прием самозащиты, — произнес я.

— Жаль, что вы попали под раздачу, — она махнула головой в сторону моего костюма, который был довольно сильно обгажен соусом для креветок.

Я пожал плечами.

— Необходима химчистка. Как ты? С тобой все в порядке после такого фиаско?

— Я буду в порядке, как только вернусь домой, — ее голос звучал не так уверенно, как там на кухне, и я почувствовал, как меня захлестывает адреналин. Она была расстроена, другого ожидать и не следовало.

— Могу я тебя подвезти? Моя машина может оказаться здесь через пять минут, и я был бы рад отвезти тебя, куда необходимо.

Она отрицательно покачала головой.

— Это невозможно, если только твоя машина не плавает по воде, — она взглянула на часы. — Кроме того, я недостаточно хорошо вас знаю, а я никогда не сяду в машину с мужчиной, которого не знаю.

— Согласен, вопрос снят, — сказал я. Хотя я и был разочарован, что она не приняла мое предложение, но мне пришлось согласиться с ее потрясающей логикой. Девушка, похожая на нее, безусловно, не должна идти с мужчиной, которого она фактически не знала. Это было опасно. По какой-то причине мне стала ненавистна сама мысль, что ей может угрожать какая-то опасность. — Я сожалею, что сегодня вам пришлось пережить эту толпу мужчин. Надеюсь, я не сделал ничего такого, чтобы как-то обидеть вас...

— Я обратила внимание, что вы стояли с ним рядом и благодарю вас за то, что приняли мою сторону. Нет, вы не обидели меня тем, что совершенно не знали вкуса фрикаделек. Я рада, что помогла вам разрешить эту небольшую проблему. Сейчас вы знаток редкого деликатеса под названием фрикадельки, и вам совершенно не обязательно что-либо делать для меня, — ответила она с намеком на улыбку.

Она была настолько неповторима, пытаясь пошутить со мной, хотя было видно, что расстроена, причем ужасно расстроена из-за произошедшего приема, но она старалась не показывать виду. Она была настолько красивой, но при этом очень... печальной. Если бы мне пришлось подбирать слова, чтобы описать, как мы познакомились, я бы сказал, что в тот момент она была грустной. И меня, если честно, это очень сильно обеспокоило.

— Спасибо за урок по фрикаделькам. Мне они очень понравились. Кстати, я Калеб. Калеб Блэк...

Нас прервал ее телефонный рингтон, настолько необычный, в мелодии которого я безошибочно узнал Ricky Martin's «*Shake Your Bon-Bon*». «*Интересный выбор*», — подумал я в тот момент, когда она отвернулась от меня, чтобы ответить на звонок.

— Черт возьми, я так рада, что ты позвонил, — слова «черт возьми» были ею произнесены со своеобразным акцентом... «черт...

— Я хочу попасть на паром в восемь тридцать, если поспешу, так что я еду домой. Я не останусь, — Ах. «*Это невозможно, если только ваш автомобиль не может плавать на воде*». Вот и ответ на этот вопрос.

— Слишком длинная и ужасная история. Достаточно будет сказать, что теперь я подыскиваю новую подработку. — *Ей нужна подработка?*

— Увидимся завтра, — *в офисе на Херефорд-Стрит.*

— Я тоже люблю тебя, — *Парень или просто друг?*

Мои навыки сталкера однозначно улучшались, поскольку я мог слышать все ее разговоры и расшифровывать их. Я готов был ловить любое слово, которое она произносила. Такси рвануло вперед, остановившись перед ней, и она четко произнесла адрес:

— Паром на остров Блэкстоун, — залезая внутрь салона.

Я наблюдал, как такси тронулось с места и поехало, пока не исчезло из вида.

Она ни разу не оглянулась и не помахала мне рукой, попрощавшись.

Она не назвала мне своего имени, но я понял, что она Брук. Брук с острова Блэкстоун, которая работала в дизайн-студии на Херефорд-Стрит, следующая дверь за «Старбакс». Она была красивой, остроумной и смелой. Я был впечатлен ее строгим отношением на протяжении всей ночи к ее боссу и бизнесменам, вершителем мира сего. Брук не была застенчивой, плюс у нее был самый потрясающий голос, который я когда-либо слышал.

Это было все, что я смог о ней узнать, но для меня этого было достаточно, чтобы отыскать ее, если бы я захотел. Скорее всего «*если бы*» не было. Потому что вопрос стоял — *как быстро*.

И этого было вполне достаточно.

Глава 5

Брук

— Спасибо, Уилл. Я бежала сломя голову, чтобы поспеть, — сказала я капитану, сделав шаг на паром, отходивший последний раз сегодня поздним вечером.

— У тебя был резерв всего лишь две минуты, — произнес Уилл Дарлингтон, руководящий паромной компанией острова Блэкстоун, который никогда мне точно не говорил, во сколько паром должен отойти от пристани. Мы так шутили. Думаю, он иногда разрешил бы мне даже опоздать, если бы увидел, как я несусь по пристани, но я до сих пор никогда не опаздывала.

— Возраст берет свое, Уилл. Резерв в две минуты и бег на каблуках, чувствую, что мне сопутствовал успех.

Он застенчиво улыбнулся и медленно покачал головой.

— Рад, что ты успела на борт, Брук, — Уилл не отличался болтливостью, он был добрым и очень серьезно относился к своим капитанским обязанностям. Он был одним из тех трудолюбивых островитян, которые проводили долгие часы в море, чтобы заработать себе на жизнь в сложных экономических условиях. Если бы вам нравилась ваша работа, как мне и предположительно Уиллу, то жизнь стала бы намного лучше.

Стоило мне найти место внутри, в тепле, и я впервые за три часа позволила себе расслабиться. Меня вдруг усиленно стал морить в сон, мне не хотелось вспоминать того засранца, который схватил меня за задницу, и что я ушла со второй работы, о всем этом дерьме и отсутствии денег, и о моих проблемах.

Поэтому я сложила руки на столе и опустила на них голову, прижавшись щекой к мягкому пальто.

Я закрыла глаза и позволила парому, убаюкать меня.

Через час чья-то рука нежно дотронулась до моего плеча, окликаая по имени и тормоша.

— Ты в порядке, Брук? — зеленые глаза смотрели на меня с беспокойством. — Мы прибыли, и я должен закрыть паром на ночь. На нем никто не должен оставаться.

— О! Меня разморило. Прости, — начала я. — Я пойду. — Поспешила я встать и забрать свою сумку.

— Не беспокойся обо всем, — заверил он меня в своей мягкой, доброй манере, которую с годами выработал. — Уверена, что доберешься домой.

— Спокойной ночи, Уилл.

— Спокойной, Брук.

Я почувствовала, если бы как-то поощрила его.., а не относилась бы к нему по-дружески, но на другое я была не способна. Он не заигрывал со мной, поскольку всегда был джентльменом во всех отношениях, но девушки всегда чувствуют признаки, когда кто-то интересуется ими. Уилл был хорошим, очень симпатичным, трудолюбивым, отличным уловом для любой, но не для меня. Точнее, я не подходила для любого мужчины в данный момент. Слишком рано. Слишком многое позади. Слишком трудно мне было представить себя с кем-то опять, когда я все еще пыталась забыть того мужчину, с которым была прежде. Мужчину, которому я позволила взять над собой власть и который почти уничтожил меня.

Ему почти удалось, и я не могла... *и не собиралась...* совершать ту же ошибку второй раз.

Я дошла до стоянки и забралась в джип «Чероки» Нэн 1980, который она любовно называла Вуди, обшитый под дерево панелями снаружи и внутри. Я всегда была благодарна Вуди за его надежность, потому что даже если бы у него не было плавного хода на протяжении четырех километров по ухабистым переулкам ночью, мне всегда становилось в нем спокойно. Всегда следовало знать свой путь, или вы могли бы съехать и оказаться на середине луга или врезаться в дерево, совершив один неправильный поворот. Я медленно ехала, потому что маленькие ночные создания имели тенденцию неожиданно выскакивать на дорогу, из-за чего я потом несколько дней страдала, если нечаянно сбивала кролика или ночную птицу.

Коттедж Нэн фундаментально и уютно возвышался, словно на насесте, на вершине пологого холма с видом на море. Было темно, но маяк Фэйрчайлд озарял мыс внизу. На острове имелось два маяка — Фэйрчайлд на юге, и Западный маяк на западе, где находились большинство особняков и усадеб, построенных на острове и на материке, защищая своим светом от сурового открытого океана.

Я остановилась, и направилась в дом, внизу живота ощущая поднимающуюся панику. Беспокойство было связано с тем, сколько еще Нэн сможет оставаться здесь, в коттедже. У меня не было ответа. Я знала, что она владела им целиком и полностью, и это было ее единственная недвижимость, которую моя бабушка получила от брака с моим дедушкой. Он умер, когда моя мама была еще маленькой, поэтому она фактически не знала своего отца. Нэн так больше и не вышла замуж после смерти моего деда, вместо этого она посвятила свою жизнь, ведению хозяйства в Блэкуотер. Свободный от ипотеки, являющийся частной собственностью, с учетом стоимости земли на острове курорте, плюс открывающийся вид, коттедж имеет значительную стоимость. Но он был очень маленьким, и не в элитной части острова, где стояли роскошные отели и частные особняки. Я не могла представить, что Нэн согласится его продать и переехать куда-то в другое место. Куда? Но ситуация с деньгами не изменится к лучшему, по крайней мере, мне стоит поинтересоваться у нее об этом. Я сделала для себя пометку, что скорее всего мне стоит навестить Германа и спросить его совета. Если кто-то и мог ответить на мой вопрос, то скорее всего это будет он. Возможно, Нэн сможет получить какую-то прибыль и взять суду на небольшой домик, чтобы мы смогли как-то решить этот вопрос.

Кого я обманывала? Разве существует возможность решить каким-то образом наши финансовые проблемы, если только мы не выиграем в лотерею штата Массачусетс? Да, именно так.

Расстроенная, я отправилась на кухню, чтобы сделать себе чашку чая. Сейчас было слишком поздно для кофе, а мне необходимо было выспаться после хренового дня, который у меня был. Я сняла первый сапог, испытывая беспокойство из-за своих любимых ботфортов, которые и стали причиной моих проблем сегодня вечером. Конечно же они привлекали к себе совершенно ненужное внимание, пока я обслуживала клиентов. Не просто же так Эдуардо сегодня утром встретил меня словами, что эти сапоги кричат: *«Возьми меня, я не могу уже больше этого выносить»*? Все, произошедшее сегодня утром, казалось, было так давно. Если бы я сегодня работала в своей обычной униформе, не было бы того ужасного мужчины, который схватил меня, говоря все эти ужасные вещи? Меня передернуло от воспоминаний. Мое молниеносное движение и его собственническое прикосновение, его руки на моем теле, только усилили во мне сейчас отвращение. Моя единственная мысль — он должен перестать меня трогать, потому что я не могла терпеть такого грубого и хамского

обхождения.

А он именно это и делал. Я никогда не забуду, каково это. Я хотела забыть... Не знаю, смогу ли когда-нибудь забыть.

На воротнике своей утром купленной белой блузки я увидела пятно от соуса для креветок. Вот черт. Я налила отбеливатель и оставила ее замачиваться в раковине в ванной комнате, но думаю, что блузка станет не пригодной для дальнейшей носки, она слишком белая. Что что, а соус фактически невозможно отстирать, чтобы было не заметно. Считай, я испортила блузку соусом коктейлем для креветок. Мой желудок ухнул вниз, как только я вспомнила, что во время падения мужчина забрызгал соусом несколько дорогих костюмов, а мой заработок даже близко не относился к тому, чтобы потратить его на химчистку дизайнерских костюмов. Надеюсь, у химчистки имеется какое-то волшебное средство, как удалить эти пятна. В любом случае, теперь это проблема Мартина. Он может обратиться к засранцу, который устроил весь этот бардак и заставить его заплатить.

Ты сломала мужчине нос сегодня. Да, сломала. И сломала бы его снова, окажись в такой же ситуации... даже не задумываясь.

Я взглянула вниз на свои ноги.

Именно из-за шрамов на правой щиколотке и колене я носила ботфорты или плотные колготки, когда надевала юбки. Шрамы были ужасными, мне не хотелось их видеть и... вспоминать.

* * *

— У тебя появился поклонник, *condesa*, взгляни, что доставили для Брук, — Эдуардо прохаживался к моему рабочему месту с великолепным букетом темно-красных пионов и поставил их мне на стол. Цветы были потрясающие, красно-клюквенного цвета, с огромными раскрывающимися бутонами. Они станут просто огромными, когда раскроются полностью. Яркими и необычными, и совершенно неожиданными.

— От кого? — я не могла представить от кого могли быть цветы. Мартин? Нет, он был слишком зажимист для цветов. Пионы были дорогими, плюс они росли в горшке, были не срезанными. Я могла бы потом высадить их в землю в саду у Нэн и наслаждаться ими еще долгое время.

— Прочитай визитку, Ай Боже, чего же ты ждешь? — он вынул визитку из букета и сунул мне в руку. — Я просто сейчас умру, если ты не скажешь мне, кто тебе послал букет.

— Тебе стоило стать актером, Эдуардо, — ответила я ему, открывая конверт и читая.

Брук,

прими эти цветы в знак моей признательности за урок с фрикадельками прошлой ночью.

Это было незабываемо.

Калев

Парень с черными глазами. Незабываемо? Он предпринял усилие, чтобы выглядеть хорошо даже после того, как его сбил с ног тот мудака, посмевающий положить на меня свои

грязные руки. Почему? Зачем посылать мне дорогие цветы, и откуда он вообще знает, куда их стоило направить? Он знал мое имя. Думаю, он спросил его у Мартина, но от Мартина — это действительно удар ниже пояса, раскрытие информации о своем персонале незнакомцу. Это незаконно.

Я передала карточку Эдуардо, чтобы он смог ее прочитать.

В голове возник наш вчерашний разговор, когда он предложил подвезти меня, но я отклонила его предложение, и он не выказал недовольства. Эту черту его характера оценила больше всего. Мужчину, способного смириться со словом «нет» не так-то просто найти, это я уже знала по своему опыту. Может и существовали такие, но мне они явно не попадались, видно я ходила где-то не там. У меня появился соблазн в ту же минуту позвонить по телефону, веденному жирным шрифтом на обратной стороне визитки, на который я обратила внимание, забрав ее у Эдуардо. Но что я скажу?

Калев. Я не могла удержаться от улыбки, когда вспомнила, каким милым он был со мной, пробуя фрикадельки. Несомненно, это был самый нелепый разговор за весь вечер, и он не поленился отправить мне цветы, которые даже выглядели как фрикадельки, если присмотреться к их бутонам. Я снова внимательно их рассматривала. Цвет был тоже таким же. Так красиво. Вау.

Очень умный мужчина этот Калев.

И невероятно красивый, даже слишком. Даже имея в виду, что получил сокрушительный удар по голове.

Я терпела следующие два часа, не поднимая трубку, пионы, которые словно издевались надо мной, стояли на моем рабочем столе, потом сказала самой себе, черт с ним и отказалась от борьбы. Оправдание? Я женщина и конечно же победило любопытство. Я написала смс-ку.

Калев, спасибо за красивые цветы, такие же красные как фрикадельки. Очень мило с вашей стороны, но... как ты смог меня найти? Брук.

Мой телефон зазвонил через две минуты, я ничего не могла поделать, как улыбнулась во второй раз.

Глава 6

Калёб

— Да! — воскликнул я, как только пришла ее смс-ка, возможно, слишком восторженно, но кого на хрен это волнует? Я владею компанией, и Брук только что дала мне своей номер телефона.

Виктория замолчала, рассказывая мое расписание, и оторвалась от своих записей, поглядывая на меня с любопытством.

— Мне нужно позвонить... закончим после ланча, — сказал я, надеясь, она поняла, что я имел ввиду, типа – «убирайся и предоставь мне личное пространство». Виктория Блэки не была дурочкой, именно поэтому она была моим личным ассистентом. Она была младшей сестрой моего лучшего друга и идеальной кандидаткой для работы в качестве моего личного помощника. Я знал ее с тех пор, когда она была еще ребенком, а она прекрасно знала то общества, в котором я вращался, настолько хорошо, что мне иногда казалось, что она знает это общество намного лучше, чем я. Поскольку это общество было и ее.

— Красные пионы? — спросила она, поднимаясь со стула.

— Возможно, — я добавил номер Брук в свои контакты и попытался проигнорировать Викторию.

— Так я и думала, — и мне послышался ухмылка в ее голосе, когда она закрывала дверь в мой кабинет с еле слышным щелчком.

Я занес палец на номере Брук и замер — я действительно вполне осознанно преследую ее. Хотя не так давно, сам себе дал обет отречься от женщин на какое-то время. Но в ней было что-то такое, отчего я не мог не тянуться к ней. И мне необходимо было узнать о ней гораздо больше.

Поэтому я провел пальцем по зеленому кругу с нарисованной телефонной трубкой.

Прошло пять звонков, прежде чем она ответила, и с каждым звонком я все сильнее и сильнее сжимал телефон.

— Привет, ты Калёб? — Ахххх... ее голос явно имел надо мной власть. Стоило ей произнести хоть слова и моя способность отвечать ей куда-то испарялась. Это было чистое безумство.

— Да, Брук, я.

— У тебя отличный вкус в цветах. Я наслаждаюсь ими все утро, но почему ты прислал их?

— Подумал, что тебе необходимо немного воспрянуть духом после вчерашнего.

— Ах, это очень мило с твоей стороны, но как ты узнал, что я работаю именно здесь?

— Я бы сказал, что это судьба, Брук.

— Как это? — не могу сказать, была ли она готова меня отшить или нет, я решил, что мне терять уже нечего, поэтому выдал ей, видит Бог, чистую правду.

— Я видел, как ты вчера утром покупала кофе в «Старбаксе», а потом вошла в соседний офис. Когда я увидел тебя вчера на коктейльной вечеринке, разносящей напитки, твои сапоги напомнили мне, что я видел тебя утром. Мне тогда позвонили, и я остановился перед окнами вашего офиса, подальше от толпы, и смотрел на тебя через стекло.

— Это был ты? — что-то больно кольнуло у меня в груди, я даже поднял руки и

положил ладонь, потеряв это место.

— Ага, это был я. Почему-то у меня возникает такое чувство, что ты тоже меня заметила, Брук?

— Ты был в очках от солнца, потому что до этого ударился головой? — Ну, да, она точно видела меня.

— Да. Я был так опустошен, помнишь?

Она засмеялась, и мне захотелось ее увидеть в этот момент.

— О да, я очень хорошо помню, что ты был так подавлен, Калеб. Ты абсолютно не помнил, как выглядят и каковы на вкус фрикадельки.

— Точно. Думаю, что моя память слегка повредилась из-за сокрушительного удара по голове, но, к счастью, там была ты и прояснила мое замешательство. Мне повезло.

— Как сегодня твоя травма? — тот факт, что она поинтересовалась, было приятно.

— Выглядит не очень, но уже почти не болит.

— Ну, я рада это слышать. А откуда, Калеб, ты знаешь, что меня зовут Брук?

— Я слышал, как к тебе обращался твой босс, когда ты уходила.

— Ты настоящий Шерлок Холмс, не так ли?

— На самом деле, нет, но обладаю очень хорошим слухом. Например, я слышал, как ты сказала водителю такси, чтобы он доставил тебя к парому, идущему в сторону острова Блэкстоун, поэтому воспользовавшись своим дедуктивным методом и сложив то, ты же тогда сказала, что едешь домой, я сделал предположение, что ты живешь на острове.

— Ты преследуешь меня, Калеб?

Да.

— Вовсе нет, Брук, просто наблюдаю, принимая во внимание некоторые вещи, у нас есть кое-что общее.

— Что именно?

— Остров Блэкстоун, конечно. У моей семьи имеется дом на стороне Западного маяка, и мой брат тоже живет на острове, но в своем доме в нескольких милях дальше по западному побережью. У него прекрасный дом с частным пляжем... идеально подходящий для выходных, чтобы проводить их вдаль от города. — Ну, хорошо, хорошо, я лгал. Я никогда не был в доме Лукаса на острове, потому что не ступал на остров почти десять лет. Я узнал о его доме, когда он прислал мне ссылку от риелтора, покупая этот дом два года назад.

— Дом твоего брата звучит заманчиво, но могу тебя заверить, у нас не так уж много общего, кроме острова.

Что это, сарказм в ее голосе?

— Что ты имеешь в виду? — я почувствовал ее недовольство, и у меня закрались кое-какие сомнения, напрочь убивая кайф от разговора, мы так отлично начали нашу беседу.

— Не у всех, кто живет на острове имеется особняк с частным пляжем, Калеб. На самом деле, большинство коренных жителей острова с трудом могут найти себе работу, которая сможет поддерживать и кормить их круглый год. Туристический бизнес — сезонное явление, поэтому те, кто не живут на западном побережье, как бы живут совсем в другой реальности.

— Ой... где ты живешь? — нерешительно поинтересовался я.

— В доме своей бабушки на холме, недалеко от Маяка Фэйрчайлд, где нет частных пляжей и коттеджей. И нет никакой работы для женщины, которая отдала тридцать пять лет своей жизни, работая в одном из тех прекрасных особняков на западном побережье, а потом

его закрыли и всех уволили.

— Это ужасно, кто так сделал. Твоя бабушка работала на них?

— Да, она курировала ведение домашнего хозяйства и порядка во всем поместье.

— Мне так жаль, что она потеряла работу.

— Почему? Это не твоя вина, Калед. Ты не можешь помочь этому, даже если твоя семья живет на западном побережье, а моя на конце южного.

Установилось неловкое молчание, я, если честно, не знал, как реагировать. Брук спасла меня прежде, чем я успел что-то сказать.

— Послушай, с моей стороны, это невежливо, я хочу извиниться за то, что сейчас наговорила. Я забылась на мгновение, прости. Мне хочется тебя поблагодарить за прекрасные цветы. Они, действительно, настолько прекрасны, и думаю, что когда-нибудь увидев фрикадельки буду вспоминать тебя.

— Спасибо, что оценила мои цветы, и, пожалуйста, не стесняйся вспоминать меня всякий раз, когда будешь смотреть на фрикадельки. Я буду польщен.

Она засмеялась, но смех было уже ни таким, как в первый раз. Магия ушла, остался только какой-то неуловимый неприятный осадок.

— До свидания, Калед.

— Береги себя, Брук.

Я сидел на своей заднице, раздумывая, где, в какой момент разговор принял неправильный поворот. Потому что определенно так и случилось. Почему меня влекло к ней, только потому что она была красивой и ее голос звучал сексуально, и это меня возбуждало? Я грешил на свое предвзятое мнение о ней, потому что тогда она показалась мне такой самоуверенной и образованной? Я оценивал ее, решив, что она с деньгами, потому что жила на острове и работала в профессиональном офисе? *И я полагал, что это будет единственным необходимым критерием, чтобы продолжить мое преследование?*

Не думаю, что я рассматривал любой из этих вопросов, но может подсознательно. Я не мог точно вспомнить, что конкретно о ней подумал, когда она услышал, что она живет на острове, но мне даже не пришло в голову, что она может быть... из бедных. Я вообще об этом никогда не задумывался, такая мысль даже не могла прийти мне в голову, она не укладывалась в границы моего мира. Я всю жизнь имел дело с деньгами, и должен был сделать все, чтобы их преумножить. *Бедные никогда не были частью моего общества, не были мне «родней». И никогда не будут.*

Я провинился сам перед собой, позволив своему члену снова взять надо мной верх. Красивая девушка привлекла мое внимание своим ох-каким-сексуальным английским акцентом. Должно быть, я теряю свой чертовый разум. *Очнись, придурок и возьми себя в руки.*

Я написал Джеймсу, не хотел бы он встретиться за ланчем. Мне по-прежнему необходимо было предоставить ему кратное «резюме» на Дженис, которая возможно зависала с моим лучшим другом, пытающемся отвести удар от моей глупой задницы.

Октябрь

— Твой костюм прибыл из химчистки с запиской. Они не могут вывести пятна, поскольку ткань серого цвета, все будет видно. Там написано что-то о пятнах коктейльного соуса, которые остаются навсегда, — Виктория держала на вешалке передо мной в пакете из

химчистки мой Бриони Колизео. — Что ты хочешь, чтобы я с ним сделала?

— Пожертвуй на благотворительность. Кто-то воспользуется костюмом за пять тысяч долларов, хотя он и в пятнах от коктейльного соуса, — я уже задавался вопросом, через сколько времени этот говнюк менеджер Брук, позвонит по поводу остального ущерба. — Что-нибудь еще?

— Звонил парень по имени Мартин, сказал, что должен поговорить с тобой о нанесенном ущербе на вечеринке, который ты согласился оплатить, где он руководил кейтерингом.

Бинго. Я мог предсказать это дерьмо, как часы.

— Дай угадаю... придется купить несколько светлых костюмов, поскольку пятна вывести невозможно.

— Он упомянул семь или восемь, да. Было трудно следить за его объяснениями, честно говоря. Что-то про сильно красящийся фермент, черт, бла, бла, бла, — сказала Виктория, пожимая плечами.

— Я не хочу разговаривать с этим говнюком. Просто скажи ему, чтобы прислал квитанции, и мы оплатим.

— Я передам ему, — она вышла из моего кабинета с моим любимым-но-теперь-испорченным костюмом, накрытым прозрачным чехлом из химчистки, который развевался у нее за спиной.

Если все эти костюмы не обойдутся мне в копейку, в пятьдесят штук, я буду удивлен. Да, но я дал слово, которое всегда держал. Я же сказал, что возьму убытки, и восемь полностью испорченных дизайнерских костюмов, безусловно, представляет из себя убыток. Пустая трата немалых денег. Хотя такая сумма не могла нанести особого ущерба моему карману, меня беспокоило другое, что и послужило причиной... высокомерный ублюдок, неуважительно отнесся к хорошей девушке потому, что она была красива и ему захотелось ее трахнуть.

И с этого момента, все и началось. И я был там. И видел, как все происходило, будто в замедленной съемке. Если бы Брук пропустила мимо ушей оскорбление Олдрича, что он принял ее не за ту девушку, то креветки с соусом не разлетелись бы во все стороны, не было бы напрочь испорченных костюмов, и не было никакого ущерба... всего лишь еще один пьяница на корпоративной вечеринке. Количество «грязных предложений», которые она получила за один этот вечер, соответствовало визиткам, которые она бросила к ногам ее придурка босса. Должно быть ужасно, пока ты вынужден выполнять свою работу, тебе приходится мириться с подобными вещами. Она не должна была попасть в такую ситуацию. Но для начала, мне хотелось бы, чтобы я сам не посещал этот чертовый прием.

И не знал, что ее зовут Брук, и, что она живет на острове вместе с бабушкой, и что ей нужна подработка, чтобы оплачивать счета, поскольку денег, которые она зарабатывает в *Harris & Goode*, как дизайнер интерьерера, явно не хватает. О, у меня было много времени, чтобы подумать о Брук эти несколько недель. Как она говорила со мной по телефону. Как обижалась на людей, которые уволили ее бабушка. Как она извинялась с сожалением, поняв, что сказала слишком много не тому человеку. А может она тоже ощутила такое же разочарование, как и я, несмотря на наше маленькое притяжение друг к другу (или не знаю, как это назвать по-другому) поняла, что мы остановимся на этом месте, потому что относимся к совершенно разным мирам.

Я два раза навещался в «Старбакс», надеясь, как бы случайно там с ней столкнуться.

Но ее там не было.

Я уже склонялся позвонить ей просто так, чтобы только снова услышать ее голос, но что мог ей сказать?

— У тебя такой сексуальный голос, что у меня встает, как у подростка, когда ты говоришь. Хочешь пойти со мной? — она уже подозревала меня, что я преследую ее, и с трудом, с натяжкой, я бы даже сказал, была обо мне немного высокого мнения, чем об Олдриче, если уж действительно рассматривать все неоспоримые факты, чего я хотел от нее. И, мать твою, что же это однозначно было?

Не думаю, что я сам понял, чего хочу от Брук. Секса? Быть ее бойфрендом? А может быть что-то большее? Раньше меня интересовал только секс. Дааа, я с удовольствием бы проводил с ней время в постели, уверен, что это былобы потрясающе, но впервые в жизни, секс не был моей главной мотивацией. Какого хрена тогда это было? Что такое есть в Брук уникального? Почему я не могу выбросить ее из головы и все время думаю о ней?

Я вспомнил еще кое-что, и у меня появились подозрения, что ее действия тем вечером имели важную причину. Она сказала Олдричу, когда сломала ему нос: *«Вы лапали меня своими руками. Этого теперь никому не сходит с рук»*.

Ее слова довели меня до безумия, видно Брук встречалась с каким-то парнем в прошлом, который применил к ней физическое насилие. Кто бл*ть посмел к ней прикоснуться без уважения? Обожания? Этот идиот, конечно, не заслуживал ее. А я? Важно ли для меня, заслуживаю ли я ее? Раньше я всегда думал о женщине, как о развлечении и хорошем времяпрепровождении, но так я думал раньше, и сейчас это меня смущало. На самом деле, я действительно не мог разобраться в своих чувствах в отношении Брук... во всем.

Я просчитывал свои варианты, хотя реально времени для этого у меня не было.

И тогда я решил позвонить своему брату Лукасу.

— Кaleb, давно не разговаривали. Чем обязан...

— Лукас, кто такая девушка по имени Брук, у нее еще английский акцент, и она живет на острове с бабушкой?

— Хм... бро, ты не помнишь Эллен Кастерлей, домработницу в Блэкуотер? Она работала там всю жизнь, пока мы были еще маленькими.

— Эллен Кастерлей, наша добрая англичанка домработница, это ее бабушка? — я почувствовал, как у меня зашевелились волосы на затылке.

— Йееес. Брук приехала к миссис Кастерлей, когда погибли ее родители из Лондона. Тогда Брук было что-то около пятнадцати, и это была самая огромная новость, случившаяся на острове. Я помню, что все говорили об этом... почему ты не знаешь этого?

— Чертовски хороший вопрос, братишка. Когда это случилось?

— О, наверное, восемь лет назад или около того. Сильвия, моя домработница, скоро придет и я смогу ее расспросить более детально. Сильвия и миссис Кастерлей подруги, и она очень хорошо знает Брук.

Я произвел расчеты в уме. Сейчас Брук двадцать три. Восемь лет назад мне было двадцать три, и я не помню, чтобы приезжал на остров. Я перестал приезжать на остров, когда там появилась Брук, переехав жить к бабушке.

— Ясно, но почему Брук сказала, что Блэкуотер закрыт и уволены все сотрудники? Это же не правда.

Наступила долгая пауза, потом брат тяжело вздохнул на другом конце телефона, и я

понял то, что он собирается мне сказать, мне не понравится.

— Кaleb, ты когда-нибудь разговариваешь с мамой? Она закрыла поместье два года назад, когда заболел отец. Дом заколочен и выставлен на продажу. Когда появится покупатель его продадут.

— Нет. Ни за что бы папа не допустил, чтобы Блэкуотер был продан и ушел из семьи. Он так любил его.

— Когда ты последний раз был в Блэкуотер? на вечеринке своим вопросом брат загнал мне в сердце металлический шип. Он был прав. Наш отец любил остров и особняк. И мы наслаждались этим местом в наши летние каникулы, когда были детьми. Но потом мы выросли и потеряли к острову и особняку интерес. Или, может, только я потерял.

Это было чертовски давно.

— Как ты относишься, чтобы твой глупый брат приехал в твой современный пляжный домик в эти выходные?

— У меня достаточно пустых комнат, который может выбрать себе мой Бестолковый Брат. Ты воспользуешься своим чоппером [\[5\]](#) или мне нужно отправить за тобой свой?

— Очень смешно. Я всегда пользуюсь своим, осел.

Глава 7

Калев

— Виктория, можешь принести мне документы на всю недвижимость Блэкуотер? Я хочу все: налоговые вычеты, расчет заработной платы и пенсионные выплаты за десять лет.

— Ты хочешь, чтобы я запросила копии из офиса твоей матери?

— Офиса моей матери? Нет, я хочу получить все оригиналы, — мама имеет свой отдельный бизнес-офис для своих личных интересов и ведения личных счетов, в стороне от семейного бизнеса. Я никогда не задумывался об этом раньше, потому что мой отец для нее сделал все, полностью обеспечив ее до конца жизни, ее отдельное ведение своих дел было в основном как статус-кво даже после его смерти. Я находился в шоковом состоянии, поскольку должен был встать во главе всего бизнеса, взяв на себя основную часть бизнеса отца, когда он заболел, то тогда не обратил на эту деталь особого внимания, со всеми другими заботами она казалась мне настолько незначительной. Забавно, как с течением времени может все измениться.

Но недвижимость, которая была в моей семье в течение нескольких поколений, нельзя назвать незначительной? Она должна остаться, отец любил это место, и я не мог даже представить, что он когда-либо захотел продать его незнакомым людям. Он хотел бы, чтобы его дети продолжали наслаждаться островом, имея свои семьи. Семьи. Никто из нас не был женат и не имел семьи. Но когда-нибудь наступит такой день, когда мы захотим жениться. Моя сестра Уиллоу была помолвлена и, наверное, раньше всех обзаведется потомством. Помолвлена с парнем, который преподавал историю в университете Брауна, я встречался с ним только один раз. Один раз. Папа бы точно не встретился с ним более одного раза, если бы он был еще жив. *«Ставь семью на первое место, Калев»*. И я решил, что мне нужно лучше узнать о своей семье.

Боль сожаления больно ударила мне в грудь, как только я поймал себя на мысли, что отец так и не увидел своих внуков от своих пятерых детей. Какое рода историческое наследие можно передать будущему поколению, если родовое имение выставили на продажу еще до того, как отца предали холодной земле? Господи, и моя мать приложила к этому руку. Она ни разу ни словом не обмолвилась мне об этом.

— Я спущусь к Мирне в архив, она сможет указать мне правильное направление, где искать. Знаешь, десять лет — это очень много документов, Калев.

— Понимаю. Разложи их в коробки по годам, а Спенс поможет тебе поднять их ко мне в кабинет. Может складывать коробки у окна.

— Да, но Мирна захочет знать, почему мы выносим эти коробки из ее архива? — спросила она.

— Хорошая работа. Просто скажи Мирне, что они требуются нам для внутреннего аудита, поскольку мы ищем покупателей на эту собственность. Я не хочу, чтобы обо всем этом узнала моя мать, хорошо?

Виктория кивнула, и это был наш своеобразный код — *«Есть, босс»*, в этом и была еще одна причина, почему она была отличным личным ассистентом. Она никогда не доводила дела до конфликтов, но главная причина была еще и в том, что я точно мог ей доверять.

— Виктория, — окликнул я ее у дверей, когда она почти уже вышла за дверь, — ты... ты знала, что Блэкуотер был выставлен на продажу?

— Да, — ее темные голубые глаза смотрели на меня с состраданием. Так смотрят люди, когда знают, что сообщают вам новость, которая окончательно может вас расстроить, но важным было то, что эту новость вы узнаете самым последним из всех, поэтому им становится вас жалко.

— Мои родители сообщили мне не так давно.

— Что они сказали? — мне необходимо было узнать.

— Что это позор, что такое великолепное место, как Блэкуотер, может перейти людям, которые не имеют связи с островом.

— Родители правы, — Блэкуотер не перейдет к незнакомым людям. Я знал это совершенно четко. Он может быть продан....

Мне.

— Мне также нужно, чтобы Спенс подготовил вертолет к семи вечера, успевай с ним все закончить до этого времени, пожалуйста. Я останусь на эти выходные у Лукаса и навещу Блэкуотер сам.

— Лукаса?! — быстро переспросила она. — Передай ему... пожалуйста, передай ему от меня... привет.

Это было странно. Виктория всегда держала свои эмоции в узде, но как только я упомянул имя своего брата, она тут же потеряла свое самообладание, это означало одно — что-то происходило между ними. Лукас был щекотливой темой в нашей семье. В верхней части этого короткого списка стоял его брат близнец Уайатт и наша мать. Я остался в стороне от их войны, поскольку это было не мое сражение.

— Сделаю, Виктория, — ответил я с улыбкой, которую я редко выдавал, но сейчас просто почувствовал, улыбка была необходима. По крайней мере, она показывала, что я не всегда мудака.

* * *

В машине как раз было время поразмышлять, *переварить все*, что я узнал о поместье Блэкуотер, как оно управлялось. Многие из прочитанного не укладывались у меня в голове, особенно для меня было неприятным откровением, что сотрудников просто уволили, не выплатив пенсионных выплат и компенсаций. Как такое было возможно? Я все еще пребывал в недоумении из-за того, что обнаружил в этих документах. Мой отец никогда не был монстром. Он всегда заботился о своих сотрудниках, и лояльность к нам всегда щедро вознаграждалась. В поместье даже не было медицинской страховки у обслуживающего персонала. Мне пришлось приложить усилия, чтобы сразу же не вступить в очередную конфронтацию с матерью по этому вопросу, но удалось сдержать себя.

Единственное, что постоянно крутилось у меня в голове слова Брук. *«И нет никакой работы для женщины, которая отдала тридцать пять лет своей жизни, работая в одном из тех прекрасных особняков на западном побережье, а потом его закрыли и всех уволили».* Каждая капля ее разочарования была оправдана. Миссис Кастерлей заслуживала гораздо большего, чем получила, вернее не получила ничего. Теперь это стало моей проблемой, я должен был все исправить.

— Исаак, закинь меня на улицу Херефорд к *Harris & Goode*.

— Да, сэр. Хотите хороший кофе из «Старбакса»?

— Не в этот раз. Мне нужно воспользоваться услугами дизайнера интерьера.

Был вечер пятницы, после пяти, поэтому движение было затруднено. Люди спешили получить фору на выходные, поскольку собирался дождь, который никак не мог решить, то ли пролиться на землю, то ли нет. Исаак остановился на красный свет на углу Массачусетс и Ньюбери, и масса людей ступила на переход перед нами... Я увидел ее в третий раз.

Брук.

Брук, чью фамилию я до сих пор не знал.

Прекрасная Брук, в прямом смысле этого слова, шла в мою сторону, как я догадался, двигаясь к станции метро Выставочного центра. Там она сядет на поезд, чтобы попасть на станцию Аквариум, откуда паромы перевозят людей и машины в разных направлениях: Кейп-код, Провинстаун и остров Блэкстоун. Я совершенно четко ее видел перед собой, пока она шла.

И мне не приходилось беспокоиться о том, заметит ли она, что я плююсь на нее, поскольку стекла были тонированные. Спасибо, бл*ть, что стекла были темные.

Поэтому я наслаждался каждой секундой ее походкой, пока она переходила улицу прямо передо мной.

Мое сердце нещадно стучало, пока я пожирал ее глазами. Целиком и полностью пожирал каждую деталь в этой девушке, которая заразила меня желанием с самого первого момента, как только я ее увидел, и я окончательно убедился в этом, когда она говорила со мной своим знойным красивым голосом.

Она распустила волосы, но на этот раз прикрыла их мягкой черной шляпой. И всем своим видом выделялась из толпы, благодаря ребячливой розового цвета армейской куртке, высоким черным сапогам и облегающим кожаным брюкам. Брук обладала чертовски удивительными ногами. Я хотел бы обхватить их руками и прикоснуться к остальной части ее. Я зацеловал бы каждый сантиметр ее ног, прежде чем перешел к той части, где мы хорошо бы трахались и сл..

Нет, не *трахались* бы, потому что к ней это слово не подходило. А что тогда? Я не хочу, чтобы это было... Я так запутался, чего хотел на данный момент, я и так уже промахнулся несколько раз преследуя ее, поэтому пока задвинул свой план, сейчас всего лишь наблюдая, как она переходит дорогу.

Господи Иисусе, я испытывал очень страстное желание к этой девушки. Может похоть? Нет, для меня это было другое чувство. У меня не было сейчас той похоти, которую я всегда испытывал в прошлом. Это чувство было больше похоже на потребность. Настоящую, нефильТРованную, почти пугающую потребность... честно говоря, я был перепуган все этой нежной хренотенью, мать твою. Я не мог объяснить, почему, но чувствовал, что нуждался в ней. Брук была, как поток свежего воздуха, в моей очень ограниченной узким кругом жизни. Изысканная, но не надменная. Сильная, но ее сила проявлялась в целеустремленности. Вспыльчивая, но не злая, до ужаса смышленная, и дерзость так и готова была сорваться с кончика ее языка. Кто-то же знал, кем она была на самом деле, но не за счет прав на частную собственность и престиж. Другими словами, она была полной аномалией в моем обществе.

На плече у нее висела кожаная сумка, в руке она держала стаканчик из «Старбакса». Выражение ее лица было таким же, как и на коктейльной вечеринке — милое, но с тем же оттенком грусти. Я продолжал наблюдать за ней в первом ряду, пока ее не поглотила толпа,

закрыв от меня, как только она ступила на тротуар.

Она собиралась отправиться домой после окончания рабочего дня. Домой на остров Блэкстоун, где жила в доме на конце южного побережья, недалеко от Фэйрчайлд Маяка — там, скорее всего я не был со своих школьных лет, когда Джеймс, я и другие пили пиво под Маяком и устраивали подростковый беспредел.

Я буду на острове через несколько часов. Может, я смогу увидеть ее в эти выходные. Я достал свой телефон и вызвал ее номер, чтобы отправить смс-ку... но только тупо смотрел на пустой экран и у меня не возникло ни одной мысли, что ей написать. Зажегся зеленый свет, и автомобиль двинулся дальше. Я закрыл приложение и убрал свой телефон.

Она была так молода. Но странное дело, по своим рассуждениям и внешнему виду она была гораздо старше своих лет. Потеря родителей в пятнадцать, наверное, отложили своеобразный отпечаток. Такая трагедия, безусловно, заставила ребенка повзреть быстрее. Но в ней присутствовало и еще кое-что — свидетельства прожитой жизни и зрелость от полученного опыта. Возможно, шрам у нее на лице? И комментарий, что «Этого теперь никому не сходит с рук»? Я был готов поспорить на эти две улики, что ее жизненный опыт был болезненным, ей причинили физическую боль, может поэтому она выглядела старше, а не на двадцать три.

Нет, я не буду пытаться увидеться с ней в эти выходные. Иначе не сработает то, что я запланировал на ближайшие два дня. Мне придется набраться терпения, чтобы исправить бардак с Блэкуотер. Мне придется позаботиться о семейном бизнесе и сделать то, что я точно знаю, сделал бы мой отец, если бы был жив.

— Harris & Goode, сэр, — объявил Исаак, подъехав к зданию.

Я поручил назначить Виктории позднюю встречу с владельцем, в надежде, что Брук не будет в офисе, и пока все складывалось в мою пользу. Я хотел, чтобы все было сделано перед тем, как в понедельник утром сообщат ей об этом. Через несколько минут я узнаю ее фамилию.

— Я здесь, чтобы увидеться с мистером Харрисом, — сказал я парню за стойкой регистрации, не совсем умело завязавшему свой темно-розовый леопардовый шарф в качестве украшения или может это был большой платок?.. в офисе. Шарф был чертовски длинным, прикрывая ему даже колени. Я был в студии по дизайну интерьера, поэтому, возможно, он знал, что в этом есть своеобразная фишка, я же был далек от этого.

— Добро пожаловать. Я Эдуардо, а вы мистер Блэкстоун?

— Да.

— Сюда, мистер Блэкстоун. Мистер Харрис ожидает вас. Его офис находится на втором этаже.

Эдуардо вел меня по коридору, и я мельком увидел рабочее место Брук, когда мы проходили мимо ее открытой двери. Я понял, что это ее кабинет, так как заметил цветы у нее на столе. Я был рад, что они ей очень понравились, что она оставила их в своем кабинете на столько времени.

До меня вдруг дошло, что пару минут назад она была здесь, и я мог уловить запах ее духов. Трудно было сказать какие духи она предпочитала, потому что здесь было такое количество запахов. Начиная с одеколona Эдуардо. У меня закралось подозрение, что тем вечером она звонила ему, после той ужасной коктейльной вечеринки. Для меня это была отличная новость, поскольку он на сто процентов точно не был ее парнем.

Да. Эдуардо был в курсе многого, чего не знал я.

— Ах, мистер Блэкстоун, приятно с вами познакомиться. Джон Харрис. — Он пожал мне руку и поинтересовался, не хотел бы я выпить кофе, пока мы обменивались обычными любезностями. — Чем мы можем вам помочь в Harris & Goode? — спросил он.

Я решил опустить все завуалированное дерьмо, и перейти сразу к делу, дав понять, чего я хочу.

— Мой пентхауз 20-х годов того столетия находится всего в нескольких кварталах отсюда и нуждается в капитальном ремонте. Непременное условие, чтобы дизайнер была женщина, мистер Харрис. Я надеюсь, вы понимаете, что я точно знаю, с кем хочу работать над этим проектом. Мне нужно помочь превратить холостяцкую квартиру в семейное комфортное гнездышко, и к проекту однозначно должна приложить руку женщина. — Я приятно улыбнулся, мимолетно взглянув на часы, как бы поглядывая на время, чтобы немного его подтолкнуть к решению вопроса.

— Понятно, — он с любопытством рассматривал меня, скорее всего задаваясь вопросом с какой планеты я свалился. — И каков бюджет вашего ремонта?

Итак, мы продвинулись. Перешли к универсальному языку, который все понимают и могут свободно общаться.

— Думаю, пять миллионов должно хватить для удовлетворения моих потребностей, но конечно, бюджет может и корректироваться... в сторону повышения.

Он слегка склонил голову, как бы сдерживаясь изо всех сил, чтобы не закричать от радости, тут же просчитывая в голове сколько получит его фирма от контракта на такую сумму, даже если я не стану рекомендовать его дизайн-студию своим знакомым.

— Я абсолютно уверен, мы можем вам помочь, мистер Блэкстоун.

— Отлично. Я именно это и хотел услышать, мистер Харрис, — все было сделано.

* * *

Столько времени прошло с тех пор, когда я одевал обычную одежду, как правило мои будни проходили в упаковке чемоданов, исключительно для деловых поездок. О чем-то мне должно это говорить. Мне тридцать один год, а я не мог вспомнить, когда последний раз у меня были выходные.

Я, на самом деле, не мог вспомнить, когда, где, с кем я их проводил, и меня это раздражало. Потому что в голове крутились слова отца, сказанные им на смертном одре. Я даже видел его перед глазами, когда он говорил: *«Когда ты встретишь ту, что сделает тебя счастливым, Калев, удержи ее рядом с собой любыми средствами. Твое сердце подскажет тебе, что она именно та, которую ты искал».*

Знал ли я, что может сделать меня счастливым?

Нет, не знал.

Однако, я знал точно, что не делало меня счастливым. Я так чертовски запутался в своих чувствах к девушке, которую едва знал. Моих чувствах? Я нахмурился от этой мысли, и бросил последнее свое барахло в сумку, затем застегнул.

Как раз осталось еще время, чтобы быстро принять душ, прежде чем отправиться в офис, на вертолетную площадку Blackstone Global Enterprises на крышу, где поджидал меня чоппер.

Я быстро разделся и пустил горячую воду, потом потянулся за мылом. Я был не уверен во многом в данный момент, но одна тайна стала проясняться. Брук Эллен Кастерлей. Я получил ее резюме, как дизайнера, и в понедельник вечером назначил с ней встречу.

Итак, все произошло, как я и планировал и мне предстояло в понедельник продолжить осуществлять свой план, как только я войду в ее кабинет, чтобы рассказать о новом проекте, которым она теперь будет заниматься, надеюсь, он каким-то образом поможет разрешить ее финансовое состояние. По крайней мере, ей не придется искать подработку. Гонорар, который я готов выплатить непосредственно ей, сможет покрыть многие долги. Однозначно, я был в этом уверен.

Мой план мог потерпеть фиаско, если она решит не иметь со мной никаких дел, но я был уверен, что она согласится. И если она возьмется за эту работу, по крайней мере, будет работать на меня столько, сколько потребуется, чтобы полностью отремонтировать пентхаус. А это значит, что я смогу видеться с ней и разговаривать... в течение долгого времени. Какое мне дело, если стиль, который она предложит, будет не в моем вкусе? Что я знаю о дизайне интерьера? Ничего. Единственное, я давал когда-то какие-то комментарии, но они касались деловых офисов.

Одни только мысли о ней и внимание с ее стороны вызывают реакцию у моего ноющего члена. Вспоминая, как она выглядела, переходя улицу в своей розовой куртке и кожаных штанах, я буквально за секунду становлюсь убийственно жестким. Мыло применяется в нужных местах, с льющейся горячей водой...

Моя рука тянется вниз, чтобы схватить отяжелевший, торчащий член.

Мне необходимо освободиться от напряжения, член почувствовал себя намного лучше, стоило мне провести по нему пару раз рукой, и вдруг я задумался, может стоит остановиться. Не переставая двигать зажатой рукой вверх и вниз по всей длине. *Не смог я остановиться.*

Звук трения ладони о кожу моего члена звучал почти жестоко. Совершая движения от кончика до корня, закручивая, затем резко вниз и опять вверх. Снова и снова повторяя, меня одолевали разные образы. Некоторые реальные, некоторые были фантазиями, они смешивались вместе, создавая настоящую эротический коктейль, которую я почти был готов спустить в душ, когда мои колени стали подгибаться. И единственная вещь была способна подвести меня к концу. Я бешено жестко кончал, представляя образ Брук подо мной, обхватывающей меня своими ногами, в моих руках, занимаясь с ней сексом.

Потребовалось около трех секунд, стоило только мне представить насколько прекрасной она будет, когда мы будем трахаться.

Прекрасной, когда глубоко внутри Брук будет похоронен мой член. Она станет моей, когда это произойдет.

Я выкрикнул ее имя, выстрелив жесткой струей спермы, освобождая яйца, чрезмерно увлекшегося члена. Он продолжал выдавать струи, как бы в наказание, рывками, смешивая мое семя с паром и горячей водой, сливая в водосток, и это казалось мне так непривычно, все сейчас казалось как-то по-другому.

Ее имя, слетевшее с моих губ, когда я кончил, было не случайным, хотел ли я этого или нет. Брук и я были предназначены друг для друга.

И это было неотвратимо.

Глава 8

Брук

По пятницам я ужинала с Нэн в больнице, где она проходила свое лечение. Она рассказывала мне о других «заключенных», так она называла их, пока я ела еду на подносе, в комплекте к которой шел пакет сока и шоколадный пудинг на десерт. Я не возражала, это была обычная еда, которой просто набиваешь желудок, если ты голоден.

— Привет, Брук, — окликнула меня Лайла со своего поста, — сегодня на ужин вас будет трое. Нэн очень мило выглядит сегодня. Я подам ужин в комнату через несколько минут.

Трое? Задалась я вопросом, кто же был в гостях у Нэн на ужин.

— Она всегда выглядит мило, Лайла, и спасибо, что так хорошо за ней присматриваешь.

— Она долго здесь не задержится, улучшения происходят с каждым днем.

— О, это замечательно, — сказала я. Правда у меня были смешанные чувства по поводу возвращения Нэн в коттедж, как же она сможет справиться там одна в течение всего дня, пока я буду на работе. А что, если она снова упадет? Дом был старым с неровными половицами, и каждый шаг мог оказаться смертельной ловушкой, в которую она может угодить и во второй раз. Мне еще необходимо было поговорить с Германом о стоимости коттеджа и услышать его мнение по поводу кредита, может бабуля сможет тогда нанять кого-нибудь, кто смог бы помочь ей в течение дня, пока я буду на материке. Я знала, что Герман переживал за нее. Когда в начале недели, я как бы между прочим, спросила Нэн о Германе, ту историю, которую она мне рассказала, мое сердце покалывает уже несколько дней.

У Нэн и Германа было романтическое прошлое, я ничего не знала об этом.

Это было давным-давно. Более тридцати лет назад, бабушка была молодая вдова с маленьким ребенком, и Герман Блэкстоун стал за ней ухаживать. Его родители не одобрили его выбор, поэтому Герман порвал с ними и покинул остров на очень долгое время. В итоге он женился на другой, завел семью, но брак долго не продлился. Он вернулся на остров Блэкстоун и засел здесь навсегда. Нэн и Герман были до сих пор друзьями...

Ого. Видно, *очень хорошими* друзьями.

Завернув за угол, в комнату бабули, я увидела то, что никогда раньше не видела. Моя бабуля целовалась с мужчиной. Ну, на самом деле, он целовал ее... мне так показалось. Герман с такой нежностью держал ее лицо в ладонях, как будто она была самым ценным сокровищем на земле. Она обхватила его за талию, как будто репетировала свои шаги, а он поддерживал ее, когда они решили пойти дальше и поцеловаться. Сцена была прямиком из фильма «Дневник памяти» ^[6] только не было дождя.

Должно быть, они слышали меня, потому что оба повернулись в мою сторону, их выражение на лицах осталось тем же, счастливым, оно появляется, когда чувства взаимны.

Я думаю, что мы все одновременно покраснели.

Нэн протянула мне руку.

— Брук, моя любимая девочка, у меня... то есть... у нас есть для тебя новость.

Я сделала шаг вперед, беря ее за руку.

— Я уже знаю, что за новость, Нэн, потому что каждый увидит, что вы безнадежно

— Значит, ты не вернешься в коттедж, когда выйдешь отсюда? — спросила я.

— Это невозможно, Брук, потому что она будет жить со мной в моем доме, — ответил тихо Герман, притянув руку Нэн к своим губам и целуя. Мистер Романтик собирался устроить переезд моей бабули, и это было чертовски мило, особенно быть свидетелем такого трепетного отношения.

Хоооорошо. Это достаточно быстро взбаламутит весь остров слухами. Я взглянула на Нэн, чтобы увидеть ее реакцию на предложение Германа.

— Целый день будут перемывать эту новость, — осторожно сказала я.

Моя бабуля вся светилась любовью, мне даже захотелось зажмуриться.

— Как муж и жена, Брук, дорогая. Герман попросил меня выйти за него замуж, и я согласилась.

Дыши, Сделай глубокий вдох. Еще один глубокий выдох.

— Ой. Мой. Бог. Нэн! Я так счастлива за вас обоих. Это, действительно, самая прекрасная новость, которую я когда-либо слышала. Поздравляю вас двоих.

Я обняла их обоих, первую Нэн, а потом Германа, чувствуя такой радостный подъем, который не могла скрыть. И я опять потеряла над собой контроль от сильных эмоций, поэтому для меня это не было сюрпризом. Но мои слезы были совершенно нежеланными для их радости, особенно, когда вопрос касался предложения руки и сердца. Просто унижительная ситуация.

Но я оказалась окружена добрыми руками. Герман и бабуля оба, поняли мою слабость, и открыли мне свои объятия.

Я упала между ними и плакала до тех пор, пока непреодолимое желание поплакать не прошло так же быстро, как и появилось.

У меня никогда не было такой проблемы до того, как я совершила свою роковую ошибку. Я не плакала на ровном месте или в ситуации, где все были счастливы до аварии, которая изменила всю мою жизнь. Изменила ее к лучшему... а также к худшему. Двойственное отношение. Ситуации, где грань между хорошим и плохим настолько тонка, что стирается, поскольку два этих понятия становятся едиными.

И мне пришлось жить со своей зашкаливающей эмоциональностью все оставшуюся жизнь.

Я пришла в себя и широко улыбнулась, я действительно чувствовала эту улыбку, даже где-то очень глубоко у себя в сердце, и сказала:

— Я так полагаю, это означает, что нужно планировать свадьбу.

— Можешь ты проверить это за пару недель? — у Германа в темно-синих глазах зажегся возбужденный огонек. Оказывается, он может быть нетерпеливым женихом, мне пришлось подавить смешок от этой мысли. Неа. Не так. Мысль о бабушке и ее женихе не как не хотела покидать мою голову. О, мой Бог. У моей бабули был жених!

— Мне нужна помощь, но я знаю человека, который может все устроить, — сказала я ему.

— Эдуардо? — спросила Нэн.

Я кивнула.

— Он будет так польщен и сделает волшебную свадьбу для тебя, нана, я знаю.

— Звучит замечательно, моя дорогая. Теперь, пожалуйста, давай поговорим о тебе, — она протянула руку и медленно потерла большим пальцем сверху мою ладонь. — Как ты себе все представляешь? Я знаю, что ты вернулась, чтобы помочь мне, когда мне было это необходимо, но я хочу, чтобы ты была честной со мной сейчас. Я хочу спросить тебя, будет ли тебе комфортно жить одной в коттедже?

— Да, бабушка, будет. Я была одна в коттедже последние пять...

— Позволь мне закончить, пожалуйста, моя милая девочка, — она сурово посмотрела на меня, как бы делая выговор, этот взгляд я уже знала с детства. — Я обсуждала этот вопрос с Германом, и он был бы рад, если бы пожила с нами в его доме, если захочешь.

Она беспокоилась, что я буду жить одна в коттедже, думая, что я была не готова остаться одна. *Еще не готова*. Но ей не стоило беспокоиться на этот счет. На самом деле, я очень хотела жить одна. Жить одной — мне было просто необходимо.

— Вы двое настолько очаровательны, я благодарю вас за любезное и щедрое предложение, но я не хотела бы вторгаться к молодоженам, которые ждали этого момента всю жизнь, чтобы быть вместе. Мне будет очень комфортно в коттедже одной. Он идеально подходит для меня.

— Тогда он твой, дорогая. Герман проследит за тем, чтобы его перевели на твое имя.

— Уже сделано, дорогая, — подмигнул Герман. — Теперь ты владеешь частью острова, Брук.

— Я? — я почувствовала, как у меня снова наворачиваются слезы.

— Безвозмездно, — сказал он. — Стоимость недвижимости увеличилась намного в цене с тех пор, когда ее купил твой дед сорок лет назад. Дом небольшой, но посмотреть есть на что, также там такой красивый вид на холме Маяка Фэйрчайлд.

— Мне нравится на него смотреть, — прошептала я, растерявшись и чувствуя себя потрясенной.

— Коттедж оценен немного больше двух миллионов, но если произвести кое-какие ремонтные работы, то его стоимость возрастет, все зависит от того, что ты хочешь с ним сделать, — Герман кивнул, с удовольствием излагая хорошие новости.

— Два... два миллиона долларов?

Герман рассмеялся и похлопал меня по руке.

— Два точка два и пять, чтобы быть точным.

— Вы оба меня шокировали этими новостями... в хорошем смысле, я даже не могла такого предположить. Я так переживала по поводу денег, что собиралась спросить, может мне стоит взять кредит, чтобы оплатить счета за лечение, — легкомысленно с облегчением произнесла я.

— Не беспокойся больше об этом, моя дорогая. Все выплачено в полном объеме, и моя Эллен собирается выйти за меня замуж, — сказал он, перед тем как еще раз поцеловать руку нэн, от чего бабуля разругалась. — Я сделал предложение на тридцать пять лет позднее, но я принимаю его с благодарностью.

Насколько мудрым был Герман Блэкстоун. Поймать свое счастье, когда оно замаячило на горизонте. Это был хороший совет, который мне стоило запомнить. Когда-нибудь... Счастье тоже придет в мою жизнь. Возможно, не такое романтическое, и такой романтики у

меня еще долго не будет, но это тоже не плохо. Время было именно тем лекарем для моего сердца, который мне был необходим на данный момент. *Радость вместо печали.*

Теперь я уже не беспокоилась об одиночестве нэн. Теперь мне и не нужно о ней беспокоиться. Сейчас я смогу сосредоточиться на своей жизни. У меня с плеч, как будто тяжесть упала, и пока я до конца не знала, что же мне теперь делать, поскольку на сердце стало легко.

— Ужин, — объявила Лайла, вкатывая тележку в комнату, разрушая магию, я даже задалась вопросом, может это все сон, и в любой момент я проснусь и опять окунусь в холодную суровую реальность.

По-видимому, это был не сон, потому что когда Лайла перечислила блюда на ужин, мне показалось это очень забавным. Спагетти... с фрикадельками.

Конечно же я сразу вспомнила Калеба и цветы, которые он мне прислал. А также свою напыщенную тираду, грубую, со своей стороны, он всего лишь флиртовал со мной по телефону. И он, на самом деле, флиртовал со мной. Я поняла это и грубо его отшила. Я вела себя с ним, как настоящая стерва, хотя Калев проявлял ко мне доброту и уважение.

Я вытасила телефон из сумки и сначала сделала фото Нэн и Германа, потому что они выглядели такими очаровательными и счастливыми, сидя вместе, я не могла их не сфотографировать. А потом направила камеру на свою тарелку со спагетти и фрикадельками и сделала пару фоток.

— Чем черт побери ты занимаешься, Брук? — спросила меня Нэн.

— Я фотографирую свой ужин, бабуля. Не каждой женщине так везет, когда ей делают предложение, получить на ужин спагетти и фрикадельки.

* * *

После ужина я оставила Нэн и Германа и отправилась домой, в коттедж. *Домой в свой собственный коттедж.* Сейчас мне предстояло свыкнуться с этой мыслью, привыкнуть, но я была уверена, что сумею с этим справиться. Также как и выбраться из своей паранойи по поводу денег, когда я узнала, что стала собственником коттеджа в два миллиона долларов на острове Блэкстоун этим вечером? Как такое вообще возможно? Как такое возможно, что моя бабуля собирается выйти замуж за свою давнюю любовь, Германа, который при этом стал мэром. Они поженятся через месяц, и я планирую привлечь к организации этого события Эдуардо, который даже не подозревает, что его будут нещадно эксплуатировать.

Господи ты ж, Боже мой.

Я хотела порыться в интернете сегодня вечером, поискать идеи для свадьбы, чтобы утром быть во все оружии и взяться за дело. У нас есть всего лишь месяц для подготовки. Я прекрасно понимала, что за такой короткий срок, подготовка свадьбы может стать проблемой, но мне хотелось, чтобы этот день стал особенным для Нэн и Германа, если после него я вообще останусь жива.

Первое, что я сделала, вернувшись домой — переоделась. К концу дня, я готова была зарыть свои кожаные леггинсы и сапоги после почти двенадцати часов ношения. А также лифчик. Я не могла почувствовать себя лучше, сменив модные вещи на уютную фланелевую пижаму и теплые носки, которые выглядели не совсем красиво.

Я заварила себе чай и написала на электронную почту Эдуардо, подробно описав, что предстоит сделать и пригласила его завтра к нам (на остров, если он будет свободен), иначе нам придется искать другое место для встречи. Я предположила, что молодожены захотят обвенчаться в Каменной Церкви, очень старой каменной часовни, расположенной на каменистом берегу. Часовня выглядела сурово, не презентабельно, но напоминала часовню на острове Камберленд, где Джон Кеннеди-младший и Каролин Бессет поженились. Эта часовня, однозначно, то что надо.

Часы показывали десять, когда я взяла своей телефон, чтобы взглянуть на фотографии Германа и Нэн. А потом увидела фотку со спагетти и фрикадельками. Не знаю почему, но я решила написать Калебу сообщение. Это было очень глупо с моей стороны, но я хотела таким образом еще раз извиниться. Я чувствовала ужасный осадок от того, что наш разговор закончился на сравнении западного и южного побережья. Оуч. Это явно было стервозно с моей стороны. То, что я говорила было полным позором, несмотря на то, что точно своих слов я вспомнить не могла. Спасибо, тебе Господи.

Но я точно запомнила слова, сказанные мне Калемом, что я буду вспоминать о нем всякий раз, когда увижу фрикадельки.

Моя смс-ка была самым меньшим, что я смогла сделать, показав свою воспитанность, уверяла я себя, выстукивая пальцами сообщение:

Вспоминала о вас сегодня вечером за ужином.

Брук

И я приаттачила фотку своей тарелки с фрикадельками, нажав отправить.

Глава 9

Калев

— Мать твою! — Мать твою, говно, пидарас, ублюдок. Появился ли у меня шанс, что она, действительно, захотела со мной связаться? Я уставился на смс-ку Брук и мне так захотелось ей позвонить. Мне захотелось поговорить с ней, в основном, чтобы услышать, как она произнесет мое имя своим красивым, приятным голосом. «*Это Калев звонит?*» Я словно слышал, как она это говорит. Я точно слышал тембр ее голоса, когда она будет произносить эти слова.

Но я не мог позвонить ей сейчас и неважно, как сильно я этого хотел.

Иначе все мои планы на понедельник будут разрушены. Она не знала, что я хочу воспользоваться ее услугами, как дизайнера интерьера по капитальному ремонту моего пентхауса, и конечно же, она ничего не знала о моей семье, которая наняла ее бабушку в Блэкуотер еще до моего рождения. Сначала я должен был все же осуществить свой план по Блэкуотеру, а потом уже собирался рассказать все Брук, кто я на самом деле, когда мы будем вместе, и к тому времени я собирался исправить все ошибки, которые совершила моя семья. Иначе, она не даст мне единого шанса. Брук четко дала понять, что мое место на западном побережье, в особняке, где обитали все остальные, такие же безумно-богатые сволочи, не понимающие жизни простых людей южного побережья. И я, словно в голове опять услышал ее голос, когда она произносила эти слова.

Я не волновался представиться полным именем, поскольку многие дальние родственники жили на Блэкстоуне, но даже несмотря на это, моя фамилия была достаточно распространенной, поэтому в понедельник я не собирался быть анонимом. И мне не хотелось, чтобы она узнала, что в эти выходные я был на острове, и если я ей сейчас позвоню, то обязательно уступлю сам себе и попрошу ее где-нибудь встретиться. Она была слишком сильным для меня искушением, слишком большим искушением, что я даже не доверял себе.

Но ее смс-ка сделала меня чертовски счастливым. Брук вспомнила обо мне за ужином. Она вспомнила того идиота, с черными глазами, неразборчиво что-то бормотавшего, но она не удалила мой номер телефона из своих контактов.

Я разглядывал фотографию, которую она мне отправила и задавался вопросом — во сколько она ужинала и с кем. Я хотел знать каждую мелочь, касательно ее.

У меня закралось подозрение, что это было примерно в то же время, когда я дробил в душе, думая о ней. Почти трогательно. Что бы она подумала обо мне, если бы узнала?

Лукас неторопливо вернулся в игровую комнату с бутылкой виски Lagavulin в одной руке и двумя сигарами Cohiba Espléndidos в другой.

— Что, за мать твою, с тобой происходит?

— Мне нужно немного принять Lag, прежде чем я что-то тебе расскажу, брат.

— Брук — вот почему ты прилетел сюда. Я уже додумался до этого.

Я многозначительно посмотрел на бутылку виски в его руке, промолчав.

— Хорошо, я подожду, — сказал он, опуская свою задницу рядом со мной и начиная наливать.

Я хранил молчание, пока не опустошил два стакана, сигара была правильно обрезана, раскурена и горела. Я не часто балуюсь, но мне нравилось, черт побери, иногда курить

сигару. Курение сигар — это как дегустация хорошего вина, вы не затягиваетесь глубоко. А просто делаете как бы маленький глоток. Глоток дыма, а затем выпускаете его, не оставляя у себя во рту, остается только привкус очищенного табака.

И раскуривать эту тонкую кубинскую сигары — идеально подходило для моего настроения в данный момент. Я смотрел на прозрачный клубящийся дым перед собой, который медленно исчезал. Из игровой комнаты Лукаса открывался красивый вид на Black Bay. По сути, весь дом был удивительным, и я был рад, что приехал, чтобы повидаться со своим братом, независимо от того, что я обнаружу завтра в Блэкуотер.

— Ты когда-нибудь хотел чего-нибудь так сильно, что даже начинал бояться за свою судьбу, если этого не сможешь получить?

Лукас долгое время не отвечал. Он потягивал свою сигару и, казалось, был отсюда далеко, где-то в своих мыслях. Мой брат, вероятно, окунулся в прошлое, когда у него не было шрамов, которые сейчас покрывали большую часть его правой стороны тела, включая лицо. Для меня они выглядели неглубокими, можно сказать поверхностными, но мне не пришлось жить в его шкуре, поэтому не знаю, как он реагировал на них. Женщины, казалось, не возражали против его шрамов. Наоборот, это делало его более привлекательным, даже не учитывая его состоятельность, шрамы накладывали на него какой-то отпечаток загадочности. Заполучить очередную киску никогда не было для него проблемой.

— Да.

— И что ты сделал? — спросил я.

— Ты не совсем понимаешь действительность происходящего.

— И что это значит?

Он повернулся ко мне и прочитал меня как открытую книгу.

— Ты любишь ее, Калев.

Я заткнулся на какое-то время и обмозговывал его слова. Казалось, Лукас был прав, хотя это было абсолютно невозможно, но у меня не было желания отрицать или лгать. И самое странное было то, что у меня внутри наступило какое-то спокойствие и умиротворение. Впервые за несколько дней я почувствовал облегчение.

Как я могу любить, если едва ее знаю? Это что, так и происходит между людьми? Они просто встречают человека и влюбляются в него, так легко? Я не знал, что ответить, потому что мне не с кем было сравнивать, то, что я чувствовал к Брук, я не чувствовал ни к кому. Это было что-то совершенно другое. У меня не было руководства, разъясняющего чувства и действия. Я сам должен был во всем разобраться и выяснить до конца.

Время продолжало двигаться вперед несмотря ни на что. Песчинки продолжали падать, пока последняя из них не упадет. Я вспомнил отца и наши разговоры с ним, пока он был жив. Один разговор остался у меня в памяти надолго.

Его мысль о том, что прямо сейчас самое время начать жить своей жизнью. Этим днем, этим часом, этой минутой, которые есть в твоей жизни... самый лучший отрезок времени, который у тебя есть. С каждым днем ты приближаешься к концу... поэтому так ценно твое время.

Может сигара была более сильной, чем я предполагал, потому что мой ум вышел на новый виток, в соседнюю галактику. Я сделал еще глоток Lag и посмаковал оставшийся привкус во рту.

Завтра. Завтра я отвечу Брук и напишу, что мне понравилась ее фотка, и может приглашу ее на ужин где-нибудь в городе. Утром с Лукасом я отправлюсь к Блэкуотер, чтобы

оценить состояние особняка. Я хотел бы выяснить, что стоит сделать и поверить, что я принял правильное решение.

— Итак, мы будем играть или как? — спросил Лукас, локтем толкнув меня в плечо. — Я даже не мечтаю, что ты откажешься, лишив себя такого удовольствия — разгромить меня. Я смогу тебе противостоять, держась в строю, напомнив у кого лучшие навыки в этой игре... чем Больше Мозгов.

— Больше Мозгов, маленький брат? — с издевкой спросил я. — Идиот, да, пожалуйста! — Я взял джойстик и начал устанавливать новейшую версию игры, которую он создал под названием iInVidiosa. Я знал эту игру, как свои пять пальцев, так как вложил в ее развитие кучу денег. Лукас был гениальным разработчиком, и он не нуждался в моей хвале. Доказательством служили полтора миллиарда долларов, которые мы заработали на одной этой игре.

— О, пока не забыл... Виктория просила передать тебе привет.

Я поймал его взгляд. Вспышка в его глазах длилась только одно мгновение, а потом он тут же скрыл ее, но я понял то, что увидел.

— Круто, — ответил он, вернувшись к игре. — Передай ей мои поздравления.

Итак, бедняга был заинтересован в Виктории, которая хорошо работала на нас обоих, если бы не тот факт, что его друг Клей собирался жениться на ней.

* * *

Одна бутылка Lag на двоих, одна прекрасная кубинская сигара и восемь часов сна под звук океана, бьющегося о камни, сотворили чудеса. Я проснулся, чувствуя себя намного лучше, мозги проветрились за ночь, я снял темную маску с глаз, поэтому мог ясно видеть все вокруг.

Схватил телефон с тумбочки и вытянулся на кровати. Открыл ее смс-ку и снова прочитал.

Для меня честь, Брук. Ты вспомнила наш уговор — вспоминать меня всякий раз, когда видишь фрикадельки. Надеюсь, что это была хорошая идея.

Я почувствовал себя лучше после того, как написал ей ответ. Вчера получив ее сообщение, я испытывал настоящую пытку. Я не ожидал, что она напишет мне, но, по крайней мере, она не думает, что я отшил ее, как заносчивый мудака. Если бы она только знала, чего действительно я хотел от нее. Я бы взял Escalade Лукаса, отправился бы к ее коттеджу недалеко от Фэйрчайлд Маяка, нашел бы его и постучал бы в ее дверь. И тогда я...

Тогда бы что? Обнял и сказал ей, что она — женщина, которую я искал всю свою жизнь и потребовал бы от нее дать ответ, согласна ли она выйти за меня замуж?

Звучало это очень глупо и очень походило на фильм, в котором парень влюбился в женщину с первого взгляда и волочиться за ней, пытаясь занудно получить обещания на будущее.

Мои инстинктивные действия в данный момент, возможно, были не очень хорошей идеей, особенно размышления над этим вопросом, находясь голым в постели с утренним

стояком. Я понятия не имел, что делаю. Ужасно, как черт. Вся моя жизнь была расшатана, потому что я встретил девушку, которая изменила мое представление о любви. Я до сих пор не знаю почему, ну... Я даже толком ее саму не знаю.

Мой телефон завибрировал, и сердце упало, как камень, когда я прочитал ее ответ:

Могу я позвонить вам прямо сейчас, Калеб? *Всегда такая основательная.*

Конечно. *Напечатал я дрожащими пальцами.*

Мое сердце опять заколотилось, но я так нервничал, когда мой телефон зазвонил. Я подождал два звонка, а потом ответил:

— Брук?

— Доброе утро, Калеб, — *Почему ее голос так успокаивает? И какое успокаивающее средство мне нужно от ее голоса?*

— Я согласна, что утро доброе, — *Ты позвонила.*

— Как фрикадельки?

Она тихо засмеялась, и я представил ее губы, когда она смеялась.

— На удивление хорошо, учитывая, где я их ела.

— О, и где же ты их ела вчера вечером?

— В Центре терапии Блэкстоуна с моей нэн. Это больничная еда, если ты сможешь в это поверить.

— Она сейчас в больнице? — *Господи...*

— Это реабилитационный центр, она там временно, скоро, наверное, выпишут. Она упала пять месяцев назад и ей сделали операцию по замене коленного сустава.

— Я рад слышать, что ее скоро выпишут, — Я не мог задавать вопросы о стоимости медицинских услуг и, как она собиралась их оплатить, так как медицинской страховки от предыдущего работодателя у ее бабушки не было. Следовательно, вот для чего ей нужна была подработка.

— О, я действительно надеюсь на это, спасибо, Калеб, — моя милая Брук отличалась прекрасными манерами. Я бы хотел ее увидеть, но боялся при встрече окончательно потерять контроль. Мой член начал пульсировать.

— Калеб, я должна признаться.

Если бы ты только знала, Брук, если бы ты только знала...

— Скажи мне, пожалуйста, в чем, — может мои поддразнивания помогут распределить всю мою кровь, которая внезапно решила отправиться на юг, напрямик к моему члену.

— Наш прошлый разговор... о западной стороне и конце южного побережья... с моей стороны было ужасно говорить вам такие вещи, я хотела сказать, что, на самом деле, я не думаю ничего такого. Никто не может заменить себе родителей и сколько денег имеет его семья, единственное, что можно выбрать, как всем этим воспользоваться. Вы были очень добры ко мне тем вечером, впервые встретив меня, и предложили свою помощь. Я хочу, чтобы вы знали, что ваш произвольный акт доброты к совершенно незнакомому человеку, не остался незамеченным, я благодарю вас за то, что вы оказались таким джентльменом. И за красивые цветы. Я сожалею о том, что наговорила в последний раз.

Я точно это услышал? Она все же тянулась ко мне по какой-то причине.

— Вы все еще здесь, Калеб?

— Да, здесь.

— Сможете ли ты чистосердечно простить меня за то, что я вела себя как стерва? —

только англичанка может сказать «стерва» настолько классно и смешно.

— Прощаю, Брук, но только при одном условии.

— Каком?

— Ты позволишь пригласить тебя на ужин в понедельник.

— Мда... Я даже не знаю вашей фамилии, и вы не знаете моей, — осторожно произнесла она. Меня это не волновало. Мне нравилось, что она была осторожной, когда вопрос касался, если она собиралась куда-то пойти. Она была смышленной девушкой.

— На самом деле, я знаю твою фамилию — Кастерлей.

— Ну, вы все же следили за мной. — *Да, она однозначно была умной.*

— У меня благородные намерения, Брук. Я много думал о тебе после той ужасной вечеринки и чувствовал себя не очень хорошо из-за произошедшего. Я хочу получить возможность поговорить с тобой за хорошей едой и познакомиться в нормальной обстановке.

— К сожалению, прием, где я вас встретила, был нормальной обстановкой на этой дерьмовой-шоу работе. Я так рада, что бросила ее. Надеюсь, ваш костюм не сильно пострадал. Я была бы рада оплатить счет за химчистку, если вы пришлете его в Harris & Goode.

— О костюме позаботились, Брук, я очень рад, что ты бросила эту дермовую-шоу работу. Твой босс просто осел.

— Вы правы, Калеб, но вы так и не назвали мне свою фамилию.

— Блэкстоун, как называется остров. Это довольно распространенная здесь фамилия.

— Да, я помню, историю штата Массачусетс, которую проходила в средней школе. Преподобный Уильям Блэкстоун — первый европейский поселенец, обосновался в Бостоне в 1625. Я видела статую.

— Ты была хорошей ученицей, Брук, но ты до сих пор не ответила насчет ужина, — было весело говорить ее же словами.

— Последний паром на остров отходит в восемь тридцать в будни. Можно устроить ранний ужин, Калеб Блэкстоун?

— Можно устроить все, что захочешь, Брук Кастерлей.

— Ах, ты все же вы — сталкер, спасибо, что напомнили, — она обладала природным умом и мне это очень нравилось. Очень. Она поддразнивала меня и это возбуждало.

— Хороший сталкер, хотя, прежде чем ты спросишь, как я узнал твою фамилию, заскочил на консультацию в Harris & Goode вчера вечером.

— Да? Вам нужен дизайнер, Калеб?

Больше ты сегодня ничего не узнаешь... и в частности только один дизайнер.

— Думаю, все подробности ты получишь в понедельник утром от мистера Харриса.

— Итак, сталкер, мастер-манипулятор и еще что-то?

— Да, Брук, но только в хорошем смысле.

Она снова засмеялась. И звук ее смеха со мной что-то вытворял. Что-то очень чувственное и эротичное, точно, я уже понял, что как только мы закончим разговор, отправляюсь с мылом и своей рукой в душ. *Когда, черт побери, я дрович, всего лишь просто думая о женщине? Когда?*

На острове воздух был другим. Он был более чистым и в нем отчетливо ощущался запах моря и земли.

Я не должен был так долго скрываться. Восемь лет — это долгий срок.

Но поскольку Брук жила здесь, а я собирался стать с ней очень хорошими друзьями, поэтому буду приезжать сюда намного чаще.

Блэкуотер был построен в 1890 году моим прадедом, Натаниэлем Блэкстоуном, который был прямым потомком человека, основавшего город Бостон в 1625, как Брук напомнила мне по телефону.

Мой прадед сделал свое состояние на Континентальной железной дороге и разработках нефтяных скважин в Техасе. Он построил Блэкуотер, когда уже имел состояние и захотел вернуться туда, где вырос ребенком, на остров Блэкстоун. Мне кажется, он хотел окунуться в то простое, беззаботное время.

У меня имелись свои воспоминания об этом беззаботном времени во время каникул, проведенных на острове, когда я был еще ребенком также, как мои братья и сестры. Я вспоминал те времена, как самые счастливые и беззаботные. Папа учил нас ходить под парусом, отправлял нас в лагерь бойскаутов. Девочек он учил стрелять из лука и плавать. Он был для нас настоящим отцом. Мама не была в восторге от острова, но всегда находилась с нами, я помню, как она устраивала пикники на пляже, запекая моллюсков на костре вместе с тетей Синтией, которая также была ее кухней. Да, в нашей семье был инцест. Деньги любят находиться в семье. Право распределения, при соблюдении твоих интересов.

Я стоял напротив старинного каменного особняка, разглядывая его, который принадлежал нашей семье уже более ста лет, и не мог понять, почему моя мать захотела его продать. Если учесть, что она не спросила ни одного члена семьи, не спросила своих детей, захотят ли они его продавать.

Во всем этом было что-то такое, чего я явно не знал.

Пока.

Я сфотографировал знак Realty и отправил его своим адвокатам, которые занимались приобретением недвижимости. Я мог спокойно купить его, но это было не совсем правильно, учитывая, что у меня есть двое братьев и двое сестер, которые тоже могли сказать свое слово, а также, что наш отец хотел бы, чтобы этот особняк принадлежал нам всем.

Дом по-прежнему выглядел крепким, с основательным фундаментом, стоящий высоко на скале с видом залив Массачусетс. Его построила моя семья для семьи. Стоимость должно быть была выше тридцати миллионов долларов, но это меня меньше всего волновало. Наследие семьи было гораздо более ценным само по себе.

Видимо, моя мать напридумывала себе, что я когда-нибудь позволю продать Блэкуотер незнакомым людям.

Глава 10

Брук

Черные тучи имели намерение вот-вот пролиться суровым дождем, как только паром встал на причале в гавани Бостона.

Утро понедельника.

Выходные прошли в полном тумане после грандиозного объявления Нэн и Германа. Эдуардо прибыл в субботу и остался со мной до второй половины дня воскресенья, помогая спланировать свадьбу. Мы поехали в больницу, чтобы обсудить с Нэн все основные моменты, и нам удалось даже выбрать цветы и платье. Она нашла именно такое, как и хотела, поэтому я разместила заказ онлайн в свадебном магазине Бостона. Ее подруга Сильвия сможет подогнать ей по фигуре, если потребуется, когда я заберу его в конце недели из магазина. Бабуля будет прекрасной невестой, когда будет произносить свою клятву в Каменной церкви Герману. Свадьба будет небольшой с присутствием только близких друзей, но именно это сделает ее более романтичной, на мой взгляд.

Я чувствовала, что выполнила задание, несмотря на одни выходные, которые мы посвятили планированию свадьбы, выходя из «Старбакса» со стаканчиком латте, о который грела замерзшие руки, готовая приступить к началу рабочей недели. Я перешла через небольшую аллею, которая отделяла «Старбакс» от моего офиса и увидела альков, в котором тогда стоял Калев, разговаривая по телефону, скрываясь от пешеходов, спешащих по улице. В то утро, как он и сказал, он увидел меня.

Сегодня вечером я собираюсь с ним на ужин.

Этот факт сам по себе меня удивлял. Потому что сегодня у меня не было абсолютно никакого желания с кем-нибудь встретиться. Это было похоже на свидание, да? Красивый, постоянно флиртующий мужчина приглашает девушку на ужин, и она принимает его приглашение. Я квалифицировала это как свидание. Калеба я знала не настолько хорошо, но что было самым невероятным и странным, я ощущала с ним себя спокойно. Он не подталкивал меня к чему-то, как девяносто процентов мужчин, которых я встречала, но при этом не сдавался. На самом деле, я совсем не ожидала, что он позовет меня на свидание после моей тирады о богатых, живущих на острове. Итак, Калев тут же принял мои извинения с условием, что я с ним поужинаю. Как я могла ему отказать? И если честно, мне не хотелось ему отказывать. Он казался очень обаятельным и вежливым — настоящим джентльменом. У меня не было большого опыта общения с мужчинами, но в нем было что-то такое, я могла доверять ему. Я вспомнила, как на коктейльной вечеринке он казался несколько косноязычным, со стороны это выглядело смешно, особенно учитывая то общество, среди которого он находился тогда. Но он вступился за меня и галантно предложил свою помощь. А потом прислал *мне* цветы. Очень внимательно с его стороны. Могу ли я ему доверять? Я подумала, что могу.

Не сравнивай всех мужчин с ним. Калев был не похож ни на одного из них.

Впервые с тех пор, как я покинула ЛА я не боялась остаться с глазу на глаз с настоящим гетеро-мужчиной, который явно будет оказывать мне обычные знаки внимания, как и все остальные.

Мне хотелось посмотреть, как повернется разговор с ним за ужином. После того, как он задаст мне обычные вопросы, проверяя на прочность первое свидание и услышав мою

историю, я была уверена, что его любопытство будет быстро вежливо удовлетворено, и он останется довольным. Мое прошлое было беспорядочным во многих отношениях, а недавнее прошлое было просто шлаком, который чуть не прикончил меня.

Слышал ли Калеб Блэкстоун хоть немного о моем бардаке? Я бы ответила правдиво на все его вопросы, ничего не упуская из внимания.

Я не могла представить, чтобы он или любой другой мужчина захотели бы встречаться со мной. Нет. *Приобрести счастье с мужчиной* — маловероятно для меня в данный момент. *Когда-нибудь, но не сейчас.*

* * *

Эдуардо появился в офисе после меня, такого никогда раньше не случалось.

— *Ay Dios mío*, у меня голова болит, *condesa*.

— Слишком много вечеринок, не хватило даже выходных, да? — Я знала об его образе жизни, как он в большинстве своем проводит свободное время. — Прости, ты не очень хорошо себя чувствуешь, эта рубашка на пуговицах цвета тыкву, которую ты одел сегодня утром, выглядит очень празднично... прямо по-осеннему. Хочешь, я пройду в соседний офис и принесу тебе тыквенное латте?

Он резко застонал и отмахнулся. Он хотел прилечь на диван в конце комнаты ненадолго, а затем вновь появится передо мной, но уже посвежевшим человеком. Эдуардо постоянно взрывал мне мозг.

— Брук, доброе утро. У тебя есть минутка? — спросил Джон, остановившись в проходе моей двери.

— Для вас, Джон? Даже две или три, и вам также доброе утро, — обычно я не видела его так рано, потому что Джон так рано не появлялся в офисе. Ему требовалось время насытить себя кофе и выпечкой, прежде чем он придет в себя и будет готов куда-то двинуться, поэтому его график согласовывался на любое время после 10:00 утра, мне кажется, он страдал той же болезнью, что и Эдуардо — очень бурная социальная жизнь в свободное время, полагаю, что это относится к большинству одиноких людей. Единственный человек, который был на работе в столь ранний час, Карлайл. Он был женат на ведущем кардиохирурге Массачусетса, которую звали Колин. Когда мы обсуждали их как пару, то сократили их совместные имена до «КК». Они были абсолютно влюблены друг в друга.

Джон опустился в мое розовое бархатное кресло в виде тиффани, которое заскрипело под его весом, протестуя, но я вежливо не обратила на это внимания.

— Что случилось, Джон?

— У нас появился новый клиент с пентхаусом 1920-х годов с полной реконструкцией. И это нелегкая работа, Брук, из-за масштабов, а также впечатляющего бюджета. Свыше пяти миллионов, чтобы быть точным, — он широко улыбнулся. — Три этажа, шесть тысяч квадратных футов, с четырьмя спальнями и четырьмя ванными комнатами, плюс душевая кабина. Пять каминов, медиа-зал, домашний тренажерный зал, два домашних офиса — владелец бизнесмен международного класса — пять парковочных мест и благоустроенная терраса на крыше с панорамным видом на реку Charles River на линии горизонта Бостона.

— Вау. Звучит просто невероятно. И ты пришел, чтобы сообщить мне хорошую новость

— я сделаю дизайн одной из комнат, — сказала я. — Я надеюсь..., — добавила я, немного более скромно.

— Не совсем, моя дорогая, — он многозначительно склонил голову, прежде чем скинуть на меня бомбу. — Ты отвечаешь за весь проект. Он попросил женщину дизайнера... только женщина по-видимому может для него это сделать. Он убедился в этом, напрямую заплатив тебе гонорар. — Джон достал папку с чеком, которую принес с собой. Он положил ее мне на стол, чеком сверху. — Пять процентов от общего бюджета — это наш гонорар. Твой клиент платит десять процентов — это пятьдесят на пятьдесят — между тобой, ведущим дизайнером, и студией. Поздравляю, Брук. Пожалуйста, не стесняйся и приходи ко мне, если тебе потребуется помощь или к Карлайлу, конечно. У тебя имеется великолепный бюджет и возможность *сделать* карьеру в области дизайна именно здесь. — Он ткнул пальцем в папку. — Клиенты, такие как он, смогут привлечь к нам еще большее количество клиентов, если он останется доволен результатом, он расскажет о нас своим друзьям.

Я глубоко сглотнула и промолчала. Бостон, все и всё, были засосаны в вихрь водоворота пространства и времени.

Я пристально смотрела на сумму, написанную на чеке. Невероятно, черт возьми?

Мое имя было четко написано на линии. *Это точно твое имя, идиотка.*

Дата — прошлая пятница стояла в верхнем углу. *Он сказал, что заезжал сюда для консультации с Джоном.*

И внизу справа стояла подпись Калеб Дж. У. Блэкстоун, написанная тем же уверенным почерком, как и на карточке, которая прилагалась к цветам, стоявшим не более чем в двух футах от меня сейчас. *Это тот Калеб, который пригласил меня на ужин.* Это просто сюрреалистично.

— Сделай так, Брук, чтобы мистер Блэкстоун остался очень доволен твоим дизайном.

— Да, Джон. Я позабочусь об этом, — удалось мне пробурчать, несмотря на то, что я боролась, боясь, что у меня не все в порядке с головой, окунувшись в вихрь пространства и времени Бостона десять минут назад.

* * *

Мартин был последним, кого я ожидала увидеть у себя в офисе, пройдя через дверь, его приятные манеры были еще более неожиданными. Он протянул мне конверт, который я нехотя взяла.

— Это мой расчет, Мартин? Почему ты не отправил его сюда, а пришел лично? Я не вернусь к тебе и не буду работать на тебя.

— Да, я знаю. Я хотел прийти и лично тебя поблагодарить, Брук.

— Поблагодарить меня? — бедный Мартин явно страдал отсутствием мозгов. — За что?

— За то, что твой парень оплатил ущерб восьми дизайнерских костюмов. Коктейльный соус..., — он умолк.

— У меня нет парня. Кто оплатил ущерб? — я даже не могла представить, что кто...

— Твой друг, Калеб. Он дал мне свою визитку после того, как ты ушла и сказал, что готов возместить причиненный ущерб. Он заплатил около пятидесяти штук за все костюмы. Дизайнерские вещи стоят дорого. — Он пожал плечами. — В любом случае, спасибо за

помощь во всем. Удачи, Брук.

Он махнул рукой и вышел за дверь, я подняла руку в ответ.

И задумалась.

Второй раз за сегодня, я теряла дар речи из-за скрытных действий Калеба Блэкстоуна по отношению ко мне.

Какого черта он все это делает? И главное, зачем?

* * *

— Мистер БЛЭКСТОУН здесь? — с ухмылкой произнес Эдуардо, заглядывая ко мне в кабинет, и поблескивая своими темными глазами. Было легко заметить, что он явно наслаждался зрелищным видом Калеба, вместе со всеми остальными. Мужчина был определенно состоятелен, известен в бизнесе, и пробегаясь быстро по фотографиям в интернете, они помогли освежить мою память. Его внешность была немного суровой, но Боже мой, это делало его только более привлекательным. Google сообщал, что его личное состояние от одного до двух миллиардов долларов, в основном от нефти и энергетики. Калев Блэкстоун был законным миллиардером. И то, что он хотел меня видеть своим дизайнером было большой загадкой. Эдуардо дышал мне в шею от этой информации, как только потрясающе горячий мистер Блэкстоун выбрал меня для своих целей.

— Я до сих пор не понимаю, почему он конкретно выбрал меня. Почему он не попросил Джона или Карлайла? Его бюджет адски огромный, а я начинающий дизайнер.

Эдуардо склонил голову направо, а бедро мастерски выдвинул влево и закатил на меня глаза. Его драматический талант, как и следовало ожидать, был ужасно смешным.

— Я могу с уверенностью сказать, что Джон и Карлайл не имеют такую же красивую женскую грудь, как у тебя, *condesa*, — он сморщил нос в отвращении. — Хотя Джон и догоняет, должно быть у него сейчас твердый размер В. Все эти утренние французские булочки с заварным кремом не помогают похудению, — прошептал он громко.

Я прервала его, прежде чем он окончательно углубиться в свои рассуждения, которые я совершенно не хотела сейчас слушать.

— Спасибо, Эдуардо, за столь искрометную оценку увеличения груди Джона. Почему мистер Блэкстоун хочет именно меня? — у меня начинала появляться паника.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Я думаю, что он хочет заняться с тобой сексом, но это чисто мое мнение.

— Ты мне совершенно не помогаешь, а только пугаешь. Я понимаю теперь, почему Джон и Карлайл предложили мне ассистента в твоём лице. Они понятия не имели, что с тобой делать.

— Но я всегда честен, а это ценное качество для сотрудника, — сказал он мне с нахальной ухмылкой.

— Точно, — я тяжело вздохнула и поняла, что нет смысла заставлять Калеба ожидать в коридоре. Он заплатил за услуги дизайнера пять миллионов долларов (и лично мне) поэтому я полагала, что теперь он стал моим новым боссом. Я не могла заставить ждать его еще ни секунды. — Эдуардо, пожалуйста, пригласи мистера Блэкстоуна.

Я прислушалась к торжественному объявлению Эдуардо и насторожилась.

— Мисс Кастерлей готова для вас, мистер Блэкстоун.

Я встала и с протянутой рукой направилась к нему, как только он вошел в мой кабинет, его высокая фигура сразу же заполнила почти все небольшое пространство, отчего мое сердце резко упало.

— Калевб...

Он взял мою руку, но не потряс ее, а притянул меня к себе, целуя в щеку.

— Брук, — прошептал он мне на ухо. Его борода и мягкие губы на моей коже вызвали прилив жара, который угрожал меня сжечь. Он удерживал меня на несколько секунд дольше, чем следовало, потом отпустил. Я немного споткнулась, пятаюсь назад, чуть не упала. Он тут же подхватил меня, не отрываясь смотря мне в глаза. Я видела их цвет, они вспыхнули темно-синим, а вокруг зрачка появилась золотая окантовка.

Необычные, красивые глаза, от которых я не могла отвести взгляд, он удерживал меня своим взглядом.

До меня, наконец, дошло, что я совершенно не контролирую ситуацию, и это помогло мне выйти из его гипноза.

Чертовый ад... Калевб Блэкстоун. Эти фотографии, которые ранее я просматривала в Google и близко не передавали реальность этого человека во плоти. Я не внимательно разглядела его той ночью, когда мы впервые встретились. Да, я посчитала его красавцем, но там было сколько мужчин, которые окучивали меня со всех сторон, я была несколько рассеяна, поэтому особенно к нему не присматривалась. Вау.

Я убрала свою руку и направилась к своему стулу, молясь, чтобы мои ноги не подкосились.

— П-пожалуйста, присаживайтесь, — я указала ему на кресло, потом вспомнила:

— Могу ли я забрать ваше п-пальто?

— Нет, спасибо, я не буду его снимать, — он расстегнул пуговицы, прежде чем опустить свое большое мужское тело в мое розовое бархатное кресло-туфельку. Это было довольно несуразно, у меня даже появилось желание сфотографировать его, сидящим в этом кресле. Мне захотелось поцеловать это чертово кресло, потому что оно не скрипнуло, несмотря на то, что Калевб откинулся на спинку и расслабился в нем, словно оно было его собственным. *«На самом деле, на данный момент он собственник этого кресла»*, — напоминала я сама себе. Его длинные вытянутые ноги в темно-серых шелковых брюках, четко очерченных на бедрах, казалось, заняли все пространство между креслом и моим рабочим столом. Я подтолкнула себя к своему стулу, перестав пялиться на него сверху. Теперь это образ...

Остановись. Перестань смотреть на него, как мужчину, точно полная дуруха.

Мне удалось усадить свою задницу в свое кресло и перевести на него внимание. С трудом.

— Я удивил тебя, не так ли? — он едва улыбнулся одной стороной рта, очаровательно и плутовато одновременно. В данный момент у меня имелась очень большая проблема. Как Марианский желоб, именно такой глубины, проблема.

— Калевб... пожалуйста, помогите мне понять, почему вы выбрали меня в качестве ведущего дизайнера для своего ремонта. Конечно, вы захотите получить дизайнера с гораздо большим стажем...

— Брук, я хочу тебя, — спокойно перебил он. — Это все, что тебе стоит знать о моих причинах.

В каком смысле ты хочешь меня? Здесь, на данный момент я чувствую совершенно разные флюиды, исходящие от Калеба Блэкстоуна, мужчины с красивыми и необычными глазами.

— Ну, если вы выдадите немного больше информации, то я смогу почувствовать себя более комфортно в данной ситуации. Я... Я младший дизайнер и у меня нет такого опыта работы, как у мистера Харриса и мистера Гуда, которые как раз подойдут для вашего проекта.

— Я сказал мистеру Харрису, что мне хочется, чтобы в дизайне пентхауса чувствовалась женская рука. Он разве не сказал тебе об этом?

— Нет. Он только сказал, чтобы я сделала все, чтобы вы остались очень довольны моим дизайном, — он ухмыльнулся на мое замечание, и странно при этом он не смотрел на меня не высокомерно, не дерзко... скорее шаловливо.

— Ну, ты сможешь сделать меня очень довольным, приняв этот проект, Брук, — он постучал по колену пальцем, а потом положил руку. Он явно не ожидал от меня отказа, правильно разыгрывая свои карты, сохраняя при этом нахальную ухмылку на лице.

Я никогда больше не получу такого шанса. Реконструкция пентхауса миллиардера сделает мне карьеру. Джон согласился. Если я откажусь, однозначно буду дебилкой, не заслуживающей называться дизайнером интерьера, тогда стоит вернуться к работе с засранцами такими, как Мартин.

— Хорошо. Я принимаю твое очень щедрое предложение работать над этим проектом, Кaleb.

Его ухмылка превратилась в улыбку, от чего его сине-золотые глаза замигали.

— Я очень доволен, Брук.

Кaleb знал толк в двусмысленных комментариях, которые слетая с его уст, выглядели невинно и мило. Я почувствовала двойной подтекст в его словах, но он не перешел границы приличия, но мне было неловко находиться рядом с ним.

Он проверил свои часы, поднимаясь со стула, которые, вероятно, стоили столько же, сколько я должна была получить комиссионных за готовый проект.

— Уже начало шестого, я обещал тебе ранний ужин. Мы должны идти.

Он как будто взял на себя командование. Но это выглядело ненавязчиво, без особых усилий с его стороны. Потом я ощутила тяжесть его руки у себя на плечах, когда он помогал мне надеть пальто. Через минуту он выводил меня за дверь, крепко прижимая к моей спине свою руку. Я чувствовала странную смесь доминирования и уважения, исходящие от всего от того, что он делал, нравилось мне это или нет.

— Боюсь, что на улице слишком сильный дождь, но Исаак позаботится о тебе, — сказал он, как только мы вышли на улицу.

Впечатляющий седовласый джентльмен открыл надо мной огромный зонт и препроводил прямиком к черному мерседесу, на меня не упало ни единой капли дождя.

Кaleb скользнул на сиденье рядом со мной.

Дверь закрылась за его спиной, мгновенно заглушая шум дождя и города. Мы оба повернули головы, изучая и разглядывая друг друга. Мы не произнесли ни слова, я просто смотрела на него.

Мы чувствовали друг друга физически, поскольку сидели очень близко, поэтому нам ничего не оставалось делать, как только ощущать присутствие другого. Я чувствовала тепло его тела и аромат одеколona, которым он пользовался. Пряный и мужской —

одурманивающий мои чувства от его близости.

Водитель замедлился на трассе, Кaleb взял меня за руку.

Я не отстранилась. Мне не хотелось вытаскивать руку из его ладони, потому что мне очень нравилось, я чувствовала его тепло и защиту.

Он слегка вздохнул, но я услышала этот вздох. Он скорее походил на облегчение.

Я до конца не поняла, почему он решил выбрать меня за свои пять миллионов долларов для реконструкции пентхауса, но теперь мне было уже все равно.

Мне очень нравилось, как я ощущала себя рядом с ним. *Спокойствие. Заинтересованность.* Совершенно разные, но одинаковые по описанию чувства, когда моя рука находилась в руке Калеба. Может, с его стороны это выглядело немного самоуверенно или даже немного грубовато. Но странным казалось то, словно так и должно было быть.

Глава 11

Калеб

Она пахла так приятно и выглядела такой хорошенькой, что мне потребовалась сдержанность, чтобы не прижаться к ней. Но я хотел. Я вообще хотел сделать многое с Брук.

И в какой-то момент мне необходимо было очутиться с ней рядом на заднем сидении автомобиля, чтобы я почувствовал себя расслабленно, совершенно расслабленно, что это было на самом деле, черт его знает, но чувствовал я себя именно так. На самом деле, это было не важно, потому что такого у меня еще не было. С ней мне приходилось начинать все с нуля. Освоение Брук было сродни пошаговому освоению территории, раньше я бы никогда на такое не решился. Я хотел предъявить свои права на нее, к ней, с ней. Я хотел большего, чем мог иметь, причем прямо сейчас. Я инстинктивно знал, что мне не стоит торопиться, чтобы заполучить хотя бы шанс на девушку, которая так глубоко пробралась мне под кожу, что я почти не узнавал самого себя. *О такой любви говорил Лукас?*

Мне даже не хотелось выпускать ее руку, когда Исаак припарковался перед рестораном. Хотя это было обычным прикосновением — ее и мои пальцы переплетались вместе. Обычное прикосновение. Но не совсем. Смэшинг Пампкинз [\[7\]](#) понял бы мою боль.

Поэтому, как только мы оказались перед входом в ресторан под тентом, укрытые от дождя, я взял ее снова за руку и не отпускал, пока мы не прошли внутрь и не сели за стол друг напротив друга. Не скрывая я рассматривал Брук, и это было бальзамом мне на сердце. Она, конечно, была красавицей, и мне нравилось смотреть на нее, но ее внимание, направленное на меня, не было похоже на внимание, которым меня одаривали раньше женщины. Она не отстранилась, когда я держал ее за руку. Она не прильнула ко мне, рассчитывая на большее. И она не показывала, что крайне нуждается в моем внимании. Она просто приняла его.

— Надеюсь, что здесь будет хорошо, — сказал я, глядя в свое меню. *Boscono's on the Hill* был новый итальянский ресторан в Боскон-Хилл. — Я никогда не был здесь раньше. Мне предложила его моя ассистентка, когда я ей сказал, что хочу тихое место с отличной кухней и достойной винной картой. Я подумал, что тебе понравится итальянская кухня из-за той фотки, что ты прислала мне тем вечером.

— Здесь замечательно, и я уже знаю, что закажу.

— Даже я знаю, что ты закажешь, Брук. — Без сомнения, различные вариации фрикаделек. Мне нравился ее юмор. — Какое вино ты предпочитаешь? — спросил я.

— По слаще, в самой конце шкалы винной карты. Я надеюсь, это неплохо, — быстро добавила она.

— Я люблю все сладкое, — тихо ответил я и опять увидел, как она покраснела. *Чертовски горячо.*

Появился официант, чтобы принять у нас заказ и доставить самое дорогое Ламбуско, двадцать восемь долларов за бутылку (вероятно, в стоимость входила еще и тридцатипроцентная ресторанный наценка) я оценил ее незаинтересованность в своей респектабельности. Это было ново.

Я вспомнил, как приложился губами к нежно пахнущей щеке Брук, приветствуя ее в дизайн-студии. Мне хотелось лизнуть ее кожу, пройтись вниз по ее шеи, притянуть к себе и

поцеловать в ключицу. Я хотел бы почувствовать, как она отзывается на мои действия. Интересно, как она будет выглядеть, когда мои губы будут бродить по ее телу? Какие звуки она будет издавать? Какая она во время секса? И на вкус она такая же сладкая, как это вино, которое мы пьем?

Предстоящий ужин был проверкой моего контроля, мне приходилось все время помнить, что нужно держать себя в руках, и вести себя тихо. Напор будет не правильным шагом по отношению к Брук.

Она мгновение изучала меня, прежде чем сказала:

— Сейчас ты напомнил мне человека, которого я знаю на острове.

— Да?

— Да, жениха моей бабушки. — Она покачала головой и улыбнулась. — Боже, это звучит так странно, но мне следует к этому привыкнуть, потому что свадьба будет через месяц, и я занимаюсь ее организацией.

— Поздравляю счастливую пару. — Я ничего не мог поделать, но мне, действительно, стало интересно за кого миссис Кастерлей решила выйти замуж в свои золотые годы. Готов был поспорить, что она по-прежнему была прекрасна, насколько я ее помнил — все так же мила, добра, настоящая англичанка, управляющая поместьем Блэкуотер, создавая вокруг идеальный комфорт, насколько это было возможно в нашей не идеальной семье. Я вспомнил, как она убирала за нами весь бардак, который могут совершить дети и при этом обладала огромным терпением.

— У меня почему-то возникла эта мысль, Герман будет моим дедом, когда женится на Нэн.

Герман? У меня стало покалывать затылок. Имя Герман было не столь распространенным. Судя по всему, я мог спокойно сказать, что единственный Герман, живущих на острове был моим дядей.

— Герман Блэкстоун?

— Ты родственник Германа?

— Он мой дядя. Итак, дядя Герман женится. Вау. Это круто. — Мне следовало рассказать Брук о Блэкуотер. Мне не стоило хранить эту тайну и скрывать что-то от нее. — Ты уже видела список приглашенных на свадьбу?

Она в недоумении покачала головой.

— Нет, они до сих пор составляют его.

— Думаю, я буду в этом списке, ты точно увидишь мое имя. — Если честно, то я был взволнован. Герман заслуживал крупицу счастья после того, как дерьмово женился первый раз. Тетя Синтия была не слишком хорошей женщиной. На самом деле, воспоминания о ней были скорее, как о чертовой гидре. Мать точно будет в не себя, когда услышит новость. *Только представьте, бывшая прислуга выходит замуж за деньги семьи Блэкстоунов.* Я даже уже слышал ее стоны над бокалом шардоне. Я бы солгал, если бы мысль о горе моей матери о новости Германа, не веселила меня до чертиков.

— Значит твой отец и Герман братья? — Она нахмурилась. — Мне почему-то казалось, что у него есть один брат...

— У него и был. Мой отец Джон Уильям или ДжУ как его называли, был его единственный брат, на десять лет моложе Германа.

Она соединила все детали, и выражение ее лица стало грустным, я тут же понял, что она все поняла. Умная девочка.

— О, Калев, я сожалею о твоей потере. Это произошло прямо перед тем, как я вернулась в Бостон, чтобы помочь Нэн. Она все время вспоминала твоего отца и была убита горем, когда услышала, что он скончался.

— Спасибо. Я каждый день вспоминаю его. — Я испытывал хотя бы маленькое утешение, поскольку наш отец умер спокойно и среди своей семьи.

Она мгновение задумчиво изучала меня, не отпуская моего взгляда.

— Калев, предполагаю, что ты уже понял, что моя бабуля была домработницей в Блэкуотер. Зачем ты нанял меня для своего ремонта после всех тех ужасных слов, которые я наговорила тебе, ужасно неуважительных о твоей семье?

Она несколько раз моргнула, как будто пыталась сдержать слезы. Это выглядело так сердобольно.

— Брук, прошу тебя, успокойся.

— Но я не понимаю. Я не понимаю, что ты делаешь здесь со мной, Калев? Цветы, предложение о работе и пятьдесят тысяч долларов, которые ты заплатил вместо меня, за ущерб дизайнерских костюмов. — Она отвернулась к окну и уставилась на дождь. — Ко мне заходил мой бывший босс, принес чек и поблагодарил меня за то, что *мой парень* возместил ущерб.

Она отвернулась от окна и поразила своим пылающим взором янтарных глаз. Ее глаза были чувственными, и я мечтал о ночи, когда она была бы в моей постели, и не отрывая взгляда смотрела на меня, пока мой член был бы похоронен в ней глубоко. И я даже не сомневался, что это было бы ох*ительно.

— Ты даже *не знаешь меня*, если не учитывать того приема, Калев. Так зачем ты все это делаешь для незнакомого человека?

Я потянулся через стол и взял обе ее руки в свои. Я потирал ее костяшки, испытывая удовольствие от ее тонких пальцев. *Ты просто пир для моей голодной души. Мой брат думает, что я влюблен в тебя. Ты принадлежишь мне с тех пор, как я впервые увидел тебя.*

— Я не знаю, почему. Это истинная правда, Брук. Не знаю, почему я предложил оплатить убытки, и почему я последовал за тобой на улицу, чтобы увериться, что с тобой все в порядке и почему внимательно слушал адрес, который ты назвала, и почему я послал тебе цветы на следующий день и целенаправленно приложил карточку со своим номером телефона. Не могу сказать, зачем я совершал все эти действия, за исключением того, что я хотел помочь тебе... в тот момент, когда ты явно нуждалась в доброте от кого-то другого. Я не мог перестать о тебе думать, и мне хотелось бы, чтобы на следующий день ты чувствовала себя более комфортно. Ты заинтриговала меня, Брук. Мне кажется эта встреча была неслучайной — это судьба, особенно сейчас, когда Герман женится на твоей бабушке. Мы все равно теперь будем связаны их браком. Разве возможно, что такое может случиться? Я не хочу слишком вдаваться в рассуждения, просто хочу дать судьбе шанс на успех.

— Даже после того, когда я так ужасно обошлась с тобой по телефону?

— Знаешь, что? Ты была права во всем. Мне потребовалось совсем немного времени, чтобы узнать правду. Я понятия не имел, что Блэкуотер давно был заколочен и выставлен на продажу, а сотрудники уволены. Никто не сказал мне об этом, и скорее всего, меня специально держали в неведении на этот счет. — Я не хотел говорить, что это была моя собственная мать, но когда-нибудь Брук познакомится с моей матерью и поймет все сама. — Тебе стоит знать, что я предпринимаю некоторые шаги, чтобы исправить эту ситуацию. Твоей бабушке и всем остальным сотрудникам будет выплачена компенсация в размере

зарплаты и пособие за увольнение. Обещаю.

— Ой... — Она выглядела неуверенной, поэтому пару минут помолчала. — Тебе не стоит этого делать из-за меня. Ах... я поняла. Ты, наверное, думаешь, что когда я позвонила извиниться перед тобой, я знала кто ты есть на самом деле?

— На самом деле, нет. Брук, ты удивила меня своим телефонным звонком, но не забывай, что я уже нанял тебя для своего ремонта до того, как ты мне позвонила, поэтому можешь считать, что ты на меня уже работала. В прошлую пятницу я узнал, кто ты есть на самом деле и каким образом связаны наши семьи. Я не был на острове почти десять лет, был там только в прошлые выходные. Мой брат Лукас рассказал мне о многом, что произошло. Я хотел бы сохранить Блэкуотер для... нас, — я сделал взмах рукой взад-вперед между нами, — но пока я не могу определить, как это лучше сделать, чтобы сохранить собственность и разобрать ужасный бардак, созданный моей семьей.

— Если честно, я до сегодняшнего момента не знала кто ты есть на самом деле, Кaleb. — Она подняла свою руку вверх, подпирая подбородок. — У меня даже не возникло предположения, что именно твоя семья владеет Блэкуотер. Я просто в ужасе сейчас, если ты об этом.

— Ты красивая, даже когда находишься в ужасе, Брук. С каждым шагом ты удивляешь меня все больше и больше. Я не хотел тебе говорить, что Блэкуотером владеет моя семья, пока не исправил бы все, что мы напортачили. — Я очень надеялся, что она мне поверила.

— Я хотела бы, чтобы ты вспомнил мои слова — самое важное не сколько ты имеешь денег, а на что ты решил их потратить. Я имела ввиду именно это. Ты пытаешься что-то исправить и ты был не в курсе, я восхищаюсь твоей порядочностью в этом вопросе, но я также очень надеюсь, что ты не делаешь это исключительно ради меня, надеясь получить от меня что-то взамен.

Даже иметь тебя у себя в постели каждую ночь? Мы говорили явно на одном языке, по крайней мере.

— Я делаю это ради себя, Брук. — *Но я все равно хочу иметь тебя в своей постели.*

Она покраснела. Я увидел, как краска заливала ее шею и лицо. Я хотел бы увидеть ее такой, но обнаженной в своих объятиях.

— Был бы огромный сюрприз, если бы ты неожиданно появился на свадьбе, зная обо всем, — сказала она.

— Как я уже сказал тебе, вся эта ситуация напоминает мне волю судьбы, по крайней мере для меня.

— Кaleb, моя бабуля знала тебя с самого рождения. Я не могу в это поверить.

Видя Брук такой оживленной, мне захотелось поцеловать ее дыхание.

— Спроси ее, помнит ли она гранатомет из помидоров, который я сделал, будучи бойскаутом в двенадцать лет. Держу пари, что она скажет «да».

Она рассмеялась.

— Могу представить себе раздавленные помидоры и ужасный нагоняй от моей бабули, которая застала тебя за этим занятием.

Даже наблюдать, как она ела для меня было в удовольствие. Она заказала пасту с гигантскими чертовыми фрикадельками, которые покромсала на мелкие кусочки и смаковала каждый в отдельности. Мне нравилось, как она наслаждалась обычной едой и было видно, что ее совершенно не волновало, что листья салата с половинкой помидора черри и ломтиком лимона для вкуса составляли целых тридцать калорий. Господи, как она наполняла себя этим дерьмом. Все это херня, и я буду помнить этот ужин нашего первого свидания до конца моих дней.

— Я могу задать тебе вопрос, Калев?

— Ты уже задаешь мне вопрос, но да, можешь.

— Твой пентхаус на Бэк-Беу по-прежнему нуждается в ремонте?

Да, она однозначно была смышленной. Делая меня жестким каждый раз, когда напомнила мне об очевидных фактах.

— Я позволю тебе судить об этом самой, когда ты увидишь его.

— А что если тебе не понравится моя интерпретация, видения твоего дома?

— Именно поэтому я нанял тебя, Брук. Мне необходимы твои идеи, потому что я совсем не имею понятия о стиле или видении моего дома, я хочу, чтобы он больше подходил для семьи, нежели сейчас.

Ее ответ заставил меня приподнять одну бровь.

— Ты планируешь в ближайшее время обзавестись семьей?

Я представил себе ее. Да, планирую. И не мог остановиться, чтобы не представлять. Картинка сама собой появилась у меня в голове, как будто было все уже предопределено, и образ был настолько реальным, как я представлял себе свое будущее — Брук, с ребенком на руках, и я точно знал, что они оба принадлежат мне. *Святое. Дерьмо.* Мое сердце снова начало отчаянно пульсировать, так же как и мой член. Я слишком увяз в ней, и не мог вытащить себя обратно. И я также понял, что не в состоянии что-либо сделать по-другому с данной ситуацией, развивающейся подобным образом. Мои эмоции и чувства к Брук продолжали усиливаться, как бы по крупицам, крепнуть день ото дня.

— Ну... в конце концов, да. — Это не была ложь, *это правда, с моей стороны.*

Она усмехнулась одним уголком рта, отчего ее взгляд стал нахальным и сексуальным.

— И ты считаешь, что должен заранее подготовить дом для будущей семьи?

— Да, Брук, я должен быть всегда готов. Разве я забыл упомянуть, что являюсь бойскаутом? — Я подмигнул и снова увидел, как она покраснела, глядя на меня.

* * *

— Ты сказала, что вернулась в Бостон пять месяцев назад, когда твоя бабушка упала. Где ты жила до этого?

Я заметил, как она стрельнула в меня взглядом и опустила глаза, отчего почувствовал дискомфорт. Я готов был уже поменять тему (опять заставить ее улыбаться), но ее ответ убил меня наповал.

— Я жила с мужем в Лос-Анджелесе. — *Какого хрена?*

Это было совсем не то, что я ожидал услышать. Я метнул взгляд на ее левую руку. Кольца не было. И я точно знал, когда я впервые увидел ее, у нее тоже не было кольца. Я

всегда проверяю есть ли обручальное кольцо.

— Ты была замужем? — Значит она очень молодой...

Вспышка боли промелькнула в ее глазах, а затем исчезла, прежде чем она ответила мне.

— Да, недолго. Он погиб в автокатастрофе почти год назад, и наш ребенок... я тоже была в машине, родился слишком рано и не смог выжить от тех травм, которые я получила в результате аварии.

Святое. Мать твою. Дерьмо.

Неудивительно, что я видел в ней постоянную грусть. И сидя за этим столом, я спокойно шутил по поводу подготовки своего пентхауса к будущей семье. Я чувствовал себя сейчас мудаком.

— Прости, мне очень жаль, Брук. — Я взял ее руку и погладил. — Черт. Опустошительно. Я не могу даже представить твои страдания. Твою... печаль.

— Да, мои взаимоотношения с моей подругой Печалью довольно давние. — Она покрутила ножку бокала, затем после долгого молчания снова подняла на меня глаза.

Я в немом вопросе наклонил голову, и это была не шутка. Наверное, я до сих пор пребывал в шоке от того, что она только что сказала. *Она была замужем. Потеряла мужа и ребенка в автокатастрофе.* Я вдруг понял — в нашей повседневной жизни встречая разных людей, мы, на самом деле, ни черта о них не знаем, ни черта не знаем о болезненном дерьме, через которое им пришлось пройти. Ни черта не знаем, даже не догадываемся. И вспоминая Олдрича, как он обращался с ней тем вечером, мне захотелось убить этого ублюдка сию же минуту. Я должен воздать ему по заслугам, этому пидарасу нанести визит в ближайшее время, бл*дь, чтобы просветить этот кусок собачьего дерьма о том, на кого он напал на деловом приеме.

— Фильм «Наизнанку»? Это удивительно пронизательный мультфильм киностудии Уолта Диснея про наши личные внутренние эмоции, как они вместе существуют, чтобы личность могла нормально функционировать. Печаль — моя давняя подруга.

— Я никогда не слышал о таком фильме.

— Уверена, что он не в твоём вкусе, но, возможно, ты сможешь его когда-нибудь посмотреть.

— Ты согласишься со мной? — спросил я.

— Возможно, — застенчиво ответила она.

— Ты очень мужественная. — Я притянул ее руку к губам и поцеловал. — Во всем.

— Я не всегда была мужественной, но я стараюсь, — ответила она, опустив глаза вниз к бокалу вина.

* * *

Ужин затянулся на три часа. Десерт, кофе, интересный разговор и наступил момент, в котором я чертовски разочаровался — мы должны были уходить, чтобы Брук успела на последний паром в 8:30 вечера. На самом деле, я ненавидел саму мысль, что она будет одна плыть ночью на этом пароме. Ненавидел мысль. Но я держал язык за зубами, так как был уверен, что она скажет мне не лезть не в свое дело.

Честно, я ничего не предпринимал, но движение на трассе было полной катастрофой.

Если учитывать, что сегодня в понедельник вечером был футбол на стадионе Gillette, то сами все понимаете.

Плюс еще непрекращающийся дождь.

Четыре автомобильные аварии, которые перекрыли проезд к гавани.

Я чувствовал, что Брук все больше и больше нервничает, пока Исаак предпринимал все возможное, чтобы поспеть вовремя.

Но я, конечно, сволочь, когда тикали последние минуты до отплытия последнего на сегодняшний день парома до острова Блэкстоун, бл*ть, я молча радовался, сидя рядом с ней.

— Нет, нет, нет, Уилл, ты забыл меня, — прошептала она, прислонившись к стеклу, выглядя при этом очень расстроенной и донельзя соблазнительной, сидя в моей машине. Мы наблюдали, как паром медленно отошел от причала и вышел в открытые воды. Неа. Брук сегодня явно не попадет к себе домой. Ей придется остаться у меня в пентхаусе. Как у меня не искрошились зубы от того, что я с такой силой их сдавливал, чтобы не заорать во все горло, празднуя свою победу.

Я решил не сообщать ей, что у меня имеется вертолет, который мог бы доставить ее на остров в течение пятнадцати минут. Неее, я ни за что ни слова не скажу ей про свой вертолет, потому что хотел, чтобы она осталась.

Я так сильно хотел, чтобы она осталась со мной, ничего никогда в своей жизни я так не хотел.

Глава 12

Брук

— Ты можешь остаться у меня сегодня. У меня есть три спальни, ты можешь выбрать какая тебе понравится.

Я уже заранее знала, что собирается Калевб мне предложить прежде, чем он произнес слова. Я чувствовала, как его глаза прожигали мне спину, когда я смотрела в окно на уплывающий паром. Дрожь прошла по всему моему телу от ощущения надвигающихся перемен, с которыми мне предстояло столкнуться — значимых перемен, и изменить их я была не в силах. И эти перемены уже начали происходить, именно в эту самую минуту. И меня это пугало.

Когда он тихим шорохом поднял стеклянную перегородку, отделяющую нас от водителя, я почувствовала еще одну дрожь, сотрясающую все мое тело.

— Тебе холодно? — Калевб положил руку мне на плечо и мягко притянул меня ближе.

— Нет. — Я повернулась к нему лицом. — Просто... я не ожидала такого.

От него исходил такой приятный запах. Мне самой пришлось бороться с желанием упасть в его объятия и вдохнуть вкусный сексуальный-мужской-запах, который исходил от него. Я еле сдерживалась, потому что мои гормоны кричали: «*Да, сучка, сделай это сию минуту, пожалуйста!*», словно ударили меня по лицу.

Давно до меня не дотрагивались с такой нежностью. Я боролась с искушением принять его приглашение. Он, восседал рядом со мной в кресле, такой властный, но от него не исходила угроза. В чем в чем, а в этом я имела достаточно опыта, чтобы почувствовать угрозу со стороны... к сожалению.

Он терпеливо ждал моего ответа.

Не могу сказать почему, но у меня было такое чувство, словно Калевб меня защищал. Мне было приятно, но я хотела услышать определенные объяснения. Он нанял меня на огромный проект, выплатил огромную сумму денег авансом. И я хотела уточнить, не использует ли он свое предложение, предоставив мне потрясающий шанс, в надежде, что я буду заниматься с ним сексом. И не придется ли мне двигаться напрямиком к его постели, как только он поманит меня пальцем? И не подразумевает ли он начать сегодня? Не уверена, что Джон или Карлайл кинули бы меня в такую ситуацию, но Калевб готов был влить огромные деньги в Harris & Goode. Можно было бы предположить, что они не захотели бы рисковать и потерять его, введя соответствующие ограничения... будь то моральные или договорные.

— Не думаю, что мне стоит у тебя останавливаться, Калевб. На самом деле, я так до конца и не знаю, что ты от меня хочешь... что ты от меня ожидаешь... — Ага, мои слова прозвучали нелепо. Неужели я так открыто спросила его напрямую? Господи. — Мне, наверное, лучше снять номер... в отеле.

— Я ничего не жду от тебя, Брук. Это простое приглашение в данной ситуации. Я в некотором роде чувствую свою ответственность, что ты вовремя не успела на паром. И тебе придется провести ночь в Бостоне. — Он улыбнулся в своей дерзкой манере, доведя улыбку до такого совершенства, что выглядел при этом адски горячо, но не непристойно и похотливо. — У меня большой дом и я хочу, чтобы ты осталась там на ночь. И если тебя что-то смущает, мне кажется, ты должна прочувствовать то место, в котором собираешься делать перепланировку. Можно назвать, что это предварительное исследование твоего проекта.

Я глубоко вздохнула, обдумывая его ответ, который, конечно, был логичным. Да, осмотреть пентхаус было логично. Но я решила скосить под дурочку и задать ему вопрос напрямую, и на этот вопрос я, на самом деле, хотела получить ответ. В зависимости от его ответа, я решу, что мне дальше делать.

— А то, что происходит здесь между нами? — спросила я, указывая пальцем сначала на него, потом на себя. — Ты пытаешься затащить меня в постель?

— Тебе ответить буквально или фигурально? — спросил он, легко захватив мои пальцы и прижав их к своей груди. — Не буду врать и отрицать, что хотел бы быть с тобой. Ты полностью покорила меня с того момента, когда я впервые обратился к тебе. Ты красивая, веселая и умная, Брук. Я же мужчина. Поэтому между нами все сработало, как и должно было быть. — Он склонил голову к своей промежности и ухмыльнулся. — Доверься мне.

Я ничего не могла поделать, но ухмыльнулась в ответ, хотя никакого способа даже не было в аду, что я окажусь на его члене, поэтому я постаралась сосредоточиться на его синих с золотыми крапинками глазах. Почему этот красивый мужчина так настойчив по отношению ко мне? Он может иметь любую женщину, которую захочет, и судя по фотографиям в Интернете, у него их было не мало. Модели, знаменитости, наследницы: женщины из его мира, а не кто-то вроде меня. Кaleb, если уж быть до конца честной, вообще не знал мое прошлое. Он может предполагать, конечно, что хочет меня в данную минуту, в конце концов, он не первый и не последний парень, который думают мозгом, находящимся у него в брюках. Но если он узнает все... скорее всего, его желание угаснет. Я не знала, что ответить.

Мне нравилось ощущать свою руку в его, но не думать, что он так легко смог поймать меня, соединив наши руки у себя на груди. Я уставилась на его губы и вспомнила, как они ощущались на моей щеке, когда он поцеловал меня: мягкие, решительные, сексуальные. Я готова была заключить пари, что Кaleb Блэкстоун был потрясающим в постели.

Он еще ближе притянул меня и прошептал:

— Давай просто скажем, что я не уволю тебя, пока ты будешь раздумывать.

Я выдернула руку.

— Ну, спасибо за честность, но я не упаду к тебе в постель, Кaleb. Я не поступаю так с мужчинами, с которыми только что познакомилась...

Он нежно остановил меня, прикрыв мой рот двумя пальцами.

— Это был мой буквальный ответ, Брук. В фигуральном смысле, конечно, я не жду, что ты будешь со мной спать. Я не пытаюсь тебя использовать, и это не какое-то спланированное соблазнение с моей стороны. Я всего лишь хотел тебе сказать, что ты мне очень интересна. Но ничего не будет, если ты не захочешь. Ничего не произойдет, если ты не захочешь, чтобы что-то произошло. Я уважаю твой выбор.

Он говорил правильные вещи. Я определенно была согласна с ним. И подумала, что было бы глупо притворяться перед собой, что я не чувствовала к нему влечения. Я еще как была увлечена им. Также я замечала, что его влечет ко мне. Хотя удивляться было нечему, я прекрасно понимала, что это всего лишь результат физиологии.

— Этот ответ лучше? — спросил он с улыбкой.

Я снова кивнула.

— Еще раз спасибо, что ты ведешь со мной как джентльмен. Для меня это совсем незнакомый опыт.

— Тебе не нравится, что я переживаю за тебя и хочу доставить тебе удовольствие? —

спросил он с сарказмом.

— Я имела ввиду, для меня это совсем другой опыт, но я не говорила, что он мне не нравится.

— Я знаю. Я могу поработать над этим, красавица Брук Кастерлей с сексуальным голосом.

У меня появилась огромная проблема. Я упоминала, что с этим мужчиной приобрела огромную проблему?

— Хорошо, Калев Блэкстоун, с прекрасными глазами, я принимаю твое приглашение остаться на ночь в твоём пентхаусе, но при одном условии.

— Назови, — уверенно произнес он в ответ.

— Сначала ты забросишь меня в Target, мне нужно кое-что купить для пижамной вечеринки, на которую ты меня пригласил.

Он явно не ожидал, что я потребую отвезти себя в дешёвый магазин Target (чьи двери он, наверное, никогда не переступал), но, похоже, Калев любил сюрпризы, он запрокинул голову и расхохотался.

Затем он опустил стекло-перегородку и сказал:

— Исаак, Мисс Кастерлей хотела бы заехать в Tar Zhay.

* * *

Меня забавляло, что Калев следовал за мной по Target, пока я выискивала то, что мне было необходимо. Он толкал мою тележку и почти ничего не говорил. В основном, он наблюдал, и у меня появилось странное чувство, будто он делал пометки у себя в голове, словно... изучая. Он что никогда раньше не был в Target? Миллиардеры не ходят за покупками для себя, это делают их помощники за них? Я бы никогда не позволила никому что-то покупать для себя. Я люблю шоппинг, и к счастью, огромную часть времени своей работы, я тратила на поиски какой-нибудь уникальной вещи, которая бы подчеркнула индивидуальность клиента в интерьере. Блошиные рынки были одним из моих любимых мест, там можно было найти настоящее сокровище. Я поймала себя на мысли, что Калев никогда не был на блошином рынке, уж это точно.

Самое неприятное это оказаться без необходимых вещей в незнакомом месте. Если это действительно будет мой первый опыт знакомства с его пентхаусом, я хотела бы появиться там подготовленной и войти в процесс реконструкции на своих условиях, а не с ощущением, что я оказалась не в своей тарелке. Другими словами — я хотела бы иметь собственную зубную щётку, чистые трусы и как минимум одежду, которую смогла бы надеть завтра утром на работу. У меня всегда в сумочке лежала косметичка, так что с макияжем проблем бы не возникло. Мне не нравится ходить не накрашенной. Мне очень нравился мой мейк-ап, который я делала. Возможно, он был своего рода неким щитом, закрывающим меня от мира, который мне был необходим.

Я обнаружила очень мягкое черное вязанное платье чуть выше колен. Оно хорошо будет смотреться с моими сапогами, а также огромный шарф в кремовую и черную клетку, с бахромой на концах. В разделе белья я схватила упаковку из трех кружевных трусиков-шортиков — розовые, светло-голубые и в черный горошек. Я наблюдала за реакцией Калеба,

когда бросила упаковку в тележку.

Он не отводил от них глаз.

Потом взял мою упаковку с трусиками и тщательно изучил их, разглядывая чуть ли не со всех сторон, и опять у него на лице появилась нахальная ухмылка. Все мужчины, на самом деле, в душе остаются мальчишками-подростками... по-видимому, даже миллиардеры не могут сдержать свою ухмылку, когда держат в руке упаковку дамских трусиков.

— Наслаждаешься, Калев? — я ничего не могла с собой поделать, но вопрос вертелся у меня на языке.

— Очень, Брук, — тут же ответил он. — Спасибо, что решила заехать в Target. Это совершенно непохожий для меня опыт.

Его слова были очень близки к тому, что я сказала ему раньше.

— Я почти закончила. Мне остается найти что-нибудь теплое для сна и большую женскую сумку. — Я забрала у него упаковку своих трусиков и бросила их в тележку.

Снова появилась дерзкая улыбка на его лице.

У меня возникло безумное желание зарыться пальцами в его уложенные волосы и растрепать их, просто чтобы почувствовать их на ощупь. Он лениво улыбнулся, отчего мои гормоны окончательно всполошились, и в голове промелькнула мысль — *Очень. Большая. Проблема.*

— Не усложняй все, Брук. Я сказал, что это был другой опыт для меня, а не то, что он мне не нравится.

И опять же он ответил мне моими же словами уже во второй раз. Или в третий? Мужчина явно умел поддразнивать, и мне пришлось признать, что он выглядел просто очаровательно, когда делал это. Я вдруг отчетливо осознала, что Калев не с проста отправился со мной в Target, а чтобы выяснить мои предпочтения в покупках... и на то, видно, у него были свои причины. Он явно делал пометки у себя в голове.

Фланелевая пижама черная с бледно-розовым принтом и мягкие толстые серые носки, как раз подходили для сна. Я также заметила черное фетровое болеро и не смогла удержаться, чтобы не померить его перед зеркалом. Оно идеально смотрелось с моим новым вязанным платьем.

— У меня фетиш по поводу шляп... эээ... целая проблема, — призналась я.

— Хорошо, Брук. Пожалуйста, не стесняйся, продолжай раскрывать мне свои секреты. Я все записываю.

Я оказалась права. Калев делал пометки в голове. Он запомнил все. Скорее всего это и был успех секрета его бизнеса... очередной раз вызвав у меня любопытство — почему он заинтересовался мной? Почему, если мы из совершенно полярно противоположных миров?

Он, наконец, оставил меня, отправившись за покупками в другую часть магазина, когда я зашла в отдел путешествий, чтобы найти большую женскую сумку-мешок. Я хотела что-то недорогое, но где бы уместились все мои покупки. Оранжево-серая плетенная сумка-мешок с ацтекским принтом прекрасно мне подходила. Я точно знала, что буду ее носить. При моей работе мне всегда требуются огромные сумки, куда я могла бы запихать различное барахло, которое отыскивала в определенных местах для декорирования дома.

Наконец, я курсировала по стеллажам с пробниками туалетно-косметических принадлежностей: зубная щетка, паста, шампунь, расческа, дезодорант, лосьон для тела и увлажняющий крем для лица. Я все это упаковала в водонепроницаемый косметический пакет, чтобы забрать с собой.

Моя заполненная тележка стояла в очереди в кассу. Я написала Калебу из очереди. **«Я закончила свои покупки и стою в кассу, чтобы оплатить».**

Потом я направилась в «Старбакс», расположенный внутри магазина, по дороге изучая свой чек. Удивительно, но все мои покупки составили в сумме 167 доллара. *«Не плохо»*, подумала я. Всем купленным вещам я найду отличное применение, несмотря на то, что не планировала совершать себя шоппинг. Я засунула чек в один из пакетов и ощутила вибрацию телефона, пришел ответ Калеба: **«Дождись меня, пожалуйста. Я почти закончил... в отделе электроники».**

«ОК, я уже оплатила, буду в «Старбаксе», перед магазином. Может ты хочешь, чтобы я что-то тебе заказала?»

Он мне ничего и не ответил, и я решила, что он ничего не хотел.

— Мне, пожалуйста, большой латте без кофеина с тыквенным сиропом для Брук. Он обойдется в пять двадцать пять.

Я протянула свою дебетовую карту баристу, но он замер, замороженно глядя позади меня, потом заторможено кивнул и прошептал:

— Хорошо.

Я же почувствовала руку Калеба у себя на спине.

— Теперь моя очередь, и я буду большую порцию кофе, — сказал он, вручая солидную карту Американ Экспресс. Я удивленно посмотрела на нее, потом еще раз посмотрела, поскольку никогда раньше не видела. Думаю, что бариста тоже не видел, он не сводил с нее глаз. И меня вдруг осенило, насколько паршиво должен чувствовать себя владелец черной карты Атех, когда простые люди оценивают его, размышляя насколько он богат и плятятся так, словно он диковина, решивший заплатить за совершенно обычный стакан кофе в «Старбакс». Явно у богатых... тоже имеются свои проблемы...

Я взглянула на Калеба и улыбнулась, но он не смотрел на меня. На самом деле, он выглядел довольно раздраженным.

— Ты нашел, что искал? — спросила я, пока дожидались свой кофе.

— Да, — ответил он, набирая что-то на своем телефоне. Он убрал его в карман и все свое внимание переключил на меня.

— Почему ты без меня оплатила чек?

Что?

— Прощу прощения? — я не за что не позволю ему заплатить за мои трусики и зубную пасту, ради всего святого.

— Это простой вопрос. — Он не выглядел больше раздраженным, а скорее несколько удивленным.

— Потому что я закончила свой шопинг и пришло время оплатить купленный товар, чтобы покинуть тот магазин. Не думала, что мне нужно разрешение, чтобы пройти через кассу, Калеб. Я вполне самостоятельная. — Мне было непонятно его раздражение на этот счет. — Я написала тебе, чтобы ты меня там не искал. Ты же пришел вместе со мной. Я не собиралась бросать тебя здесь одного, если ты об этом. — Я покачала головой. — Почему тебя так беспокоит, что я оплатила свои покупки?

Он засмеялся и снова улыбнулся, тем самым восстанавливая свое настроение.

— Забудь, красавица. Скажем так, это опять же новый опыт для меня, оставим это,

ладно?

— Тебе шопинг по Target пришелся не по душе? — мне хотелось бы, чтобы он рассказал, как на самом деле себя чувствовал.

Он притянул меня к себе и прижался губами к моему лбу. Я почувствовала, как его губы перемещались по моей коже, и он тихо прошептал:

— Все сегодня по душе.

Слава Богу, он держал меня в своих руках, потому что я превратилась в лужицу от его слов.

*Огромная. Бл*дь. Проблема.*

Глава 13

Калев

Исаак выслал фотку ее чека, в ответ на мою просьбу, я попросил его найти ее чек, когда он будет вытаскивать пакеты из машины. Всего лишь 167.44\$ за все барахло, которое она накупила? Невероятно. На самом деле, все в ней было невероятным. Ей было совершенно наплевать, в состоянии ли я что-либо купить *для нее*... она, точно была заинтересована во мне, как в человеке. Я сделал скриншот ее смс-ки, когда она спрашивала, что мне заказать в «Старбаксе». Такое случалось редко, чтобы кто-нибудь предлагал мне что-нибудь купить, женщины, с которыми я встречался раньше никогда не предлагали. Не то что я ожидал, что они предложат, но хотя бы один раз за полгода было бы приятно.

Брук была настолько другая, настолько бесхитростная, она все делала без задней мысли. Она долго раздумывала над своим решением — оставаться у меня в пентхаузе или нет, а потом выдвинула свои условия, приемлемые для нее. Понятно, что она хотела бы чувствовать себя комфортно и иметь все необходимые вещи. Итак, Target только что стал богаче на 167 долларов за ее счет, а она взамен приобрела некое спокойствие. Хороший обмен, как я погляжу. И то, что это чертовский торговый центр был открыт до полуночи в понедельник, было чертовски удачным бонусом. Я заметил объявление в магазине, что можно заказать все онлайн, а потом забрать товар. Я пошлю кого-нибудь привезти покупки, которые купил по телефону. Это место просто кишело безграничными предложениями и возможностями на любой вкус. Если честно, я был впечатлен отделом электроники. Первое, что мне бросилось в глаза — iNvidiosa, игра Лукаса на всех экранах, стоящих в первом ряду. Я был под впечатлением, а такое со мной случалось редко.

Я хотел возместить ее чек из своих собственных средств, в виде расходов на ремонт, но сегодня я не собирался ей об этом говорить. Она, естественно, без сомнения будет протестовать, поэтому это веская причина отложить этот вопрос на более позднее время.

Мне не хотелось в данную минуту слышать ее протесты.

Поскольку в данную минуту Брук сидела рядом со мной на заднем сидении автомобиля, мы потягивали кофе и смотрели на дождь в окне, который все лил и лил над городом, словно очищение при крещении.

Именно так я ощущал эту картину, как, впрочем, и чувствовал.

Она едет вместе со мной ко мне домой.

* * *

— Твой вид из окна просто ошеломляющий, Калев. Огни ночного города — это мой любимый вид. — Как только я привел Брук в эту комнату, она тут же направилась к стене из стекла и посмотрела на город, на открывающуюся Charles River, растянувшуюся широкой дугой внизу.

— Я согласен, это ошеломляюще. — Она говорила о виде из окна. Брук не догадывалась, что передо мной открывался тоже потрясающий вид — она на фоне городских огней, отражающихся от поверхности реки дождливой ночью. Ее длинные ноги, закованные в

высокие сексуальные сапоги, увенчанные короткой зеленой юбкой, ее волнистые светлые волосы, рассыпанные по спине черного бархатного жакета, этот контраст цвета по сравнению с ее кожей и волосами — все это было ошеломляющим, превосходным. Мне необходимо было дотронуться до ее волос, чтобы почувствовать их своими пальцами. Мне необходимо было дотронуться до нее самой.

В тот момент, когда она вошла в мой пентхауз, я понял, что она принадлежит этому месту. Это мысль была настолько сумасшедшей меня, даже возбуждающей. С ней все развивалось слишком быстро... на самом деле, слишком быстро, и я не мог замедлить к ней свои чувства. Я плыл по течению, задаваясь вопросом, куда меня это приведет. Я понимал, что слишком быстро стал испытывать какие-то чувства к Брук, но мои чувства не ослабевали. Мало того, я стал хотеть ее еще больше. Я сказал, что готов был ждать ее решения, когда она будет готова, но несмотря ни на что я точно знал, что не поверну назад.

Я просто знал это, вот и все.

Мой отец был полностью прав, сказав, что я пойму, когда появится моя девушка. Я смотрю на нее прямо сейчас. Я нашел ее.

— Калев, я знаю, как изменить эту комнату, чтобы еще больше показать открывающийся вид.

Просто останься здесь навсегда, вот и будет самый лучший вид.

— Отлично, что у тебя уже возникли хорошие идеи по дизайну. Видишь, разве с моей стороны это было не отличной идеей познакомиться тебе с домом?

Она оглянулась через плечо и улыбнулась.

— Да, — застенчиво ответила она. — Я даже не могу поверить, что мне придется работать с таким масштабом. — Она подняла обе руки вверх. — Интерьер — изумительная основа, Калев. Я не могу дождаться, чтобы увидеть все остальное, особенно сад на крыше.

Изумительная основа — изумительное все.

— Надеюсь, завтра не будет дождя, и мы сможем прогуляться наверх. — Я придвинулся к ней, пока она стояла у окна и вдохнул ее запах. От нее исходил цитрусовый аромат. Опьяняющий аромат, который влек меня своим теплом, как мотылька на пламя, в конце концов, способным спалить мне крылья.

Именно это со мной и произойдет? Жар моего желания испепелит меня?

— О, я надеюсь, — согласилась она. — Я хочу все осмотреть при дневном освещении.

Я тоже.

— Ты не устала? — спросил я.

— Знаешь, не очень. Должно быть, сказывается поздний кофе.

— Хочешь составить мне компанию и посмотреть фильм?

— Какой?

— Одна знакомая девушка мне его посоветовала. Она оказалась приверженицей определенных вещей, и этот фильм один из них. Я купил его сегодня по ее рекомендации. Что-то связанное с эмоциями, чтобы каждая из них заняла свое место.

— Калев?! Ты купил «Наизнанку»? — Она развернулась ко мне лицом, и я понял, что больше не мог сопротивляться. Я не мог сопротивляться больше не секунды, чтобы не узнать, каково ее целовать.

— Ммм-хмм. — Я взял ее лицо в свои руки и наклонился вперед. Медленно, слегка прикоснулся своими губами... но для меня этого оказалось недостаточно.

Я вообще был не уверен, что с ней мне когда-нибудь будет *всего достаточно*. На

мгновение ее губы оказались напротив моих, мне хотелось больше узнать о ней. Я толкнулся своим языком и остановился, наблюдая за ее реакцией, ожидая ее согласия. Если я не найду пути, заставить ее раскрыть свои губы, наверное, я умру прямо на месте. Я точно чувствовал именно это.

Ее губы были мягкие. Она все была мягкой, соглашаясь на мое вторжение. Я вкушал запах латте с тыквенным сиропом, застонав ей в рот. Пряный. Сладкий. И ее губы такие чертовски мягкие, когда она ответила мне. Я играл ее губами, посасывая и проходясь слегка зубами, потом опять и опять. Ей это нравилось, могу сказать точно. Красавица Брук целовала меня в ответ, ее язык, смешивался с моим, изучая в своем собственном темпе... и она позволяла мне делать то же самое. Ее пальцы запуталась у меня в волосах, притягивая мою голову поближе к себе. *Ох, это было так чертовски приятно ощущать ее руки у себя в волосах.*

Я держал ее в своих объятиях и наслаждался самым лучшим поцелуем в своей жизни. Поцелуй с Брук не шел ни в какое сравнение ни с чем, что было до...

Она вдруг резко отстранилась, это было совсем не приятно. Мне потребовалась секунда, чтобы побороть неприятное чувство потери ее губ и осознать, что мы были не одни, ко мне обращались. Я испытал настоящий шок на долю секунды — я был настолько в ней, настолько увлекся поцелуем, что даже не слышал, как вошел Исаак. Его заметила первой Брук.

— Сэр, в какую комнату положить покупки Мисс Кастерлей? — спросил он у меня за спиной.

— В комнату напротив по коридору от моей, — ответил я ему, не оборачиваясь. Я не мог отвести взгляда от ее мягких розовых губ, мне нравилось, что они слегка припухли от моего поцелуя. Потом я переключил свое внимание на ее глаза и увидел, как в ее огненно-золотых глубинах кипела страсть, пока она в упор смотрела на меня.

Мне чертовски понравился ее взгляд.

Я потянулся к ней снова, но она остановила меня, положив ладонь мне на грудь. Я почувствовал легкую дрожь, исходящую от ее руки.

— Думаю, нам стоит посмотреть «Наизнанку».

— Хорошо, — тут же ответил я, вспомнив свою клятву, что не буду на нее давить. Я должен сдерживаться, иначе у меня ничего не получится. Я четко понимал это, после ее откровенного разговора за ужином. Брук относилась к тем женщинам, которым необходимо было контролировать свое положение, так как она пережила ужасную потерю мужа и ребенка. Я понимал ее позицию.

— Я хотела бы переодеться в более комфортную одежду, чтобы смотреть фильм. — Она опустила взгляд к своим сапогам.

— Конечно. Тебе нужно переодеться, чтобы было удобно. Я покажу тебе комнату, потом приходи сюда. Я тоже переоденусь. Мы же хотим наслаждаться просмотром фильма.

Она кивнула и мне показалось, что она с трудом сдерживалась, пытаясь не улыбнуться в ответ. Я понял, потому что ее золотые глаза по-прежнему улыбались мне.

У двери в спальню, она повернулась, выглядя при этом смущенной, как бы раздумывая, говорить или нет.

— Мы будем просто смотреть фильм, Калек, — наконец, произнесла она.

Аааа... правила на ночь были тоже установлены. Я мог бы существовать с ее правилами до тех пор, пока она позволит продвигаться мне маленькими шажками вперед. Я могу быть

очень терпеливым.

Но я не мог не провести пальцем по ее пылающим щекам.

— Мы будем просто смотреть фильм, Брук.

Она улыбнулась, и я еще больше влюбился в нее.

* * *

Этот вечер обещал быть одним из самых интересных, по крайней мере, для меня. Раньше я никогда не делал ничего подобного. Мои планы с женщинами, как только мы переступали порог дома, заканчивались траханьем. И все. Когда секс заканчивался, я уходил. Я никогда не оставался на ночь. Дженис «спала» здесь в общей сложности две ночи за шесть месяцев, и она была единственной, кто получил от меня приглашение посетить этот мой дом.

Я никогда не носил спортивные штаны и футболку, не устраивался удобно на диване, чтобы посмотреть мультик. Если быть уж совсем честным, после «Истории игрушек», когда мне было одиннадцать, я вообще не смотрел ни одного мультика.

Брук по-прежнему выглядела великолепной, с волосами, заплетенными в длинную косу, и толстыми серыми носками на ногах. Розовые фланелевые штаны, которые она купила в Target, скрыли очертания ее убийственных ног, но мне нравилось осознавать, что она чувствует себя комфортно после долгого, холодного, дождливого дня.

Но я бы с радостью потанцевал своими пальцами по ее телу всю ночь.

Время близилось уже к полуночи, когда поползли титры, наступил момент окончания вечеринки. Пора в постель. Она смотрела на меня сонными глазами, меня тоже клонило ко сну. Я не был разочарован. *Так ведут себя нормальные пары? Парень с девушкой?* Вечер, проведенный с ней, был лучшим вечером, который когда-либо у меня был, и я с радостью готов был принять от нее любые вечера, похожие на этот, если она согласится. Я поймал себя на мысли, что увижусь с ней утром, и, если честно, не мог дождаться, когда мы сядем вместе завтракать перед работой.

Я помог ей подняться с дивана и довел до ее спальни, оставив лишь один сонный поцелуй на ночь.

— Спасибо, Калев, что пригласил меня сюда, — сказала она, подавляя зевок, — и за терпение... со мной. — Она провела рукой по моей щеке и пару секунд изучала своими красивыми янтарными глазами. — Мне нравится, что ты во всем джентльмен.

Да, раньше я за собой такого не замечал... по крайней мере, с другими женщинами, с которыми хотел заняться сексом. И вдруг я понял, что с Брук у меня гораздо больше, чем секс. Это, как зажигание в автомобиле, которое двигало мое стремление быть вместе с ней.

— Спасибо, Брук, что приняла мое приглашение остаться здесь на ночь, — прошептал я напротив ее губ, мне нравилось подражать ее словам. — И дала мне шанс быть достойным тебя, когда ты будешь к этому готова, — добавил я, украв еще один поцелуй.

Наш разговор, прежде чем мы сказали друг другу «спокойной ночи» был чертовски абсурдным, когда я перестал думать о... трахнуть или не трахнуть. Контраст между странностью и нормальностью заключался в нашей дискуссии, которая сотворила полный беспорядок у меня в голове.

Нет. Не правда. Моя голова облажалась с той минуты, когда она впервые заговорила со мной.

* * *

Позже меня разбудил ее плач. Еще до конца не проснувшись, я какое-то время прислушивался, словно вуайерист, представляя ее, рыдающей из-за страшного горя.

Крик боли был настолько сильным, что он резанул меня по сердцу. Затем послышались тихие всхлипывания, которые проникали мне под кожу, больше я не мог вынести ни минуты.

Я выскочил из постели и натянул спортивные штаны. Вошел в ее комнату и сгреб ее в охапку. Она даже не стала сопротивляться, когда я понес ее через коридор к себе, положив на кровать. Я лег рядом и притянул ее к себе.

Она продолжала плакать, позволяя прижаться к ней, и запустив пальцы в ее волосы.

И это было настолько естественно, я молча ждал, когда она заговорит, если, конечно, захочет.

— Я мечтала об аварии. Я никогда раньше... что я могу помнить, — сказала она в конце концов.

— Расскажи мне о своем муже.

— Это не хорошая история. Не думаю, что ты захочешь ее услышать, потому что потом ты изменишь свое мнение обо мне.

— Я хочу, чтобы ты успокоилась. Хочу помочь тебе почувствовать себя лучше. Расскажи мне, Брук, это может помочь. — Я вдохнул цветочный аромат от ее волос и сосредоточился на ней, лежащей напротив меня.

— Может, это поможет мне почувствовать себя лучше, но не тебе, — сказала она.

— Откуда ты знаешь?

— Знаю, Калев. Ты сказал за ужином — вокруг меня аура печали, верно. Она постоянно со мной. Я поняла, что могу честно и открыто говорить о причинах аварии, это срабатывает для меня. Я не держу их в секрете. Люди знают, что со мной произошло, уверена, что они стыдятся моей боли. Для них это совершенно нормально. Но это не помогает мне справиться со своей печалью. Это я сейчас такая, я научилась этим пользоваться, так как поняла, как только рассказываю о своей потере, большинству людей становится неудобно. Я не хочу делиться этим с тобой.

— Это никак не изменит мое отношение к тебе, Брук. Почему ты не хочешь мне рассказать?

— Потому что ты мне очень нравишься.

— Ты нравишься мне еще больше, и я готов выслушать тебя, если ты захочешь. — Я поцеловал ее в лоб и еще крепче прижал к себе, будучи ей благодарен, что она позволила мне себя поцеловать и удерживать в своих руках.

И она начала рассказывать свою историю...

— Последние слова, которые я помню: «Маркус, ты пьян, пусти меня за руль». И после моего заявления, он схватил меня за горло своими тисками. «Нет», только и ответил он мне. «Нет» было последнее слово Маркуса, которое он мне сказал. Этого было достаточно. Его невысказанный жесткий ответ отражался в его бледно-голубых глазах, которые всегда

смотрели мрачно на меня. Его взгляд обещал, что я поплачусь за свои слова позднее, когда нас не будут видеть его семья или другие сердобольные люди, находящиеся в курсе его порочных чертовых наклонностей, но бессильные как-то мне помочь.

Холодок пробежал у меня по позвоночнику, когда я понял, какое будет продолжение ее истории.

— Его наказания носили больше эмоциональный характер, нежели физический, в этом и был весь Маркус. Он никогда не бил меня открыто, ему нравилось меня запугивать, заставляя бояться того, что он может что-то сделать. Как только я села в машину, потянулась к ремню безопасности, но он схватил меня за руку, не разрешая его использовать. Он специально так поступил, чтобы всю дорогу я боялась, он знал, что я не в восторге от того, как он водит машину, поскольку подвергал моего не рожденного ребенка опасности. Это было моим первым наказанием тем вечером. Но оказалось, что его запрет стал для меня спасением. Последнее, что-то хорошее, что он сделал для меня. То, что я не пристегнулась стало моим билетом на свободу.

О. нет...

— Не могу сказать, что послужило причиной аварии, как только он двинулся с места, я закрыла глаза. Я так и не поняла, что заставило его съехать с дороги, и просто оглохла от грохочущей музыки в салоне машины. Я закрыла глаза и очень сильно хотела, чтобы побыстрее все закончилось, пытаюсь унять свой страх.

Я еще сильнее прижал ее к себе.

— Это все, что я помню, прежде чем очнулась в госпитале спустя три недели. Мои раны почти полностью зажили, и я вышла из комы, мне сообщили, что меня выбросило от удара из машины, у меня было рваная рана на правой ноге от коленного сустава до щиколотки, и справа на голове по линии роста волос. Маркус был пристегнут, поэтому он не смог выбраться из машины, когда раздался взрыв.

Похоже, что мерзкий ублюдок получил по заслугам.

— Доктор сообщил, что мой муж погиб в аварии, я зарыдала, этого и следовало ожидать. Но когда врач, держа меня за руку, пытаюсь утешить от такого сильного потрясения, сказал, что меня выбросило из машины от удара, который привел к преждевременным родам, и они не в состоянии были остановить... они не смогли остановить преждевременное рождение моей дочурки, которой было всего лишь двадцать три недели. И она не могла выжить без моей утробы, чтобы превратиться в нормальный плод. Ее маленькая жизнь оборвалась, даже еще и не начавшись. Я зарыдала еще сильнее от ее потери, но внутри я почувствовала такое облегчение, просто невероятное облегчение. Я была рада, что она избежала этого адского кошмара — рождения в этой ужасной семье преступников. Я не смогла бы ее защитить от них, и это бы убивало меня все время, медленно бы, но убивало. Единственной причиной, по которой меня отпустила его семья, дав мне свободу, что я потеряла ребенка от Маркуса. Если бы я ее не потеряла, я была бы связана с ними навеки, принадлежа семье преступников, для которых родная кровь значила все. Я задолжала моей маленькой девочке благодарность за ее подарок, даже больше, чем ее отец. Она дала мне шанс начать все сначала.

Она прошла через столько. Через слишком многое.

— Я осталась в Калифорнии еще на шесть месяцев, восстанавливаться. Физически я была в полном порядке, но мне требовалось еще некоторое время, прежде чем вернуться домой. Я не хотела видеть лица с выражением скорби и искренними соболезнованиями по

поводу утраты, поскольку это был мой единственный шанс избежать ада, в котором я находилась целый год. Я не могла никому сказать, что ненавидела своего мужа-социопата, который оплодотворил меня против моей воли, мне было всего лишь двадцать два года. — Она зарылась лицом в изгиб моей шеи и глубоко вздохнула, словно вдыхая мой запах, мог ее успокоить. — Это... все, что я могу рассказать тебе, — сказала она. — Я не хочу жить тем прошлым, я хочу двигаться вперед, Калев.

Поскольку я слушал ее рассказ, затаив дыхание, теперь глубоко вздохнул, как я не задохнулся, не знаю.

«Ох*еть!» — это единственная реакция, которая у меня возникла на ее историю.

— Мне очень жаль, Брук. Не знаю, что и сказать. — Я, действительно, не знал. Господи, какой ужасный опыт она получила за свою настолько короткую молодую жизнь. Я едва мог переварить услышанное, и с трудом представлял, как ей удалось держаться каждый день. Брук, несомненно, была раздавлена в свои пятнадцать от того дерьма, которое преподала ей жизнь — потеря родителей, а потом это... это... тяжелое испытание, которое она пережила, у меня даже не было слов, черт побери.

— Не стоит ничего говорить, Калев, я чувствую твое участие, этого вполне достаточно, — тихо произнесла она.

— И ты вернулась в Бостон, потому что твоей бабушке предстояла операция? — я немного засомневался, что привело ее обратно.

— Да. На самом деле, мне кажется Нэн ужасно беспокоилась и переживала за меня, может из-за этого она и упала. Я ей даже не говорила, что была какое-то время в коме. Нэн ничего не было до конца известно обо всем, пока я не приехала. Когда произошел несчастный случай, я поняла, что необходима ей, значит настало время мне вернуться домой на остров. Эта идея мне очень помогла. Скорее всего, вернувшись сюда пять месяцев назад, было самым лучшим, что я сделала за последнее время. Здесь мое исцеление шло быстрее, я постепенно становилась той, прежней. На самом деле, я не печальная, Калев, просто у меня случились очень грустные, печальные события. Я люблю свою работу, я люблю свой коттедж на острове, и я люблю своих... друзей.

— Брук?

— Да?

— Я так чертовски рад, что ты вернулась домой.

— Я тоже, Калев.

Мы молча лежали в постели еще некоторое время. Лежали тихо, прислушиваясь к нашему дыханию. Спокойному.

— Калев, я хочу тебя кое-что спросить, — прошептала она.

— Спроси.

— Мое прошлое... теперь, когда ты знаешь его, ты все еще хочешь быть со мной?

Я еще ближе прижал ее к себе и поцеловал в макушку.

— Да, Брук, я хочу даже еще сильнее, чем ты можешь себе представить. — *Я хочу быть тем единственным, который заставит тебя забыть этого мудака. Я хочу быть тем, кто будет любить тебя, как ты того заслуживаешь. Я хочу, чтобы со мной ты чувствовала себя защищенной, обожаемой и ценимой.* — Твое душераздирающее прошлое совершенно не меняет мое отношение к тебе, мои мысли и чувства. Я просто восхищаюсь тобой. Ты такая храбрая. Очень, очень мужественная, Брук Кастерлей.

— Ты замечательный человек с добрым сердцем, Калев Блэкстоун, и не позволяй

никому чувствовать себя как-то иначе. — Она глубоко вздохнула и отстранилась от меня с небольшим, сексуальным стоном.

Бл*дь! Неужели она собиралась покинуть мою спальню и вернуться в свою кровать. Я не хотел, чтобы она уходила, мне хотелось спать всю ночь, сжимая ее в своих объятиях. Черт, мне просто необходимо, чтобы она была рядом со мной, после тех ужасов, которые только что мне рассказала.

Но ее вопрос удивил меня.

— Ты не будешь возражать, если я воспользуюсь твоим душем? Мне необходимо прочистить голову, думаю горячая вода поможет.

— Пожалуйста, не в чем себе не отказывай, если ты почувствуешь себя от этого лучше, — сказал я, мысленно кастрируя себя за все поганые грязные мыслишки, которые тут же возникли у меня в голове, представляя ее мокрой и голой в своем душе. Мой член стал страдать от этих видений, но переживет.

— Спасибо, — негромко сказала она, покидая кровать и мягкой поступью направляясь в сторону ванной комнаты.

Сначала загорелся свет, через несколько секунд побежала вода. Мне потребовалась секунда, чтобы до меня, наконец, дошло, что она оставила дверь широко открытой. Я видел все, как она стояла перед зеркалом в ванной комнате, просто смотря на мое отражение в зеркале.

Святой. Бл*дь. Ад. Она *хотела*, чтобы я видел ее. *Я. Ее*. Никто и никогда так изысканно не предлагал мне себя. Она просто *хотела меня*, она не хотела меня использовать. И она надеялась, что я тоже ее хочу. Господи, пока я буду жив, я никогда не забуду этого момента. Все было для меня. *Только для меня*.

Я понял, почему она так сделала.

Таким образом Брук давала мне понять, что она хочет меня так же, как я хотел ее. Бл*дь. *Меня*.

Если мне суждено будет прожить долгую жизнь, я всегда буду помнить, насколько ох*ительно красивой она была в дверном проеме в приглушенном мягком белом свете, снимая свою пижаму... я видел ее грациозные движения... как ее одежда падала на пол, открывая самый совершенный вид в мире. *Она. Обнаженная. Моя*.

Глава 14

Брук

Калев мог помочь мне забыть. Всего лишь только на одну ночь, для меня все равно это был бы подарок, я буду помнить этот подарок всегда, потому что он оказался первым, кто сделал это возможным после Маркуса. У меня бы никогда так и не было бы больше секса, если бы я не встретила Калеба.

Поэтому, когда я приняла решение остаться с ним, я надеялась на исцеление той последней моей части, которая все еще была надломлена.

Калев был по-своему уникален, я поняла это сразу. В нем присутствовала магическая комбинация, которая была мне необходима, чтобы я совершила этот шаг. Он желал меня, и я четко это чувствовала, а у меня к нему тоже было влечение, но, главное он был терпелив и нежен со мной, и способствовало, чтобы я смогла довериться ему. Я никогда не чувствовала себя такой убаюканной, стоило ему поднять меня на руки и отнести в свою спальню.

Я поняла, что смогу довериться Калебу, смогу доверить ему свое тело. Он заставит меня забыть ужасный кошмар с Маркусом. Он хотел доставить мне удовольствие. Он может заставить меня почувствовать что-то новое, и он заставит, не пытаясь обмануть, контролировать или причинить мне боль. Мне не хотелось загадывать на будущее, только эта ночь — моя первая ночь с мужчиной, который заставил меня почувствовать себя желанной женщиной, а не шлюхой для траха.

И я хотела его.

Как только он принес меня в свою огромную кровать, с нежностью касаясь и поглаживая мои волосы, раньше так никто со мной не обращался, я поняла, что хочу.

Я специально стояла, выжидая, оставив дверь открытой в ванную комнату, чтобы точно видеть, как он наблюдал за мной, а потом начала раздеваться.

Первыми я сняла носки. Я отбросила их на мраморный пол, сначала один, потом другой.

Я взялась за низ фланелевой черной рубашки и потянула ее вверх, снимая через голову. Ткань подтянула грудь вверх, и упруго подскочив грудь опустилась на место. Я представила себе Калеба, как он наблюдал за моей грудью и по мне прошла дрожь. Я почувствовала, как затвердели мои соски, немного ноев, от одной только мысли, что он смотрит на меня, лежа на кровати из темноты.

У меня дрожали пальцы, когда я подцепила резинку фланелевых пижамных штанов и стала спускать их вниз. Я отпихнула их ногой в сторону и глубоко вдохнула. Я физически ощущала его взгляд на своем теле, но темнота окружала его, а меня слепил свет, когда я решила подойти к финальному акту своего стрип-шоу.

Мои новые маленькие синие шортики были последними, что я сняла. Я отвернулась от его отражения в зеркале и вошла в душ, который окутал меня облаком горячего пара.

Я попыталась успокоить безумного колотящееся сердце, осторожно шагнув в выложенный белой итальянской плиткой грот. Горячая вода потоком сверху полилась на меня из трех огромных леек душа, великолепие для тела и духа. Поскольку не было никакой двери в душе, я не слышала, как он вошел, чтобы присоединиться ко мне.

Я только почувствовала его присутствие в изменении направления водяных струй.

Его рука мягко легла мне на плечо, его губы нежно проšliсь по другому плечу,

остановившись у основания шеи. Я отодвинулась от него, стараясь не прижиматься к его телу, пока он целовал меня в шею и дотрагивался до груди. Он оценил ее вес у себя в ладонях, потом сжал. Мои соски стали еще больше, стоило ему потянуть за них двумя пальцами. Я почувствовала, как у меня стерлись все границы, стоило ему только дотронуться до меня. Кaleb знал, как заставить меня забыть обо всем, кроме него, и ощутить совершенно новые эмоции.

Его руки и губы бродили повсюду, его прикосновения были нежными, но уверенными, его поцелуи почтительными, но требовательными. Совершенство... он пробуждал во мне чувства, о которых я даже не подозревала.

В его сильных объятиях я развернулась к нему лицом, он отодвинулся от меня на расстояние.

— Я хочу увидеть тебя... каждый прекрасный дюйм, — сказал он, и в его словах сквозило сильное желание. Он прижимал меня к стене, пока я полностью не прислонилась к ней спиной, между нами сверху струилась горячая вода, создавая имитацию дождя. Единственный звук, который слышался в ванной комнате — падающей воды на пол.

Его глаза вспыхнули, пока он рассматривал мое тело, у меня возникло такое ощущение, будто его поразило увиденное. Но меня больше всего интересовал его собственный обнаженный вид. Кaleb представлял собой великолепный образец мужской красоты во всех отношениях. Перекачивающиеся мышцы на бицепсах, широкие плечи, сильная грудь, а внизу отчетливо видны кубики пресса во всей своей мужской красоте, у меня перехватило дыхание. Невероятно красивый мужчина.

Невероятно красивый мужчина, с сексуальной полоской волос от пупка до лобка, с очень внушительным членом, который испытывал очень сильное желание. Хотел меня и был готов к этому.

Выдохнув, он тихо прошелестел мое имя, встав передо мной на колени и взяв мою ногу за щиколотку. Он медленно пробежался губами по всему пути моих шрамов, поклоняясь, его поцелуи были словно исцеление, продвигаясь вверх по крупичам. Я вздрогнула, как только его язык внутри моего бедра прочертил рисунок, а он мастерски перекинул мою правую ногу себе на плечо. А потом я расслабилась, потому что от его действий невозможно было не растечься, все мысли выветрились из моей головы.

Первый раз, как только он прошелся своим языком по моей киски, вызвал у меня дикий первобытный крик. Я ухватилась за душ у стены, чтобы не свалиться на пол. Кaleb лизал и сосал, доводя меня до оргазма, своим волшебным языком, кружа над моим клитором, а затем стал лизать еще глубже между моими складочками, доставив потрясающий эффект мягких губ в сочетании с колючей щетиной бороды. Контраст его мягких губ и колючей щетины в одно мгновение отправили меня на пик.

— Кaleb... Я...я близко... уже..., — я потеряла способность говорить и мыслить. Меня ничего больше не волновало... только ощущения, которые он мне дарил.

— Ммм-хм, ты прекрасна, — услышала я, как он пробормотал мне в киску, когда меня в буквальном смысле разорвало на миллион маленьких кусочков, затопляя удовольствием, от чего я даже не могла вздохнуть.

Где-то в уголке своего сознания, я поняла, что он вытащил меня из душа и посадил на твердую поверхность. Столешница?

— Ты чертовски великолепна, когда кончаешь.

Я застонала от воспоминаний нечто настолько превосходного, что никогда не забуду.

— Это было просто потрясающе, — ответила я.

— Я... я нуждаюсь в тебе, Брук. — Он взял мое лицо в свои ладони, как будто спрашивая моего разрешения, его темно-голубые глаза пронзали меня насквозь.

Я чуть не заплакала от этого жеста.

— Да.

Он достал теплое полотенце из сушилки и вытер меня, перемежая свои действиями отчаянными поцелуями, которые крали мое дыхание.

— Ты выглядишь прекрасно... чертовски сексуально обнаженной. Я почти кончил, наблюдая за тобой, — сказал он, пока кружил полотенцем по моей груди. — Я хочу, чтобы ты кончала для меня... всю ночь напролет. — Затем он отшвырнул полотенце в сторону. Его слова значили для меня все. В данную минуту я могла поверить, что ничего плохого не могло со мной случиться, потому что сейчас со мной был Калеб.

Я потянулась к нему и проскребла ногтями по бугристой его груди, двигаясь на юг, пока не опустилась на жесткую длину его эрекции. Он прикусил губу и запрокинул голову назад, пока я гладила его член вверх и вниз, ощущая атласную кожи вокруг его твердой, как кость, плоти. Я хотела... нет, мне *необходимо было почувствовать* Калеба внутри.

Он пошарил в шкафу слева и достал горсть презервативов, остальные вывалились из шкафчика, мягко приземлившись на полотенце. Сумасшедшие мысли кружились у меня в голове, когда я вспомнила его слова, что он всегда готов, как бойскаут, по-видимому готов даже заняться сексом на столешнице в ванной. Но мысли у меня так же быстро улетучились, когда я увидела, что он разорвал один презерватив и раскатал. Его член был красивым, и я хотела его, хотела его в себе. И сейчас было идеальное время для этого.

Калеб глубоко поцеловал меня своим декадентским языком, почти с безумной мольбой, подхватил под колени и раздвинул мои ноги. Он взял член в руку и направил... и похоронил его внутри меня глубоко.

— Чееерт!

— Ааааа!

Мы оба вместе закричали.

Мы оба смотрели, как наши тела соединяются самым примитивным образом, когда он двигался всем телом, входя в меня. Мне пришлось прикрыть глаза через мгновение, поскольку видеть, как мы трахаемся, на самом деле, было слишком интимным действием, чтобы принять его за раз. Я хотела насладиться ощущениями и удовольствием данной минуты. Только чувствовать.

Калеб, должно быть, понял мое состояние, потому что он снова нашел мои губы и поцеловал, разгоняя любые сомнения, пытающиеся пролезть мне в голову. Он подхватил меня за ягодицы и понес, все еще насаженную на его член, к себе в кровать.

— Это то место, где я хочу трахнуть тебя в первый раз. В своей постели, красавица, где ты и должна быть, — сказал он мне, укладывая меня на ультрамягкие простыни, которые до сих пор имели его запах.

Где я и должна быть?

Я должна быть в постели Калеба? Мысль была настолько сумасшедшей, но я не смогла отрицать, что была рада услышать от него эти слова. Его беспокойство и забота обо мне была чем-то бесценным для меня, и по иронии судьбы я оказалась перед опасностью влюбиться. Опасностью... Я не могла рисковать. Я знала, что я не могу себе позволить влюбиться в Калеба Блэкстоуна. Секс. Удовольствие от траханья. Мы могли позволить друг

другу удовольствия во время секса. Для нас обоих это будет вполне достаточным.

— Но я должен видеть тебя. — Он отодвинулся в сторону и зажег приглушенный свет.

— Да я тоже, — ответила я, опираясь руками в его идеальный торс и любуясь его богоподобным телом.

Я исполнила свое желание.

Я должна увидеть его при свете, как мы будем двигаться к прекрасному, душераздирающему, изысканному оргазму... вместе.

Калев поднял мои руки над головой, удерживая запястья одной рукой, другой сжал мне бедро. Насаженная на его член, я явно ощущала дерзкий вкус господства Калеба, когда он подталкивал меня уже совсем близко ко второму оргазму.

Затем он по-настоящему начал трахать, жестко и глубоко погружаясь, заполняя меня до отчаяния своей большой мужской плотью, с каждым движением подталкивая меня к удовольствию. Я заныла, как только он захотел вытащить свой член, и обрадовалась, когда он вошел снова.

Я ощущала впервые в своей жизни, всю магию великодушия от сексуальной близости.

И видела его, возвышающегося надо мной, как красиво напрягались его мышцы, как его загорелая кожа поблескивала от воды и пота. Я сдалась ему, но Калев брал меня так... именно как я и хотела. Он заставлял меня забыть... я надеялась, что он заставит меня забыть.

Я ощущала, как глубоко внутри меня разбух и затвердел еще больше его член, он был готов кончить. Он заскользил пальцами по моему чувствительному клитору. Он хотел, чтобы я кончила. Господи, благослови его.

— Кончи для меня. Кончи со мной, Брук. Я... хочу... кончить... с тобой, — хрипло прорычал он, как дикарь, еле сдерживаясь.

— Я коооончаюуюю, — как только я сказала, в меня ударил импульс. Я грохнулась с края в великую реку наслаждения, и с последним толчком Калеба настигло собственное освобождение, даря мне все до последней капли идеальное райское великодушие.

Благословен Калев Блэкстоун, который дал мне то, что никогда раньше не давал мне ни один мужчина. Я готова была поклониться ему в пояс.

«Я могла бы запросто влюбиться в него», — подумала я, погружаясь в нирвану вместе с ним, по-прежнему находящимся внутри меня.

Глава 15

Калёб

Мой мир меньше, чем за один день, вырос прямо пропорционально. Мой мир назывался Брук Кастерлей, и она была самым красивым существом, которое я видел, когда мы окунались в взрывное слияние наших тел. У меня сердце колотилось от оргазма, а я изо всех сил пытался понять, что только что произошло, поскольку это было гораздо больше, чем обычным слиянием тел. Больше походило на слияние моей души с ее. Я мог бы сам себя оспорить, сказав, что невозможно чувствовать себя по-другому после, на самом деле, хорошего секса, но я был бы неправ. Поскольку все было по-другому. Все было не знакомо, когда дело касалось Брук. Все было новым, все, что мы делили вместе, мне казалось, что я никогда такого не делал раньше, и еще более важно, словно я и не хотел делать этого с кем-то *кроме нее*... причем никогда.

Может это и означало... *что я, действительно, в нее влюбился?*

Я аккуратно вышел из нее, стараясь, чтобы не произошла «авария» с презервативом, за что был вознагражден ее приглушенным протестом. Еще одно новое для меня, я хотел ее успокоить, что скоро вернусь, я никогда не имел такого желания сделать что-то подобное... до сих пор.

— Сейчас вернусь, красавица. Тебе что-нибудь принести? — Я не мог ничего поделаться, но оторваться от нее было выше моих сил, поэтому очертил пальцем контур ее губ.

Она нежно захватила губами подушечку моего пальца и слегка пососала.

— Нет, просто возвращайся и сдержи свое обещание, — сказала она, застенчиво поглядывая на меня, до сих пор выглядя разморенной и удовлетворенной от оргазма. И такая красивая, обнаженная.

Черт, я точно знал, что выполню любое свое обещание. Мой первобытный мозг все-таки вспомнил обещание, которое я ей дал, как только мы покинули душ — заниматься сексом всю ночь напролет.

Да, я бы без-бл*дь-сомнения занялся сексом с этой девушкой прямо сию минуту.

— Я сейчас. Вернусь.

Только дебил будет тратить много времени в ванной, чтобы снять презерватив с члена, если когда его красивая голая женщина ожидает в его же постели. Я не стал тратить время. Но я подобрал ее одежду с пола и сложил, чтобы она заметила ее, когда позже сюда придет. Я собрал все рассыпавшиеся презервативы в коробку, положив их обратно. Затем я достал несколько и бросил взгляд на себя в зеркало. *Да, у тебя самодовольная улыбка.*

Самодовольная улыбка, потому что Брук хотела, чтобы я сдержал свое обещание, и как бойскаут, я намеревался выполнить свою клятву, словно это самая первая клятва в списке скаутов, заслуживающих его доверия. *Да, да, вот почему я заслуживаю доверия.*

Я включил стационарное освещение в комнате, прежде чем вернулся к ней в постель, потому что не мог лишиться себя искушения, хоть чуть-чуть видеть ее. Я открыл жалюзи на стене из окон, чтобы городские огни освещали спальню. Я никогда не делал этого раньше, потому что свет от огней мне мешал спать, но сейчас сон не стоял на моей повестке дня. Мне необходим был свет, чтобы я мог видеть Брук, как я заставлю ее кончать для меня... всю ночь напролет.

У нее, действительно, самая красивая грудь в мире. Самые потрясающие сиськи, которые я встречал, укладывающиеся в моих ладонях. Форма их напоминала персик, идеально круглые, с маленькими задранными кверху сосками. Вы хотите сказать, что модели Виктории Сикрет само совершенство, нет, всю естественную красоту Господь предоставил именно ей.

Шоу, которое открывалось перед моими глазами в данную минуту, способно было меня ослепить, но мне было все равно. Если последнее, что я увижу на этой земле, будут ее великолепные сиськи у меня перед глазами, пока она скакала на моем члене, то я буду самым счастливым, черт возьми, слепым на планете, с прекрасным изображением ее в мозгу, которое будет меня успокаивать.

Я взял ее мягкие груди в руки и ущипнул за соски просто, чтобы услышать сексуальный вздох удовольствия, я знал, что ей нравится. В ответ она сжала внутренние мышцы вокруг моего члена, и я понял, что бл*дь уже нахожусь на краю. Но она была еще не готова.

Я запустил между нашими телами пальцы, и стал тереть ее скользкий бугорок, пока не почувствовал, как опять она сжалась вокруг моего члена.

— Произнеси мое имя, когда будешь кончать, детка, я хочу услышать его.

Ее глаза выглядели, как жидкое золото в затемненной комнате (так красиво) буйно, дико, освобождаясь, как только она дошла до кульминации.

— Кааааа-лэб. — Почти шепотом прокричала она, если можно кричать шепотом. Не громко (это было в мягкой форме), но я совершенно четко расслышал ее слова. Она назвала мое имя... в момент полной близости и полного доверия, когда мы вместе достигли пика. Я выпустил все, что было во мне в нее, наши глаза встретились, пока мы парили на волнах. Нет слов, чтобы это описать.

Она рухнула на меня, и я почувствовал, как бешено колотилось ее сердце. Мое тоже неистово стучало. Наши сердца стучали друг напротив друга, пока мы не успокоились, и я смог трезво мыслить. Мыслей почти не было, мой мозг был истощен. На самом деле, мне вообще не хотелось думать. Но как говорится в старой поговорке: «*Не поминай розового слона*», и ваш мозг тут же подает эту проблему вам на дымящейся тарелке с голубой каемочкой. Для меня «розовый слон» был вопрос — что она значила для меня, и что я хотел от нее. Не уверен, что я осознавал ответы на эти вопросы, похоже его знало только мое подсознание.

Я перекатил нас на бок и решил решить проблему с презервативом. Бл*дь, это было больно, и я вдруг почувствовал сильное нежелание использовать презервативы с Брук. Еще одно новшество для меня. Я подумал, что продолжаю подсчитывать все новшества для себя, видно это теперь моя новая философия жизни, которая меня немного беспокоила. Я решил, что мы можем поговорить об этом позже. Сейчас я хотел, чтобы она лежала напротив меня, а я держал ее в своих руках.

Она уже заснула, ее голова покоилась на моей подушке, и мое сердце находилось в ее руках. Я поцеловал ее в лоб и подумал насколько правильно это ощущалось. Мне явно этого не хватало. Не понимая, что возможно, чтобы кто-то украл твое сердце, даже не подозревая об этом. Не понимая, что я *нуждался в ней*. И я прошептал слова, которые никогда не

говорил ни одной женщине.

— Я люблю тебя.

* * *

Дневной свет разбудил меня, потоком струясь через окна, я потянулся на ее сторону, но она была пуста. Я надеялся, что она еще в доме, хотя у меня чуть не началась паническая атака от одной только мысли, что она ушла. Я глубоко вздохнул. Потом почувствовал вкусный запах. Бекон? Запах жарящегося бекона доносится из кухни? Невозможно... но, а вдруг, почему бы и нет? Я быстро заскочил в ванную, чтобы отлить и почистить зубы. И выпил стакан воды, потому что испытывал жажду. Я натянул спортивные штаны, которые надевал еще вчера, и не теряя ни одной секунды, выскочил, направившись искать свою Брук с аппетитными запахами.

Она готовила завтрак.

На моей кухне.

Для нас.

Я молча смотрел на нее, надеясь, что она не повернется и даст мне минуту или две, чтобы я смог насладиться видом женщины, которую любил и которая готовила для меня этим утром завтрак, после самой лучшей ночи в моей жизни.

Вернулись фланелевая пижама и теплые носки. Она опять заплела волосы. Брук была занята, она следила за омлетом, переворачивала бекона и готовила хлеб для тостов. Я готов был наблюдать за ней час и даже больше.

Ее пижама очерчивала прекрасные изгибы ее задницы, когда она двигалась из стороны в сторону между плитой и столешницей. Я вспомнил, какова на ощупь была ее сладкая попка в моих руках, когда мы трахались в ванной комнате прошлой ночью. Я, на самом деле, не хотел, чтобы наш секс начался в ванной, поэтому и перенес ее на кровать, с такой скоростью, насколько позволяли мои силы. Я чуть не потерял тогда контроль. Просто отчаянно желая трахнуть ее до умопомрачения, главное, о чем я мог думать.

Она не жаловалась и казалось не выражала недовольства. Она была на сто процентов согласна со мной во всем.

Также прошлой ночью она вывалила на меня кучу информации о своем прошлом, от чего моя голова еще не пришла в себя.

Мне необходимо привлечь Джеймса, чтобы он более подробно все узнал о ее муже. Она упомянула о его преступной семье, и мне нужно узнать все. Маркус, неменяемый социопат, который причинил ей столько боли, и я рад, надеясь, что он жарится сейчас в аду. Хорошо, что он мертв, и мне не придется его убивать и проводить остаток своей жизни в тюрьме.

Я решил переключиться на лучшие мысли — четыре.

Четыре раза прошлой ночью я заставил ее кончить вместе со мной. Мой личный рекорд за восьмичасовой промежуток времени. Я был чертовски горд собой. Наверное, я нахожусь на грани серьезного обезвоживания. Мне стоит пить больше воды.

— Доброе утро, Калев. — *Ах, этот охренительный великолепный голос.* Он словно пел песню каждый раз, когда она говорила.

— Доброе утро, красавица. — Я подошел к ней сзади и осторожно обернул руку вокруг

ее плеча, а другую вокруг ее талии.

— Как ты узнала, что я здесь?

— Я почувствовала твое присутствие. Ты достаточно мощный, знаешь ли?

— Мда... это хорошо? — спросил я, опуская губы на ее ухо.

— Конечно, если это касается тебя, — сказала она и потянулась к моему лицу. — Я надеюсь ты не против, что я готовлю на твоей кухне. Я подумала, что это неплохая идея познакомиться с кухней поближе, чтобы я смогла разработать новую.

Я поморщился, мне не понравилось, что она вспомнила работу. Я не хотел, чтобы она была здесь из-за того, что я ее нанял переоборудовать дом; я хотел, чтобы она готовила, потому что она хотела приготовить нам завтрак, после жаркой ночи со своим мужчиной. Я поменял ее роль, даже не сообщив ей об этом. Сейчас я хотел быть ее мужчиной, а не ее боссом. И впервые меня осенило, что может быть я сделал ошибку, что нанял ее на этот проект.

— Это больше, чем отлично, Брук. Ты можешь готовить завтрак в любое время, как только захочешь. Мне чертовски нравится, — сказал я, глубоко вздохнув запах от ее волос. — Я могу чем-то помочь?

— Ты можешь поставить эти тарелки на стол, а я налью кофе, — мягко произнесла она.

— При одном условии, — сказал я.

— Каком?

— Сначала я дам тебе надлежащий утренний поцелуй, таким образом, сказав доброе утро.

Она замерла в моих руках, словно пыталась сдержаться. Потом я услышал... тихий всхлип, а потом еще один. Она заплакала.

— Нет. — Я развернул ее к себе, ее глаза были закрыты, слезы текли по щекам, плечи содрогались. — Что, детка? Что я сделал не так?

Она обернулась вокруг меня, всхлипнув еще несколько раз, прежде чем взяла себя в руки. Я ждал, потому что чувствовал, что так будет правильно. Я не понял откуда это знал, но что-то подсказывало мне подождать. Я потер ей спину и держал в своих объятиях, стоя перед духовной Викинг, которая редко использовалась в такой редко использованной кухне, и ждал, когда она что-нибудь скажет.

— Это не ты, — успела она произнести между всхлипываниями. — Я... со мной такое стало происходить. Бывает нечасто, на самом деле. Думаю, это случилось после аварии, потому что раньше у меня такой проблемы не было... — Она сделала несколько глубоких вдохов и, мне показалось, что успокоилась, мое сердце снова забилося.

Черт. Меня. В ребро.

Мне не нравилось, что она плачет. Это выводило меня из себя.

В ту минуту, когда она заплакала, я вдруг решил, что она пожалела, что рассказала мне прошлой ночью.

— Ты хочешь сказать, что из-за того, что я решил тебя поцеловать, сказав тем самым доброе утро, послужило началом твоих слез?

Она кивнула мне в грудь, боясь поднять на меня глаза.

— Мне нужно понять, Брук. Поговори со мной.

— Я молниеносно начинаю плакать... и это приводит к неловким моментам, таким как у нас сейчас.

— Но... пожалуйста, не стесняйся со мной. Я не возражаю, что ты плачешь, я просто

хочу знать из-за чего.

— Всякий раз, когда я кому-то рассказываю о своих проблемах, мой голос ломается, и я начинаю плакать. Даже в прекрасные радостные моменты от порыва эмоций, я стала плакать, например, когда Нэн и Герман сообщили мне, что собирают пожениться или сейчас, когда ты сказал, что хочешь подарить мне надлежащий утренний поцелуй.

— Я правильно понял, что мой поцелуй с добрым утром был радостным прекрасным моментом для тебя?

— Да, именно так, Кaleb. Для меня это был прекрасный момент, который сообщил мне, что ты рад был меня увидеть здесь сегодня утром. — Она тяжело вздохнула на моей обнаженной груди, и я почувствовал, как тепло от ее дыхания согревало мне кожу. И мой член ожил. Ей достаточно было поговорить со мной, и я снова ее хотел. Она хотя бы отдает себе отчет, что со мной творит? — И заранее готовить речь, тоже не помогает, потому что я начинаю рыдать и не могу вымолвить ни слова, а также не могу контролировать эти эмоции, — добавила она с еще одним тяжелым вздохом.

Господи. Это было совсем не тем, что я ожидал от нее услышать. Опять же, я напомнил себе, что я едва знал Брук. Мои чувства к ней остались неизменными, но чем больше она рассказывала о себе, тем больше я понимал существовало сложностей в ее жизни. Хотя все эти сложности она пыталась побороть, чтобы продолжать дальше жить, как нормальный человек. В конце концов, у нас у всех хватает своего дерьма. Проблемы, вроде бы одинаковые, на первый взгляд, но совершенно разные у каждого человека, которые и заставляют нас плясать под свою дудку. Побочная хрень.

— Ну, позволь тогда тебе сказать следующее: то, что ты здесь, после ночи, которую мы провели вместе, прекрасный момент для меня сказать тебе доброе утро с поцелуем. — Момент, на самом деле, для меня был больше, чем прекрасный, но я боялся ее спугнуть. Ночь была просто безумно фантастическая. Я приподнял пальцем ее подбородок, потому что мне необходимо было увидеть ее глаза, а также, она должна была увидеть мои. — Если я тоже заплачу, ты почувствуешь от этого себя лучше?

Моя шутка сработала, потому что она засмеялась в ответ и ее глаза стали улыбаться ... и мой мир сильно закачался. Я получил поцелуй доброе утро, который был настолько захватывающим, и таил в себе обещание гораздо большего, чего с нетерпением стоило ждать. Многого.

Сейчас же я собирался сесть с ней за стол и разделить вкусный завтрак, который она приготовила для меня.

А потом я собирался отнести ее в постель и снова заняться любовью, доказывая, насколько сильно я хотел ее видеть здесь со мной.

После этого я собирался отнести ее в душ и заставить кончить от моих губ последний раз, прежде чем мы оба начнем собираться на работу.

Потом я бы с удовольствием подбросил ее к офису, поцеловав на прощание. Я бы наблюдал, как она входила в здание, понимая, что наблюдаю за своей девушкой. *Моей.*

Брук Кастерлей *теперь была моей.*

Глава 16

Калев

James R. Blakney & Associates, профессиональная корпорация юристов была единственная фирма, которой я мог доверить свои дела (вернее, обратиться с просьбой к Джеймсу совершить расследование), так как я не доверял никому, когда дело касалось моего частного бизнеса, только своему лучшему другу.

Мы встретились в школе-интернате, когда нам было десять. Нас обоих запихнули в частное учреждение, куда богатые родители посылают своих сыновей, когда дело касается самой эксклюзивной школы. Я помню, как стоял в очереди, чтобы позвонить по телефону своим родителям, которым пользовались все, чтобы умолить их позволить мне вернуться домой.

Когда настала моя очередь, я дозвонился, трубку сняла моя мать. Я хотел поговорить с отцом, но она сказала, что он не может подойти к телефону в данную минуту. Я сказал ей насколько сильно ненавидел эту школу-интернат, как сильно скучал по братьям и сестрам, все-таки я был еще ребенком. Я умолял ее разрешить мне приехать домой и посещать обычную общеобразовательную школу, но она просто ответила, чтобы я перестал плакать, потому что ей неловко перед другими. Я часто задавался вопросом, если бы тогда я смог поговорить с отцом в тот день, все могло бы сложиться по-другому. Отец был более адекватным. Мама не была. Она дала мне понять в недвусмысленных выражениях, что я остаюсь и не вернусь домой, пока Исаак не придет за мной в конце ноября, чтобы привести на День Благодарения. Потом она сказала, что это для моего же блага и повесила трубку.

Некоторые мальчики были свидетелями моих слез и потом дразнили меня. Они обзывали меня маленьким и толкали, я убежал и спрятался за одним из зданий школы, проплакав несколько часов. Когда я, наконец, поднял голову, то обнаружил, что был не одинок. Мальчик, фамилия, которого в нашем классе шла после моей, сидел всего в нескольких футах от меня. Джеймс Блэки. Я спросил его, почему он здесь. Он ответил, что накануне позвонил родителям по той же причине, что и я. Джеймс получил ответ от отца. Такое же безучастное, жесткое сообщение, но только от отца, а не от мамы. В тот же день мы подружились, и я понял, что школа-интернат не настолько дерьмова, когда у тебя есть друг, с которым ты можешь делиться многим.

Это было двадцать один год назад, через восемь лет школа-интернат поменялась на Гарвард. А потом аспирантура — юридическое отделение в Гарварде для Джеймса и ведение бизнеса в Гарварде для меня. Теперь наши компании заняли место на рынке, поэтому школа выполнила свою миссию, когда мы были еще детьми. Мы ненамного отличались друг от друга, по сравнению с тем временем, так я, по крайней мере, думал, входя через двери его юридической фирмы.

— Он сейчас свободен, если вы хотите, Калев, то можете войти. — Его секретарь знала меня с детства, с тех времен, когда она работала с судьей Блэки, отцом Джеймса.

— Спасибо, миссис Кеннеди. — Я подмигнул ей.

— Ты никогда так и не будешь называть меня Маргарет? — поддразнила она меня.

— Нет, мэм. Это было бы не вежливо с моей стороны обращаться к вам иначе, нежели как миссис Кеннеди, я же давал присягу. Бойскаут всегда должен быть учтив.

— Все бойскаут, Калев, после стольких лет? — Это была наша маленькая игра.

— Верно, миссис Кеннеди. Я стараюсь всегда помнить присягу, чтобы вести себя, как бойскаут.

Джеймс странно на меня посмотрел, когда я вошел в его кабинет и опустился на блестящее мягкое кожаное кресло, предназначенное для клиентов. Сейчас я был его клиентом.

— Что эта девчонка сделала с тобой, мой друг? — спросил он, после того как минуту разглядывал меня.

— Сколько времени у тебя есть? — ответил я.

— Видно что-то хорошее, а? — проигнорировал он мой вопрос.

Я снял нитку со своей брючины, прежде чем ответить.

— Слово «хорошо» недостаточно, не хватает деталей, чтобы помочь тебе понять, что она *сделала со мной*.

Он еще один раз странно на меня взглянул, прежде чем открыл файл, лежащий у него на столе. В нем содержалась информация, которую он накопил, после моего звонка из машины, когда я высадил Брук сегодня утром у здания Harris & Goode.

— Три часа, времени не мало, чтобы многое прояснить, но у меня уже есть некоторые наметки и это только начало. Брук Эллен Кастерлей, двадцати трех лет. День рождения семнадцатого мая, ей исполнится двадцать четыре. Родилась в госпитале «Короля Георга», Эссекс, Англия, родители — Сусанне Кастерлей и Майкл Харви. Вот ее свидетельство о рождении.

Джеймс протянул через стол бумажку.

— А муж?

— Он оказался более сложной задачей, но я нашел его имя в записи регистрации браков, когда он женился на Брук. Маркус Кайл Паттен, двадцать девять лет на момент совершения брака, тридцать лет на момент смерти. Родился в Салеме, штат Массачусетс, умер в Чартсворф, богатом пригороде ЛА, прожив в браке всего семь месяцев. Вот его свидетельство о рождении.

Он скользнул бумажкой по столу в мою сторону.

— Где ты думаешь, она познакомилась с этим парнем?

— Думаю, могу только предположить. Они встретились в университете Суффолк, где она была студенткой, он, наверное, заканчивал юрфак. Паттен сдал госэкзамен в Массачусетском университете два года назад, в феврале. Он женился на Брук чуть более месяца спустя в апреле.

— Но они жили в Калифорнии, и Маркус умер там. Зачем сдавать экзамен в штате Массачусетс, а не в Калифорнии?

— Я все еще работаю над этим, но у меня есть только догадки, она же сказала, что его семья участвовала в преступной деятельности. Думаю, им потребовался человек, разбирающийся в законодательстве. Мафия всегда посылает свои светлые головы «на гауптвахту» на юрфак. Лучший способ сохранить все свои деньги в руках и уйти от Внутренней службы по налогообложению.

— Его семья — это организованная преступная группировка? — спросил я.

— Рассматриваем такую возможность. Они владеют складами, сотни которых разбросаны по всему штату. Это может быть хорошим прикрытием для контрабанды: наркотики, оружие, все, что контролируется, плюс законно помогает скрыть отмыwanie денег. Да, и у этого Маркуса Паттена были проблемы с управлением гневом, пока он учился

в юридической школе, и также проблемы с алкоголем. Ему было выдвинуто обвинение в нападении с отягчающими обстоятельствами за драку в баре, которое котировалось как жестокое, но потом обвинение было тихо снято. Наверное, семья, заплатила жертве, и он боялся потерять второй глаз. Маркус разорвал лицо парня разбитой пивной бутылкой и оставил его слепым на левый глаз. Он дрался тогда, как псих.

— Господи, этот парень и его семья напоминают мне фильм «В постели с врагом» и «Сыны анархии».

— Точно. Это чудо, что твоя девочка избавилась от них целой и невредимой.

Она не совсем избавилась невредимой.

— Раз уж мы затронули тему ненормальных, как поживает Дженис?

— Я не знаю, и не хочу ничего о ней не знать, так что большое спасибо. Кроме того, несколько дней спустя за ланчем, я же сказал тебе, что не трахался с ней, я просто пустил ее в свою квартиру. Это было самая страшная, самая ужасная идея. Почему ты не пришел ко мне и не спас меня от нее, бро?

— Эй, я предупреждал тебя в меру своих способностей. Я даже сообщил тебе о фотографии, которую она мне прислала.

Его лицо сникло при упоминании о фотке.

— Фотография, где она сосет член? Это не мой член. Я не знаю, что она послала тебе, но это не фото моего члена. Я не подпускал ее и близко к своему члену, хотя она предлагала. Несколько раз. — Он поморщился. — На самом деле, жаль, что ты ее удалил, я хотел бы взглянуть.

Когда мы встретились за ланчем несколько недель назад, Джеймс был непреклонен — никакого секса с Дженис в ту ночь не было. Я удалил фотографию в считанные минуты, как только вернулся в офис, так что проверить что-либо по поводу этой непонятной фотографии, и что на самом деле замышляла Дженис было уже невозможно.

— Мне жаль. Я сделал это в запале. Я просто хотел порвать с ней и предупредил тебя, а потом избавился от улики. Возможно, она не говорила, что это ты. Может, я просто предположил, что скорее всего это ты, так как она была с тобой, когда послала мне ее. Я не собираюсь анализировать эту х*йню.

— Ты знаешь, что говорят о такой вещи, как «предположение», Кaleb?

— Да. Я создал полную задницу для себя и тебя. Прости за это. Мое сердце было хотя бы... в нужном месте, я подумал о твоём отце и не хотел тебя расстраивать... — Я решил, что зловещее облако его отцовской судьбы сойдет за извинение. — Каким бы подорванным бы ты был, если бы где-нибудь всплыла эта фотка?

Его глаза сузились при упоминании об отце. Судья. Отношения Джеймса с его отцом были такие же тепле и комфортные, как у меня с моей матерью.

— На мою гребаную задницу, по-видимому, потому что я не помню ничего, чтобы предпринял какие-либо действия, чтобы Дженис привели ко мне домой, — сказал он с горечью.

— Я порвал с ней после того, как мы вернулись с благотворительного мероприятия по сбору средств для борьбы с раком, и она психанула. К тому времени, как она покинула пентхаус, она поставила мне фингал и разнесла мою ванную, как в «Роковом влечении».

Джеймс опустил голову и покачал ею туда-сюда.

— Она говорила мне об этом, теперь я вспоминаю. Она без оглядки рванула в ванную, думая как бы напакостить тебе. Размазала зубную пасту по стенам, полотенца бросила в

туалет и уничтожила целую коробку презервативов. Это отстойно, потому что хорошие стоят дорого.

Уничтожила презервативы?

— Дженис не уничтожала презервативы. Я проверил шкаф, где их держу, коробку не трогали.

— Ну, тогда это хорошо... — Он умолк и склонил голову, как будто пытался что-то вспомнить. У Джеймса была очень хорошая память, даже слишком хорошая, даже в нетрезвом виде, так что я, как правило, верил ему на слово, когда он говорил что-то важное. А это было чертовски важно.

— Джеймс, что сказала Дженис?

— Она сказала, что ненавидит тебя, и что ты пожалеешь, что когда-либо трахал ее. Потом она рассказала мне какой беспорядок устроила в твоей ванной комнате, и сколько удовольствия ей это доставило. Она сказала, что ей очень хочется увидеть твое лицо, когда ты узнаешь, что она сделала, чтобы испортить тебе жизнь.

— Что она сказала? Дженис сказала, что она разрушит мою жизнь? — Что-то было не так со всей этой историей. — Джеймс, бро, ты должен вспомнить ради меня. погоди минутку... Почему ты сказал, что она уничтожила пачку презервативов?

Джеймс потер голову кончиками пальцев.

— Потому что... она сказала, Калев. Она рассказала мне, что использовала булавку или брошь с платья и проткнула их...

О, мой Бог. Именно только ненормальная Дженис могла сделать такое дерьмо. Сучка положила их обратно в коробку — все аккуратно и чисто, поэтому я ничего не заподозрил.

Я вскочил с кресла и схватил копии.

— Друг, я рад, что пришел сегодня сюда, но мне нужно идти. Спасибо за информацию о Паттене. Продолжай копать. — Я кивнул на файл на его столе и оставил его сидеть на своем месте, обеспокоенно поглядывая на меня и потирая пальцами голову.

Прощаясь с миссис Кеннеди, я вспомнил народную мудрость — иду в ногу со своими друзьями.

Вы никогда не узнаете какими важными новостями, они могут с вами поделиться.

Господи. Иисусе.

* * *

Исаак после моей встречи с Джеймсом отвез меня прямиком в пентхаус. Энн убралась уже в спальне, и мусор скорее всего находился в мусоросжигательной печи на цокольном этаже этого здания, поэтому я не мог проверить презервативы, которые использовал прошлой ночью. Я взял коробку и вывалил содержимое на столешницу. Пакеты были черными, заметить что-либо было не легко, но если посмотреть на свет, я увидел дырочки примерно в трех четвертых из них. Не каждый презерватив был «прошпигован», но многие.

Я стал открывать упаковки презервативов и заполнять их водой. Кап, кап, кап, вода текла через сделанные дырочки. *Дженис, ты дьявольская сука.*

Хорошо, мать твою.

Хотя это было совсем не хорошей новостью.

Наверное, мне следовало сообщить об этом Брук, но я, бл*ть, был просто в ярости на себя из-за своей бывшей.

Чем больше я думал об этом, тем больше приходил к мнению, что мне не следует ничего говорить Брук. Это была грязная история о переплетенных судьбах двух людей, пока я не встретил ее, а также грязная жизнь, которую я прожигал. Я понял, что Брук перекокорбит от моего рассказа. Но больше всего, мне было стыдно, что Брук может увидеть меня в таком ужасном свете. Она всегда восхищалась мной, что я был джентльменом, и мне очень нравилось, что она так хорошо обо мне думала. Я боялся потерять уважение в ее глазах.

Я пытался дать разумное объяснение фактам, используя пять презервативов из коробки — четыре вчера вечером и один сегодня утром. Если применить правило семидесяти процентов, то три из пяти были повреждены, которые я использовал. Но мой выбор был совершенно случайным, поскольку коробка упала, и я взял первые попавшиеся, и только утром убрал все в коробку, поэтому испорченных презервативов было два из пяти. Но я был не уверен, а проверить не мог. Были ли шансы у меня, что Брук находилась в середине своего цикла? Может она сидела на таблетках, но этого я тоже не знал. Мы не обсуждали с ней этот вопрос.

Так что, даже если я использовал испорченный презерватив, это все равно что в нее бы попало совсем чуть-чуть. Несколько капель максимум. Я не заметил, чтобы из моих использованных презервативов что-то вытекало, когда я их снимал, но тогда я не обращал особо пристального внимания, поскольку секс — это всегда грязно, и хочется побыстрее снять эту шуковину, освободив свой член.

Я ненавижу во всем этом разбираться.

Но я любил Брук.

И мне хотелось, чтобы она любила меня.

Рассказать ей о Дженис, и что она сотворила, тем самым отравив всю прелесть прошлой ночи, нет. Я не мог позволить этому случиться. Спасибо, бл*ть, что я поменял замки. Еще только не хватало, чтобы Дженис появилась здесь в самый неподходящий момент и стала выяснять отношения с Брук, и что-то подсказывало мне, что она вполне способна на это, как только вернется из Гонконга. Все ее действия показывали, насколько Дженис нестабильна, и мне просто необходимо выяснить, как с ней лучше справиться. Я не собирался пускать это на самотек. Она пересекла черту со всем этим дерьмом.

Я принял решение. Я собрал весь устроенный хлам и выбросил.

Я направился в свой домашний кабинет и вошел на сайт Target.com. Я заказал новые презервативы и выбрал опцию забрать в магазине. Я отправил подтверждение Виктории, сказав, чтобы она забрала и доставила их в пентхаус. Я не стал заикливаться над неловкостью своей просьбы. Она была моим личным помощником, и я платил ей за хорошо выполняемую работу. Если мне необходимо было забрать и доставить презервативы, то сегодня ее работа заключалась именно в этом — «забрать и доставить» за что, я, бл*дь, плачу ей.

Господи, я был на нервах. Мне необходимо было, чтобы Брук сняла с меня стресс с присущей ей магией. Непристойные образы тут же закружились у меня в голове при мысли о том, каким именно способом Брук очень хорошо могла снять у меня стресс.

Иииии именно эти образы подвели меня к тому, что будет сегодня вечером. Мы не обсуждали с ней, и я вдруг подумал, что она захотела бы вернуться к себе домой. Бл*дь, это была довольно-таки угнетающая мысль. Я больше не хотел, чтобы она переправлялась на

пароме на остров Блэкстоун. Погода была непредсказуемой и могла потопить этот паром, при надвигающемся шторме, буквально за несколько минут. Мысли о ее безопасности, явно увеличивали мои умственные способности.

Да, нам конечно же необходимо серьезно поговорить о многом, но главное, я хотел опять оказаться рядом с ней сегодня вечером. Я хотела быть с Брук — все довольно просто.

Теперь, когда я нашел ее, я не мог быть без нее.

Киска. Киска! Котенок!

— И каково ваше мнение? — спросил я своих внутренних демонов.

* * *

— У меня проблема. — Именно эти слова вы говорите, чтобы как-то выплеснуть своим истинные чувства, когда о ком-то переживаете, как только эти слова вылетели из моего рта, я почувствовал себя мгновенно лучше. Я знал, красивый голос Брук успокоит меня, даже если здание будет в огне и обрушится.

— О? Поделись со мной.

— Ну, я встретил одну прелестную девушку, и она буквально за очень короткое время полностью покорила меня. Прошлой ночью... эээ, мы провели самую лучшую ночь вместе, и теперь я не могу перестать думать о ней, и все время задаюсь вопросом, когда я снова смогу ее увидеть.

Она тихо засмеялась в трубку, я представил ее губы, когда она так делала.

— Говоришь, что это проблема, но если она тебе нравится и ты ей нравишься, то почему ты называешь это проблемой?

— Ну, очень хороший вопрос. Я уже говорил тебе, что ты очень умна? Если нет, то был невнимателен к тебе, потому что думаю, что ты очень-очень умная.

— Так у тебя имеется проблема или нет?

— О, да, у меня есть еще одна проблема.

— Не желаешь поделиться со мной, Калев? — спросила она, явно поддразнивая меня.

— Конечно. Ты не будешь надо мной смеяться?

— Аааа, возможно, буду смеяться, но не над тобой... а с тобой... потому что ты забавный.

— Вернемся к моей проблеме, Брук.

— Точно, настолько неуловима проблема, что ты не можешь ее из себя выдать.

Теперь настала моя очередь смеяться. Она способна говорить совершенно обыденные слова, но в ее исполнении, они превращаются в настоящую поэтическую прозу.

— Я улетаю ночным рейсом в командировку послезавтра. И я хочу провести еще одну ночь с этой девушкой, прежде чем уеду на неделю, потому что я буду скучать по ней каждый день, находясь так далеко.

Воцарилась тишина. А затем раздалось тихое всхлипывание, которое я слышал сегодня утром, когда ее эмоции вышли из-под контроля. *Вот дерьмо. Я снова заставил ее плакать?!*

— Брук... детка... все нормально. — Я выжидал, пытаюсь вспомнить, что она мне говорила сегодня утром о том, как это называлось... *резкие эмоциональные всплески...* которые не случались с ней до аварии.

— Я в порядке, — выдохнула она в ответ, после чего почувствовал, как будто прошла вечность. — Ты меня просто удивил еще раз...прекрасно, Калев. Возможно тебе следует удивлять меня не так быстро.

Я снова засмеялся и мне было так чертовски приятно понимать, что если я заставлял ее плакать то, по крайней мере, от замечательных, прекрасных моментов, а не от чего-то другого.

— Я постараюсь, но, наверное, не смогу ограничить свои прекрасные моменты с тобой, Брук. — Это была чистая правда.

— Мне кажется, что я нашла решение твоей проблемы, Калев. Хочешь услышать?

— Да, мне хотелось бы. — И мне почему-то показалось, что она пожалеет меня и останется сегодня ночью со мной. Я мысленно скрестил пальцы.

— Ну, сегодня вечером я еду к себе домой. Мне нужно побыть в своей домашней обстановке и заняться делами. Мне нужно посетить бабушку в терапевтическом центре, обговорить некоторые вопросы по поводу ее свадьбы, над планированием которой я сижу по ночам, а также собрать кое-какие ее вещи, которые можно будет перевезти в дом Германа в очень скором времени. Ее выпишут из больницы в этот четверг, и я взяла отпуск до конца этой недели, поэтому я буду дома, чтобы подготовить все к переезду и помочь ей устроиться на новом месте.

— Ты так занята, — сказал я, всеми силами пытаюсь не показать мое разочарование, поскольку сегодня ночью она не будет спать в моей постели. Она даже не будет в Бостоне всю эту неделю, пока я не уеду.

— Да, но я буду заниматься делами, которые мне нравятся. Да, знаю звучит также, как когда ты совершенно не имеешь свободного времени, если еще и учесть твою международную поездку на несколько дней. Куда ты едешь?

— В Абу-Даби. Это Всемирный саммит по рациональному использованию природных ресурсов. Я езжу туда каждый год. — Я вдруг возненавидел этот саммит в этом году.

— Ну, не знаю, какие обязательства у тебя на работе, прежде чем ты уедешь в Абу-Даби в ночь на среду, но если ты сможешь взять отпуск, то можешь приехать и остаться *у меня в коттедже*... и получить определенный опыт житья на южном побережье острова в течение нескольких дней. — Она замолчала. — Если ты не против, конечно. — *Господи, я чертовски тебя люблю.*

— Да, мне это по душе. Я свободен и у меня есть время. — Не стоило тратить слова впустую. У меня сердце готово было вырваться из груди, но, по крайней мере, я отвечал ей согласованными предложениями.

— Ты поедешь на пароме в пять тридцать со мной, или приедешь позднее? — тихо спросила она.

— Ой... безусловно, я поеду на пять тридцать с тобой, красавица, — ответил я.

Глава 17

Брук

Калев подъехал в «Мерседесе» с водителем, сидя на заднем сиденье, с кожаной сумкой в левой руке и осенним букетом цветов в правой. Очень сексуальный мужчина собирался сесть на паром, и пока он шел ко мне с цветами, несколько голов повернулось в его сторону... ухмыляясь, он остановился передо мной и поприветствовал меня поцелуем, который украл мое дыхание. Мне повезло.

— Ты когда-нибудь плавал на этом пароме раньше? — спросила я, когда мы закончили целоваться.

— Когда был ребенком-бойскаутом, — ответил он, хмурясь и оглядываясь по сторонам. — Почему ты спрашиваешь?

— О, нет, на самом деле без причины, поскольку ты производишь нереальное впечатление благосклонного основателя благотворительной организации, имеющего годовой абонемент, вот и все. — Для пушкого акцента я очертила в воздухе контуры его тела. Калев по-прежнему был в темно-синем костюме, который он надел сегодня утром, но он поменял рубашку и галстук под джемпер горчичного цвета вместо своего голубого. Было бы трудно не заметить его в толпе. Несмотря на то, что он оделся менее формально, он все еще выглядел дорогим. — Но сексуально. Невероятно горячий.

Я просто заставила себя выкинуть из головы, крутившиеся изображения прошлой ночи, до сих пор возбуждающие меня. Мне пришлось подавить их, или же я могла бы сделать что-то совершенно непристойное на этом общественном пароме, среди скопления людей.

Калев Блэкстоун заразил меня своим желанием принадлежать ему, не только быть сексуальными партнерами в действительно великолепном сексе. Он заставил меня почувствовать, что я что-то значу для него, что я важна, и он нуждался во мне. Это было самое прекрасное чувство, которое я испытала с ним прошлой ночью.

Одновременно это чувство меня чертовски пугало.

Я увидела, что ему понравилось мое сравнение — что он *невероятно горячий*, потому что его глаза вспыхнули.

— Нет? А я-то думал, что сделал все правильно, переодевшись, чтобы влиться в общество этого паромы. — Он вручил мне букет цветов. — Это тебе.

— Они великолепны. Спасибо за то, что ты так внимателен, Калев, как всегда.

— Ты великолепна. Спасибо, что пригласила меня к себе, Брук. Я на самом деле хотел бы провести с тобой больше времени, прежде чем уеду в командировку. Слишком многое я хочу узнать о тебе... и получить определенный опыт, — сказал он.

Мне нравился взгляд Калева, которым он смотрел на меня в данную минуту. Его глаза стали более синими, цвет костюма усиливал их цвет, и даже золотые искры в радужной оболочке его глаз соответствовали цвету джемпера, который он подобрал. Прекрасные глаза, проникающие прямо мне в сердце. Почему-то Калев мог проникнуть в мое сердце.

И под его взглядом мое сердце оказалось в серьезной опасности — ему могли причинить боль.... Отчего становилось жутко страшно.

Я подвела его к скамейке, и облокотилась спиной на его грудь, как только мы опустились на сиденья и положили наши вещи. Он упер подбородок мне в макушку и сжал мою руку. Все его движения, связанные со мной, были очень заботливыми и нежными, он

старался прикасаться ко мне аккуратно. Казалось, что Калебу было необходимо дотрагиваться до меня, столько, сколько я позволяла.

Я чувствовала тепло его тела и ощущала вкусный запах, обволакивающий меня, характерный только для него. Мне хотелось ощущать его руки вокруг себя. Для меня это было новым, новыми впечатлениями.

Долгий час, что мы добирались до острова, делал меня счастливой сегодня.

Потому что Калев держал меня в своих объятиях.

* * *

Настороженный, так бы я описала Калеба, как только мы оказались на берегу. Он нес обе сумки, пока я вела его к месту, где оставила своей автомобиль. Его настороженность напомнила мне Target. Он не пользовался общественным транспортом, я поняла, что возил его везде по городу Исаак, поэтому сейчас он «учился», получая совершенно новый опыт.

Когда я остановилась у Вуди и воткнула ключ в замок водительской двери, он замер (удивленно), я была уверена в этом, потом взял себя в руки и положил наши сумки в багажник. У меня возникло сомнение, что Калев никогда не ездил на машине, которая была намного старше его по возрасту, но он ничего не сказал. Он последовал за мной к водительской двери, открыл ее для меня. Несмотря на то, что он был пассажиром, Калев не забыл свои прекрасные манеры. Я наблюдала за ним в лобовое стекло, как он обошел машину спереди и открыл свою дверь, рядом с водителем, потом забрался в салон. Калев вместе со мной ехал ко мне домой. Калев. Ехал. Со. Мной. Домой.

После того, как мы оба очутились в салоне, он повернулся ко мне и сказал:

— Мне нужно кое-что сделать.

— Что?

Он перегнулся через коробку передач и взял мое лицо в свои руки — жест, который я обожала, когда он так делал, и прошептал:

— Это.

Калев поцеловал меня, лишая сознания, глубоко и основательно, пока я не смогла вспомнить свое собственное имя, что уж говорить про вождение машины. Его колючая борода ласкала мои щеки и подбородок, как только он потянул зубами мою нижнюю губу, поддразнивая, я превратилась в полную кашу, готовая оседлать его на общественной стоянке прямо в автомобиле. Seriously, этот мужчина был опасным в сексуальном плане, хотя он и сделал-то ничего, всего лишь посадил меня в машину и поцеловал.

— Осторожнее или я не смогу нас никуда доехать, — прошептала я ему в губы.

— Прости. — Он отодвинулся, удерживая руку под моим подбородком и потер большим пальцем по моей нижней губе. — Я весь день хотел это сделать. — Красивые, синие с золотом глаза, изучающе смотрели на меня в этот момент. — Теперь все в порядке, — сказал он с его ухмылкой шкодливого маленького паренька. — Мы можем ехать. — Потом он помолчал секунду или две. — А куда мы едем?

Я ничего не могла поделать, засмеявшись. Это было так мило, не смотря на неловкость, которая все же витала между нами. Мы собирались кое-что выяснить про нас, если Калев продолжит быть таким же очаровательным, для меня это не будет проблемой.

— Мы ненадолго заскочим к бабушке в терапевтический центр, а потом я отвезу тебя в коттедж, где приготовлю нам ужин. После этого мы будем делать все, что захочешь.

— *Все, что я захочу?*

— Если это будет включать в себя теплые носки, я в игре, — с хитрой ухмылкой ответила я.

— Умммм..., — он застонал, ерзая на сиденье. И так, он чувствовал тоже...

Хорошо.

Отдача была честной игрой.

* * *

— Нэн, я привела с собой друга... ты хорошо его знаешь. Помнишь...

— Калев Блэкстоун, возможно, ты и подрост, но я узнаю твое лицо везде. Ты так похож стал на своего отца, когда он был в твоём возрасте. — Лицо Нэн засветилось, она протянула ему руку, которую он взял в обе своих руки и тепло пожал.

— Миссис Кастерлей, вы совершенно не изменились. Чудесно увидеть вас снова. Брук сказала, что вас скоро выпишут. — Я наблюдала, как он приветствовал мою бабушку и поражаюсь насколько прекрасно он обходился с людьми. Особенно людьми, которых он явно обожал. Калев явно обладал навыками общения, к сожалению, которые отсутствуют у многих людей нашего поколения, поэтому я была довольна, сидя, сложа руки и наблюдая за их разговором. Я понимала, что позже Нэн прижмет меня к стенке и захочет узнать, что я делаю вместе с таким человеком, как Калев Блэкстоун, и мне придется ей кое-что рассказать.

Интересно, что я ей расскажу? Что он относится ко мне с уважением, говорит, что хочет меня и заставляет почувствовать женщиной, которой я была прежде, чем совершила эту ужасную ошибку. Это была правда, даже если мне страшно было в это поверить. Бабуля явно будет относиться скептически к его намерениям по отношению ко мне и, наверное, спросит его напрямую. Она больше не работает на его семью, поэтому не будет сдерживаться в своих высказываниях, пытаюсь завуалировать свои чувства из уважения к работодателю, кроме того, после всей этой истории с Маркусом, бабушка старалась меня от много защитить...

Мои внутренние размышления были прерваны появлением Германа с букетом осенних цветов. Мужчины Блэкстоуны не обделены романтическими наклонностями, видно, это помогало им, когда наступало время по достоинству оценить женщину, я собиралась проделать тоже самое и оценить по достоинству мужчину, как только мы останемся одни с Калевом в моем коттедже.

— Что я вижу! Своего племянника, флиртующего с моей девушкой? — прогудел Герман.

— Дядя Герман, мне кажется вас можно поздравить, если я не ошибаюсь.

Я видела, как они оба обнялись и была поражена их внешним сходством. Теперь я вспомнила, почему сказала Калебу, что он напоминает мне человека, живущего на острове. Их внешнее сходство было видно невооруженным глазом, тут же можно было понять, что они были родственниками. Если бы я не знала об их родстве, то подумала, что они — отец и сын.

Я слышала, как Калеб рассказывал Герману о Блэкуотер, как у них завязался разговор на эту тему. Он сказал, что хочет исправить ситуацию с увольнением сотрудников и то, что особняк был опечатан, возможно он хотел получить совет Германа по этому вопросу. Было бы приятно увидеть поместье Блэкуотер восстановленным для какой-то полезной цели, если семья не хочет использовать его по праздникам. Я надеялась, что тот человек или семья, кто купит это поместье, по достоинству оценит его историческое значение, а не только стоимость дома и земельного участка. Мне по-прежнему казалось странным, что Калеб не знал, что особняк выставлен на продажу и опечатан. Разве в его семье не принято обсуждать такие важные вопросы, как продажа дома, которым семья владела на протяжении поколений? Опять же, мне пришлось тряхнуть головой, чтобы не думать о проблемах богатых...

* * *

— Герман и Нэн, определенно наслаждались твоим сегодняшним визитом, — сказала я ему, выруливая на извилистую дорогу, которая вела к коттеджу и по которой я могла интуитивно ориентироваться по неровностям и поворотам.

— Я тоже получил удовольствие. Я очень рад, что ты привезла меня к ней сегодня вечером. Спасибо. — Он протянул руку и сжал мое бедро, пытаясь таким образом привлечь мое внимание к его словам.

— С чего такая благодарность, Калеб?

Он вздохнул, прежде чем ответить.

— Предполагаю, что это связано с тем, что мне стыдно за то, что потерял интерес к людям и вещам, которые занимают более важное место в моей жизни. После окончания Гарварда я настолько погрузился в работу и бизнес, что исключил все остальное, даже свою семью. Теперь я жалею, понимая сейчас, что упустил много времени с людьми, которые мне не безразличны.

— Думаю, никогда не будет поздно, если они сейчас узнают о твоих чувствах. — Я замолчала, задумавшись прежде чем продолжить свою мысль. — Когда я увидела тебя, стоящего рядом с Германом сегодня вечером, я четко увидела семейное сходство между вами. Надо сказать, генофонд мужчин Блэкстоунов очень красивый.

— Спасибо. Я рад, что ты так думаешь. Могу сказать то же самое о тебе и твоей бабушки. Вы очень похожи друг на друга, даже похожи ваши голоса. Я слышу будто бы это ты говоришь, когда она со мной разговаривала. — Он снова наклонился над коробкой передач и пробормотал мне в шею. — А красота-то у вас в избытке, это на тот случай, если я не упоминал об этом раньше.

Он лизнул мою шею, вызывая у меня дрожь по всему телу, которая выстрелила напрямиком мне между ног.

— Я за рулем, Калеб, — пожурила я его. — Веди себя прилично, или же твое предложение пойдет коту под хвост.

Он тихо рассмеялся мне на ухо, прежде чем комфортно уселся в своем кресле.

— Ради этого я буду вести себя хорошо.

Заехав в гараж, я ощутила, что он опять вернулся к своему изучению. Он быстро обошел

впереди машине и открыл мою дверь. Мне предстояло привыкнуть к его джентельменским манерам. Я открыла багажник, и он вытащил наши сумки.

— Вот он, — сказала я. — Коттедж, который я никогда не продам, пока буду жива. — Я стала открывать дверь.

— Он выглядит очень очаровательным. Я представляю какой открывается захватывающий вид с внутреннего дворика.

— О, да, — ответила я. — Мы можем посидеть там после ужина. Оттуда прекрасно виден маяк, который ярко светит над водой, несмотря на то, что прохладно. Мы можем взять с собой одеяло.

— Давай потом так и сделаем. — Прошептал он мне в шею, прижимаясь к моей спине. Я почувствовала его жесткий член своим телом. Его внушительная эрекция прочно обосновалась, вжимаясь в мои ягодицы. Притяжение к Калебу было просто сумасшедшим.

Безумным. До безобразия. Сумасшедшим.

Но, беспокойство... я не переживала. Ни сколечко. *Как я могла игнорировать мужчину? Он ухаживал за мной.* Я не верила, что он ухаживал за мной ради секса. Хотя опыта у меня было маловато в этом вопросе, но я не ощущала себя его завоеванием. Калев был совершенно другим.

Ключ в замке входной двери, наконец, поддался и повернулся. Как только дверь раскрылась, Калев быстро подтолкнул меня внутрь. Я услышала, как упали на пол сумки, мои ключи и цветы... и оказалась в объятиях Калеба. Меня подняли сильные руки, которые с осторожностью оторвали от пола, вжав в стену, и его нога протиснулась между моих коленей.

— Ааааххх, — застонала я, как только почувствовала через брюки его член, упирающийся в мой клитор. Я начала двигать бедрами, с отчаянием нуждаясь в нем внутри.

— Пожалуйста, Калев... Я хочу тебя.

— Это сладкая музыка для моих ушей, детка. — Он просунул два пальца внутрь моих трусиков и стал кружить по чувствительной плоти. — Бл*дь, ты готова, — жестко произнес он, тут же опустив меня на ноги. — Сначала мне нужно кое-что надеть. — Он достал пачку презервативов из кармана брюк и слегка ее потряс, доставая один.

Я выхватила его у него из рук и разорвала фольгу, открывая.

— Дай мне свой член. — Потребовала я безапелляционно, подтекст был таков: *«Дай мне его сию минуту, Калев»*.

Он все понял по моему настрою. Спасибо тебе, Господи.

Калев тут же расстегнул молнию и в две секунды его член был у меня в руке. Я почувствовала, что он наблюдает за мной, как я подготавливала его, чтобы он оказался глубоко внутри меня, и он явно наслаждался этим шоу. Я торопилась. Он потянул вверх мое платье, пока я маялась с презервативом, потом потянул вниз мои трусики, спустив по моим сапогам, чтобы мы зря не тратили время. Я не желала знать откуда он был так искусен в «внутренней кухне» секса, просто была ему признательна за предусмотрительность.

В следующую секунду я была оторвана от пола, моя спина уперлась в плоскую стену, а ноги были разведены на ширину его бедер. Я ощутила его жесткий член, упирающийся мне в живот, и почти заплакала от осознания, что он почти уже близко. Он был большой, жесткий и очень красивый.

— Боже, — застонала я, как только он передвинул его напротив моего входа и глубоко вошел.

— Черт, так хорошо. Ты ощущаешься..., — он не стал договаривать, накинувшись на мой рот, целуя с таким же неистовым самозабвением, с каким входил в меня своим членом. Казалось это продолжалось вечность, мы оба неистово и дико целовались. Теряясь в наших движениях, ищущих райское освобождение. Он оторвался от меня, уставившись мне в глаза, пока мы продолжали трахаться. У меня никогда не было такого секса. Он был красивым и диким одновременно, грязным и изысканным. Я полностью была подвластна своему оргазму, потому что секс был слишком крышеносным, отправляя меня на грань, которая была уже слишком близко, слишком прекрасным концом.

— Я хочу, чтобы ты кончила на мой член, детка. Давай. — Его пальцы отыскивали путь к моему клитору и снова начали кружить. — Прокричи мое имя, Брук, — приказал он, и я увидела, как напряглись мышцы его шеи, пока он удерживал меня одной рукой.

Я не стала сдерживаться и почувствовала, как падаю в рай... прошептав его имя.

— Каалеееб. — с трудом смогла я выдать, он еще не закончил со мной. Он наблюдал за мной, и я была рада, выражение экстаза у меня на лице было сотворено им. Это было его рук дело.

Я наслаждалась чистым удовольствием, отразившимся у него на лице, когда он кончил минутой позже.

Потом он долго меня целовал, наши тела слились в единое напротив стены, пока не наступило время вернуться к реальности.

Иногда реальность — ужасно раздражающая сволочь.

* * *

— Брук умеет готовить, — произнес он со своей ухмылочкой, выглядя при этом мило и довольно от своей маленькой рифмы. Он также, казалось, был рад пиццы из французского багета, которую я состряпала нам, и мы сидели друг напротив друга, а его красивый букет цветов стоял в вазе на столе между нами.

— Да, это становится необходимостью, когда живешь один.

— Я живу один, и я не умею готовить, — сказал он.

— Но ты можешь позволить себе роскошь и нанять кого-то, чтобы готовили для тебя или ты все время ешь вне дома?

— Большую часть времени я ем не дома, как правило, потому, что много езжу в командировки. Когда я никуда не выезжаю, мне хочется побыть дома как можно дольше, так, наверное, происходит со многими людьми, которым приходится много путешествовать по работе. Тебе ужасно хочется, но не можешь себе этого позволить. Энн, моя домработница готовит блюда и кладет в контейнеры в холодильник с определенными инструкциями, или если я говорю ей заранее, она готовит что-нибудь к моему приходу. Исаак — ее муж, мой шофер, они живут в моем доме, этажом ниже.

Я совершенно четко видела его взаимоотношения с сотрудниками. Я видела, как он разговаривал с бабушкой. С уважением. Он не ставил себя выше Энн и Исаака, и, казалось, ценил их заботу и участие, которые они принимали в его жизни. Мне стало любопытно, может эти качества он перенял от моей бабули. Она была волевой женщиной, и хотя она прекрасно осознавала свое место в их семье, она была упертой, но любящей, руководя

Калемом, его братьями и сестрами. В этом я была уверена. Но меня удивляло, что теперь я могла спокойно общаться и не только общаться с этим восхитительным мужчиной.

— А какая у тебя семья?

Он сначала как бы из-под палки стал рассказывать, но с каждым словом Калем увлекался все больше и больше, и я с уверенностью могла сказать, что он очень любил свою семью.

— Моего отца звали ДжУ, Джон Уильям, он умер от рака желудка в прошлом году после продолжительной борьбы с этой болезнью. — Я почувствовала напряжение в его интонации, пока он пытался сдержать свое горе. Я услышала это слишком отчетливо. — Когда он заболел мне пришлось взять под контроль его бизнес. Моя мать Мадлен, бывшая Лафарж, происходит из старинной бостонской семьи, прежде чем она вышла замуж за моего отца. Я самый старший в семье, у меня есть два брата и две сестры. Мои братья близнецы, и они на двадцать месяцев младше меня: Уайат и Лукас. Лукас живет здесь, на острове, круглый год. Он создает игры и последнее его творение — это iInVidiosa, если тебе о чем-то говорит это название. Он точно знал, кто ты такая, когда я спросил его, кем является девушка по имени Брук, живущих на острове с бабушкой, говорящая с английским акцентом. — Он подмигнул мне.

— Почему меня это совсем не удивляет? Твои шпионские наклонности мне уже известны.

— Его брат-близнец Уайат живет в Нью-Йорке и нам ничего не известно о его деятельности. Я думаю, что он не хочет, чтобы мать узнала, как он зарабатывает свои деньги.

— А как он заработал свои деньги? — спросила я.

— Подозреваю, что в сфере видео развлечений. Даже где-то видел, в качестве *не жесткого порно*, или то, что показывают в отелях. Я могу с уверенностью сказать, что он владеет дистрибьюторскими компаниями, которые не участвуют в производстве фильмов. — Он провел рукой по волосам, словно волновался на этот счет. — И мне кажется, если честно, что мне не совсем хочется знать о его деятельности.

Я рассмеялась и согласилась с ним, кивнув головой.

— А твои сестры?

— Уиллоу и Винтер тоже двойняшки, но они не совсем похожи. Они даже на меня не очень-то похожи. Уиллоу блондинка, а у Винтер волосы темные, как и у нас. Но глаза у них одинаковые, такие же. Уиллоу — писательница. Она входит в список бестселлеров для молодежи, старше 18+ «Нью-Йорк Таймс», пишет серии фэнтези, я считаю это настоящее достижение в ее двадцать четыре года. Она живет со своим женихом в Провиденс, Роджером, профессором истории в университете Брауна.

— У.Р.Блэкстоун это она? Я знаю все ее книги, читала. Она написала серию «С пустыми руками». Потрясающе, Калем, у тебя в семье имеется известный автор. Я бы очень хотела, чтобы она подписала мне когда-нибудь книгу.

Он широко улыбнулся, и могу сказать, что он был горд за свою сестру. Так и должно быть.

— Я скажу, что ты ее фанат, уверен, что она подпишет и пришлет тебе несколько книг. Она все время переписывается со своими читателями.

— Я была бы очень польщена.

Он сделал глоток вина, бутылку которого я открыла, чтобы выпить под мою домашнюю

пиццу и, казалось, был счастлив находиться здесь со мной. Он должен был быть счастлив, учитывая, что он трахнулся и его накормили — именно в таком порядке. Господи, у меня до сих пор проходила дрожь от оргазма, может у него было тоже самое? Он казался таким заботливым ко мне. Я все еще не разобралась, почему он постоянно преследовал меня, но поняла одно — он мог бы меня исцелить. Мне было необходимо сексуальное исцеление, а Кaleb как раз был очень хорошим целителем. Мне также было необходимо исцелиться эмоционально. По-прежнему...

Он продолжил, взглянув на меня еще одним жгучим взглядом.

— Винтер заканчивает магистратуру в области социологии в Бостонском университете, и скорее всего ты ее увидишь, потому что ее квартира в моем доме, где располагается мой пентхаус. Я уверен, что скоро ты с ней познакомишься, поскольку часто будешь ходить ко мне, чтобы сделать перепланировку... но я также надеюсь, что будешь посещать мой пентхаус, чтобы увидеться со мной.

Аууу, вернулся шарм.

— Конечно, я хотела бы снова посетить твою квартиру, а вернее тебя, но Кaleb, на самом деле, я помню твоих сестер... в частности Винтер.

— Ты встречалась с ней раньше? — Он выглядел удивленным и заинтересованным.

— Да. Когда я первый раз приехала на остров, чтобы остаться с Нэн. Твоим сестрам как раз исполнилось шестнадцать, и в честь их дня рождения был организован великолепный праздник в Блэкуотер, на который я тоже была приглашена. Тогда я познакомилась с твоим отцом, но не помню, встречала ли твою маму или нет. Я не очень тогда предпочитала общаться, поскольку совсем недавно потеряла своих родителей и оказалась в чужом для меня мире, по крайней мере, так я себе его ощущала, поэтому этот день рождения для меня прошел как в тумане. Но я помню сам день. Был жаркий летний день, и в основном все охлаждались в бассейне. Я не пошла туда. Я предпочла наблюдать за подростками, которые сражались и играли в бассейне — здесь, в Америке, все мне казалось по-другому, считай, что я многое видела впервые. Я была не готова дружить или играть в подобные игры. Но ко мне подошла Винтер, села рядом со мной и стала расспрашивать о жизни в Англии. Мы говорили о братьях Джонас ^[8], которые были дико популярны в Великобритании в то время и других девочек-подростках, но большей частью она тянула время разговорами, чтобы я почувствовала себя частью вечеринки.

Выражение его лица изменилось и пропало радушие, которое ранее отображалось у него на лице.

— Я не смог прилететь на их день рождения. Я находился в Далласе на заседании комиссии по патентам. Я пытался вернуться домой, но рейсы были отменены из-за суровых погодных условий.

— Тебя до сих пор это беспокоит, что ты пропустил их день рождения, не так ли?

— Да. Я пропустил слишком многое и не могу это никак наверстать. Я прошел трудный путь и это очень прискорбно. — Он посмотрел мне в глаза. — Но я не должен тебе этого говорить, потому что ты прошла не легкий путь, Брук, через свои потери.

И опять все началось. Чертовые слезы появились у меня на глазах в самое неподходящее время. Хорошо бы, чтобы этот удивительный мужчина не рванул от меня, удирая, хотя для этого полно причин. Я опустила голову и сделала глоток воздух между рыданиями.

Кaleb был спокоен. Терпелив....

На этот раз он даже не стал спрашивать меня, в порядке ли я? Он не стал меня утешать.

Он всего лишь протянул руки через стол и взял мои руки в свои. Кружа, он потирал пальцами мои ладони в самых нежных местах... и через минуту у меня прошло напряжение в горле.

— Я поняла из твоего рассказа, Калев, что ты очень сильно любишь свою семью, — сумела я, в конце концов, заикаясь вымолвить.

— Да, люблю.

Я медленно вдохнула и успокоилась, успокаивая свои эмоции, как только он ответил мне, но в его словах было что-то большее.

— Брук, знаю, что слишком рано,.. но мне плевать, я хочу поговорить о том, что я чувствую и не могу этого изменить, также как не могу вернуть день рождения своих сестер.

Я посмотрела ему в глаза, они были такими красивыми, синие с золотой оболочкой, которые проникали прямо мне в сердце.

— О чем ты говоришь?

— Я не могу вернуться назад, к тому времени, когда еще не встретил тебя, Брук, потому что ты заставляешь меня чувствовать все по-другому.

— И как я заставляю тебя чувствовать? — Мое сердце, конечно, готово было разорваться в любую секунду и тогда мне не пришлось бы беспокоиться о завершении этого разговора. Все могло закончиться очень легко.

— Влюбленным. — Тихо произнес он, но я отчетливо услышала его слова.

Влюбленным.

Влюбленным?

Нет. Он не может.

Не влюбленным.

— Нет, ты не можешь меня полюбить, Калев. Ты просто не можешь.

Глава 18

Калев

«Слишком поздно, красавица».

И вдруг я стал парить. Да, именно это со мной происходило в данную минуту, в коттедже Брук на острове, рядом с маяком Фэйрчайлд. Я как бы вышел из своего гребанного тела и парил под потолком, с любопытством поглядывая вниз, и видел определенно придурка, сидящего напротив нее, и выглядящего так, словно он не в состоянии был вспомнить свое имя.

Честно говоря, она выглядела не лучше. Она была как всегда очаровательна, но то, что я шокировал ее, без сомнения.

Я сам себя шокировал, скажу я вам. Как только слова сами собой выскользнули из моего рта, я понял, что совершил ошибку, сказав лишнее. Я испугал ее. Да, я собирался двигаться медленно. Но я облажался по полной. Опять. *Почему я был таким идиотом-мудаком? Почему?!*

Она с испугом прикрыла рот и смотрела на меня через стол. В шоке. Она была настолько идеальной, несмотря на ее волосы, пришедшие в полный беспорядок от отчаянного-но-о-о-очень-горячего-секса у стены, который у нас произошел. Но ее глаза... они были по-настоящему ох*ительными в данный момент, хотя она моргнула, пытаясь сдержать слезы. Опять. Ее взгляд был удовлетворенной женщины, которая явно объездила мой жесткий член, наслаждаясь каждой минутой.

И даже после сумасшедшего секса у стены, Брук решила сделать ужин своими бесценными руками, разложить еду на тарелки и подать их на стол. Какого собственно хрена? Я был в шоке, потому что у меня не было подобного опыта. Ни одна женщина никогда не делала этого для меня.

Брук обладала настолько щедрой душой, все, что она делала шло от ее сердца, и делала она это, потому что ей хотелось.

Мне хотелось бы находиться внутри нее, когда я произнес эти слова.

— Не пугайся моих слов, ладно? Просто положи их в копилочку, и мы двинемся дальше... в наших... ээээ... отношениях. — Я притянул ее руки в свои. — Все осталось по-прежнему.

— О, Калев... Не думаю, что смогу... я просто не готова, — прошептала она, и ее глаза наполнились слезами.

— Детка, все хорошо. Я знаю, что ты не готова, и я не собирался тебе этого говорить. Я прошу прощения. Я и не ожидал, что ты будешь чувствовать то же самое. У меня все-таки еще чуть-чуть варят мозги, и после того, что ты рассказала о себе, я понимаю, что слишком рано. Я все понимаю. Тебе не нужно ничего говорить сейчас. Просто знай, что я говорил правду. Хорошо? Ты можешь сделать это для меня?

— Ты знаешь... ты видел... Калев, в каком эмоциональном стрессе я нахожусь. Ты даже не знаешь меня... как это может быть правдой?

— Но, на самом деле, это правда... не о тебе, Брук. Она больше касается меня. Это моя правда, не твоя. Я сказал тебе, что чувствую. И поверь мне, после тридцати одного с половиной года, ни разу не испытав настоящую любовь, хотя мне казалось, что уже эксперт в отношениях, но реальные вещи таковы, что сердце взяло вверх.

Она сглотнула, я заметил, как переместилась кожа у нее на горле.

— Я разбила тебе сердце?

— Угу. Жестоко. Варварски.

— Но я не хотела, — печально произнесла она.

— Я знаю, детка. Это всего лишь судьба совершает свое деяние. Брук, я совсем не ожидаю от тебя, что ты будешь ко мне испытывать те же чувства. Это всего лишь реальность — ты... и я. Я понял это той ночью, когда ты впервые заговорила со мной. Я даже не знал тогда твоего имени, но когда ты вошла в свой офис, я уже кое-что знал о тебе. Ты моя реальная судьба. Твоя бабушка и мой дядя женятся, тем самым соединяя нас родственными узами, хотим мы этого или нет. Это судьба то, что касается твоей работы... разве ты не видишь этого? Мы собирались пройти этот путь вместе, и я думаю, что мой путь к тебе был предопределен давным-давно.

— Судьба... для меня всегда было чем-то плохим, Кaleb. Я боюсь судьбы. Слово «судьба» приводит меня в ужас.

— Почему, красавица?

— Потому что то, что мне дорого и что я люблю, могут у меня отнять в мгновение ока. Я не могу больше жить такой судьбой, если у меня еще что-нибудь отнимут, мне придет конец.

— Я знаю, что твое сердце было искромсано, и ты боишься снова испытать ту боль. Я не хочу причинять тебе боли, Брук. Мне бы хотелось, чтобы ты знала о моих чувствах, и я понял только сейчас, мое отношение к тебе никогда не изменится, даже если ты не будешь испытывать ко мне подобных чувств. Я всегда буду тебя любить.

— Кaleb, я думала, что ты всего лишь хотел хорошо провести со мной время, наслаждаясь друг другом... в сексе... который просто замечательный. Ты самый удивительный и прекрасный мужчина, которого я знаю. Мне все время хочется себя ущипнуть, когда я с тобой, потому что все настолько слишком хорошо, чтобы быть правдой... но я не могу понять, почему ты вообще обратил на меня внимание. Ты очень многого обо мне не знаешь, Кaleb. Я не из твоего круга и никогда не буду в него принята.

— Меня это совершенно не волнует, я бы с радостью перешел в твой круг общества, если потребуется.

— Ты не должен так говорить. — Всеми своими аргументами она старалась изо всех сил оттолкнуть меня, но я чувствовал, что у меня есть надежда. Я бы с радостью положил многое бы на стол ради нее, если бы она приняла меня, в буквальном смысле, когда будет готова.

— О, я имею в виду то, что говорю, у меня, действительно, есть такая способность сделать все реальностью. Просто понаблюдай за мной.

— Мне все равно, чтобы ты не говорил, — упрямо сказала она.

— Меня это не беспокоит, я не смог совладать со своими чувствами. — Я наконец-то не выдержал и задал вопрос. — Ты хочешь, чтобы я ушел? Я могу остаться сегодня на ночь у своего брата и утром вернуться в Бостон. — На самом деле, было больно, но я готов был уйти, если бы она попросила.

Она внимательно на меня посмотрела.

Я также не отводил от нее глаз.

Я ожидал, когда она скажет: *«Дай мне пять минут, и я отвезу тебя в дом к твоему брату»*, в джипе «Чероки», который скорее всего был старше меня на пять лет.

Но она ничего не сказала. Вместо этого она поднялась со стула, обошла вокруг стола, придвинувшись ко мне. И протянула руку.

Я взял ее. *Как я мог не взять?* Она, фактически, протягивала мне спасательный круг, за который я, естественно, ухватился.

— Я не хочу, чтобы ты уезжал, Калев. Я бы хотела, чтобы ты остался и дослушал мой рассказ. Думаю, тебе стоит знать обо мне все, а потом ты сможешь сделать вывод — остались ли твои чувства прежними. — Она потянула меня вверх со стула. — Ты прав. С моей стороны было бы нечестно по отношению к тебе, указывать какие чувства должен испытывать другой человек. Прости, я не хотела тебя обидеть, когда сказала, что ты не можешь меня полюбить. Я не хотела тебя обижать, Калев. Ни за что.

Я позволил ей повести себя вверх по лестнице в спальню, где находилась моя сумка, которую я оставил ранее, когда она показывала мне коттедж.

Она сняла с себя рубашку, потом леггинсы. Бюстгальтер упал следующим, и мой член начал пульсировать. Я был полностью готов, как только ее трусики упали на пол. Я наблюдал за ней, как она обнажает свое тело и очень хотел, чтобы она обнажила передо мной свою душу. Почему мы всегда жаждем того, чего у нас нет?

Она подошла ко мне, и я позволил ей помочь снять с себя одежду, вещь за вещью, пока не оказался полностью голым, как и она.

— Знаешь, как легко я могла бы влюбиться в тебя, Калев?

— Нет. — Я покачал головой.

— Это требует некоторых усилий с моей стороны, но не значит, что это хорошая идея... для меня или для тебя.

Итак, эта дверь была закрыта не полностью. Хорошо, что теперь я знал об этом.

— Чего ты хочешь от меня, Брук?

Она улыбнулась.

— Я хочу, чтобы ты занялся со мной любовью в моей постели, а потом я расскажу тебе всю свою историю. После этого ты решишь, по-прежнему хочешь меня или нет.

Это честная игра, детка.

— Я согласен, но только если мы изменим последовательность. Сначала ты расскажешь мне свою историю, а потом мы займемся любовью. И кстати, я уже все решил.

Ее лицо вытянулось, а глаза прищурились.

— Я знаю, что ты делаешь. Ты думаешь, что все, что расскажешь мне, заставит меня изменить о тебе мнение, и уйти, и тогда ты сможешь наконец-то найти оправдание своей сраной абсурдной точки зрения, что недостойна моей любви.

— Возможно, — ответила она.

— Ну, детка, ты просто должна доверять мне, тогда и посмотрим, что получится. — Я улыбнулся на этот раз. — Пойдем в постель, а?

* * *

Итак, мы легли в постель. Голые, с голыми задницами, но не для траха.

Мы оба чувствовали легкое напряжение, до конца не отдавая себе отчета, как вписаться в жизнь друг друга. Я знал какое место она занимает в моей жизни, но она казалось была не

уверена, какое место я занимаю в ее. Секс был хорошим, но по-видимому любви не было. Как такое могло случиться, найти единственную женщину на земле, которая была мне просто необходима, и заставить ее поверить, что что она достойна моей любви?

Мое сердце е*банулось со всех сторон.

Я протянул руки и сгреб в охапку, поудобнее расположившись на кровати, она прижалась ко мне, и ее шелковистая кожа растворялась в моей. Я натянул на нас одеяло, поправил простыни, которые до сих пор хранили ее запах, и стал ждать...

Она рассказывала, а я слушал. Ее сердце разбилось давно, мое же разбивалось при каждом ею произнесенном слове.

— На самом деле, я из бедных районов, как вы говорите в Америке. Внебрачный ребенок, если быть точнее. Моя мама, когда училась в колледже, поехала проходить обучение на один семестр в Лондон. Там она встретила моего отца, Майкла Харви, и они очень быстро, безумно влюбились друг в друга. Она забеременела мной. Но мой отец был уже женат и у него была семья. Моя мать и я стали его тайной. Он любил нас и был неотъемлемой частью нашей жизни, но мы все время оставались позорной тайной, которую стоило строго хранить в секрете, потому что все было не просто. Он был депутатом, членом парламента, поэтому я не взяла его имя. Вот почему моя фамилия Кастерлей, как у моей бабули. У отца были деньги, и он хорошо заботился о нас, пока был жив... но когда он умер... Единственное, что я получила от него после его смерти, это университетское образование, потому что когда я родилась, он создал трастовый фонд на мое имя. Это было единственным, что его сыновья не смогли у меня отсудить, по всем документам фонд принадлежал мне. У меня есть двое братьев, но я никогда с ними не встречалась.

— Мои родители умерли, когда вместе были в отпуске, они по-прежнему очень сильно любили друг друга, впрочем, как и всегда. Все произошло настолько мгновенно, мгновенно закончилась моя жизнь в Англии, я еще до конца не отошла от шока, когда мне пришлось переехать сюда, к своей бабушке, единственному, оставшемуся в живых родственнику со стороны мамы. Поначалу было тяжело, но я привыкала и обживалась, и постепенно очень полюбила жизнь на острове. Я закончила среднюю школу и смогла определиться со своим местом в этом странном новом мире. Когда пришло время выбирать университет, я поехала в Саффолк, поскольку он был близко от дома и моей бабули. Я преуспела в своей специальности, студенческие годы были для меня счастливыми. Я ничего не хотела менять тогда в своей жизни, пока не встретила Маркуса. Я уже почти заканчивала университет и мне хотелось работать в одной из престижных фирм дизайнеров Бостона.

— Моя подруга Зоя, соседка по комнате, пошла со мной в бар, где мы выпили слишком много текилы, у нас не было чувства меры, чтобы остановиться. Маркус был в баре той ночью, и он не скрывал своей симпатии ко мне. Уверена, что он что-то подсыпал мне в коктейль, потому что я не помнила, как очутилась у него дома. Я была девственницей до встречи с Маркусом. Сначала он был очень внимателен ко мне, не знаю почему. Он был студентом юрфака, сдавал экзамен, был на восемь лет старше меня. Я так и не поняла, как все произошло, я вдруг стала с ним, он буквально стал одержим мной за одну только проведенную ночь. Он вдруг оказался в моей жизни, я никуда не могла от него скрыться, была слишком молода и слишком наивна, чтобы понять всю опасность, пока не стало слишком поздно.

— Я забеременела, и он потребовал, чтобы я вышла за него замуж. Мне явно не стоило соглашаться, но учитывая историю мамы, я согласилась ради ребенка. Он переехал к нам в

Калифорнию, заканчивать обучение. Я даже не успела толком отойти от выпускной церемонии, как очутилась в ЛА, где жила его семья, вот тогда и начался мой кошмар. У Маркуса было явное психическое отклонение, я уверена в этом, его странное поведение только ухудшалось с каждым днем, и моя беременность тоже этому способствовала. Он злился на самые обычные незначительные вещи, просто зверел, терроризируя любого, кто попадался ему на глаза.

— Его семья имела отношение к преступной деятельности, связанной с контрабандой оружия и других товаров черного рынка. Они использовали арендованные склады для хранения контрабанды, мне так кажется. Я старалась держаться от них подальше, насколько это возможно, но не всегда у меня получалось, он подмешивал мне наркотики, чтобы манипулировать и контролировать меня. Он говорил, что это обезболивающие, выписанные врачом... я даже не знаю, какие именно лекарства он мне давал, но они помогали мне заглушать весь этот кошмар, пока я жила с преступником-социопатом и ждала от него ребенка. Я не думала заводить ребенка, мне было всего лишь двадцать два года, я только вступила в новую жизнь, у меня было столько планов и надежд... а в результате оказалась беременной, с ужасным мужем и, ко всему прочему, еще и пристрастилась к наркотикам.

— Потом произошла автомобильная авария, и он погиб. Я находилась в коме в течение трех недель, потом пришла в себя. Как только моя голова просветлела от наркотиков, я поняла, что смогу отойти от них навсегда. Я до сих пор боюсь, что в один прекрасный день у меня на пороге появится отец Маркуса, и попытается заставить меня вернуться в Калифорнию, чтобы наказать меня за то, что я осталась жива, а его сын погиб. Или накажет за то, чтобы я никогда ничего не смогла рассказать полиции о них. На самом деле, не уверена появится ли он когда-нибудь, пытаюсь меня запугать или угрожая, но мне не хочется идти на такой риск, поэтому жизнь на острове имеет ряд своих преимуществ, здесь живешь изолированно.

— Как только я сказала руководству больницы, что со мной жестоко обращались в семье, они тут же помогли мне устроиться в женский приют в Сан-Диего. Это укрытие спасло мне жизнь, по существу это было тихое и спокойное место. Я нуждалась именно в таком убежище после целого года беспредела и хаоса. Я жила в приюте шесть месяцев, проходя уроки самообороны и набираясь сил. То, что я оказалась на волоске от смерти, похоже разбудило меня и я получила второй шанс на жизнь. В общей сложности восемнадцать месяцев я провела вдали от бабушки, но я уже говорила тебе раньше, новая цель, ради которой мне стоило жить, помогла мне двигаться вперед. Как только Нэн стала нуждаться во мне, для меня пришло время вернуться домой в Бостон, и вот я здесь.

— А потом ты встретила меня, — сказал я.

— Да, я встретила самого замечательного и терпеливого мужчину, который ни разу не заставил меня почувствовать себя жалкой или слабой. Этот мужчина говорил мне, что я смелая, умная и красивая. Он заставлял меня смеяться, а также плакать, но в моих слезах он не виноват.

— Ты тоже не виновата в своих слезах, Брук.

— Он делает меня счастливой, заставляя почувствовать себя в безопасности, и ведет себя как истинный джентльмен... постоянно...

Она дала волю эмоциям на последнем слове, поэтому я обнял ее одной рукой, а другой запутался в ее волосах, так мы и лежали, долго, и я представлял себе мир, где не было психов, похожих на Маркуса Паттена, и подобные ему не терроризировали невинных

девушек, у которых не было надежды на спасение и некому было им помочь.

С чего она решила, что рассказав мне всю свою историю, я мог изменить свое отношение к ней и мои чувства поменяются? То, что она рассказала, никак не могло изменить мое мнение о ней. Только в обществе, в котором я родился, в старой новой Англии, внимательно отслеживали все это дерьмо. Но, по крайней мере, сейчас был не 1890-й год, мать твою. Не знаю сколько бы я еще жил в этом легкомысленном мире, если бы жизнь не привела ко мне Брук, которая вернула меня в реальную жизнь, в которой она и жила. Мне пришлось немного потрудиться, но в голове у меня было полно отличных идей. Я хотел разобраться в них, но больше всего хотел набраться терпения, потому что именно этого и не хватало Брук, моего терпения.

Я повернул голову, найдя ее губы. Мне было необходимо поцеловать ее и целовать ее долго... мою драгоценную женщину, помогая ей понять, что она была для меня той единственной навсегда и так будет постоянно.

Когда я поцеловал ее, она ожила в моих руках.

Как Спящая красавица в гребаной сказке, моя красавица вернулась к жизни прямо в моих руках.

Глава 19

Брук

На следующее утро, когда я проснулась одна в постели, первое, что увидела на полу его открытую сумку, собранную для уик-энда. Кaleb не забрал свою сумку и не бросил меня. Он все еще был где-то здесь, пока солнечный свет прорывался через щелки в жалюзи.

И мне пришлось в очередной раз себя ущипнуть, чтобы понять, что я не сплю.

Kaleb настолько отличался от Маркуса. Также, как он отличался от любого другого мужчины, с которыми я была знакома. Он был очень терпелив и внимателен, и умел слушать. Кaleb был самым внимательным слушателем. Я не чувствовала с его стороны жалости к себе, никогда. Наоборот, он говорил мне, что я храбрая и умная. Он видел во мне что-то такое, что я сама не видела в себе, и теперь, видя его любящий взгляд, я хотела большего. Многие другие. Кaleb дал бы мне мир, если бы я позволила ему.

А в состоянии ли я позволить ему?

Я зарылась лицом в подушку, на которой он спал, пытаюсь уловить его запах. Подушка определенно пахла им, здесь присутствовали нотки специй его одеколona, а еще запах секса, который безошибочно был связан с ним. Много секса. Я представила, как он выглядел, провалившись в крепкий сон в моей кровати: без сомнения, с его забавной сексуальной прической с утра, с сильным большим телом, длинными руками и ногами, которые взяли в оборот меня вчера вечером, погрузив в состоянии покоя и релакса своим размеренным дыханием, заполняющим тишину.

Я знала, что с прошлой ночи во мне что-то изменилось и для меня это было чем-то большим.

Картинки Калеба у меня в голове говорили о верности и силе.

И сейчас я больше всего боялась его потерять, нежели раздумывать о любви.

* * *

Мне следует улыбнуться ему, как только он увидит меня этим утром, решила я, вставая с кровати и направляясь в душ. Мне обязательно стоит ему улыбнуться, особенно после ужасной истории, которую я поведала ему прошлой ночью. Почему он так сладко и нежно занимался со мной любовью после того, как узнал обо мне все? *Почему он захотел войти в мой мир?* Какой мужчина добровольно согласится испытывать мчащийся на него поезд, живя со мной?

Если только... он, действительно, имел в виду то, что говорил.

У меня никогда не было такой любви. Я никогда не сталкивалась с безусловной, бесстрашной любовью. Помимо Нэн. Но от мужчины? Неужели такое возможно?

Он что-то мне говорил про то, что готов снять с меня ужасную ношу страха, которую я испытывала, и сегодня я чувствовала такое облегчение. Если он на самом деле меня любит, после всего, что я ему рассказала, я, действительно могу *довериться ему*... по-настоящему.

Я вышла через заднюю дверь и направилась к высокой прибрежной береговой равнине. Возможно, эльф шептал мне на ухо, что Калев был где-то здесь, осматривая местность, и я смогла бы найти его там. Калев зря слов на ветер не бросал. *«У меня есть такая способность сделать это реальностью. Просто понаблюдай за мной»*. Он говорил именно то, что собирался сделать, и мне даже стало любопытно (я стала надеяться), может он действительно собирался прийти в мой мир со мной.

Я решила написать ему смс-ку.

Б: Где ты?

К: Я все еще здесь, детка. Ты скучаешь по мне?

Б: Всегда.

К: Где ты?

Б: Я за коттеджем.

К: Бери южнее, и ты встретишься со мной.

Мой Калев указал мне правильное направление.

Б: ОК уже иду.

Опустив телефон в карман, я отправилась на поиски своего мужчины. Моего мужчины. Да, я готова была утверждать, что он мой. Я не могла удержать его навечно, но сейчас в этом месте — он был однозначно моим.

Я обнаружила его через двадцать минут. Его трудно было не заметить. Сейчас я могла бы уже отыскать его в толпе, потому что настолько хорошо изучила его фигуру, поджарый и мускулистый, и высокий. Он был в темных джинсах и черной рубашке хенли, пальто нараспашку. И для меня, как всегда, он выглядел абсолютно восхитительно. *«Он сказал, что любит тебя»*.

Но мой Калев был не один. Рядом с ним был какой-то мужчина, показывающий в сторону полей, словно знакомя Калева с островом. Мое сердце забило сильнее, когда я подошла к нему. Должно быть, он почувствовал мое приближение, потому что повернулся в мою сторону. Его лицо освещалось одной из *его великолепных улыбок*, он протянул руку, подзывая меня к себе.

Как я могла *не влюбиться* в этого мужчину?

Он привлек себя к себе, крепко обхватив рукой и прикоснулся губами к моей щеке. Я почувствовала, как он вдохнул, прижавшись к коже. Я поняла, что он делает, так как поступала точно также при каждом удобном случае. Запах любимого был настолько мощным, что обладал успокаивающим действием. В данную минуту Калев вдыхал мой запах, стоя перед незнакомцем. Посторонним было незаметно, они видели только приветственный поцелуй в щеку, но для меня это было о-о-очень-интимным.

Я улыбнулась ему именно той улыбкой, которую сама себе пообещала. В его глазах я заметила искры счастья, в них не было не требований, не боли, которую я наблюдала прошлой ночью... только любовь. По крайней мере, могу сказать, что в моей голове сейчас было тоже самое, но не безумная любовь. А любовь, к которой я придвигалась маленькими

шажками.

Он представил меня Ашеру Вудроу, с которым лично я никогда не встречалась, но слышала о нем от местных жителей. Ашер выглядел внешне довольно сурово, немного задумчивым и был вежлив, статный мужчина. По-видимому, Кaleb и Ашер вместе были бойскаутами, но с годами связь оборвалась. Он владел аэропортом острова Блэкстоун, а также вертолетами, которыми сдавались в наем и курировали между материком и островом. Я с удовольствием наблюдала за заключением их разговора по поводу вертолетной площадки, которая будет недалеко от аэропорта и будет напрямую связана с вертолетной площадкой Blackstone Global Enterprises, находящейся в самом центре города. Сейчас Кaleb был полон для меня сюрпризов, у него имеется не только вертолет, но личная вертолетная площадка в Бостоне.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

И просто так, когда моя симпатия к нему двигалась *маленькими шажками*, она вдруг с разбегу нырнула в глубь. Настолько глубоко, насколько существует бездна между его миром и моим.

Мои действия никак не могли изменить его желание, быть в моем мире вместе со мной. Как такое может быть? Ведь любая женщина хотела бы, чтобы Кaleb выбрал ее? Я до сих пор не понимала, почему такой мужчина, как он, был рядом со мной, почему он выбрал меня. Почему? И что насчет женщин в его прошлом?

Я боялась, что я никогда не смогу принадлежать миру Калеба.

Попрощавшись с Ашером, мы двинулись обратно по тропинке рука об руку, наслаждаясь потрясающим видом осеннего солнца над темно-синей водой, маяком, стоящим у скал. Мне очень нравился прекрасный вид на океан, открывающийся с острова.

— Что ты делал в такую рань? — спросила я с любопытством.

— Я хотел исследовать южную часть острова и взглянуть на доступную здесь землю, которую можно купить. — Он не произнес ничего лишнего. Кaleb сказал именно то, что он хотел предпринять и сделать.

— Я удивлена... я надеялась, — ответила я, повернувшись к нему.

Он остановился и прижал меня к своей груди, пока мы стояли и смотрели на море, пересекающийся с линией горизонта, сливаясь в сплошную синеву. Я вдыхала его мужской пряный аромат и пыталась понять всю прелесть, которую ощущала рядом с Кalebом. Он был честным и открытым, добрым во всех отношениях... для меня.

— Когда я начну здесь строить дом, ты не будешь на меня злиться?

Меня накрыли эмоции. Я опять развалилась на сотню кусочков, зарывав в его сильную грудь.

— По-жа-луйстаааа, никогда не сердись на меня, Каааа-леб.

Он удерживал меня в своих объятиях и гладил рукой мне волосы. Кaleb уже понял, что я плакала от счастья, не от горя, по крайней мере, так и было. И он не ринулся от меня на утек. Я за прошедший вечер дала ему уйму поводов, но он продолжал оставаться со мной. Хотя для него это было настоящей пыткой. Мужчины не любят слезы и эмоциональные срывы. Как он все это выдерживал? Я с трудом держала себя в руках, когда у меня накатывали слезы. Но Кaleb по-прежнему держал меня в своих объятиях и проявлял свою заботу и понимание.

— Я хочу с тобой кое-о-чем поговорить. Мы можем присесть? — тихо спросил он меня. — Мы можем постелить мое пальто вместо одеяла на траву. Отсюда такой отличный вид,

нам стоит им наслаждаться, пока погода хорошая.

— Да, я не хочу отсюда уходить, — ответила я, прижавшись щекой к его груди, смотря на море, но мне не хотелось отлипнуть от его груди.

Он разложил свое пальто и сел, усадив меня между ног перед собой, чтобы я смогла опереться на него спиной. Окруженная его руками и теплом, паника, появившаяся несколько минут назад, оставила меня. Она испарилась, как будто ее никогда и не было.

— Я рано проснулся и провел некоторые исследования.

— Ты разузнал продается ли здесь земля, чтобы смог построить дом? — спросила я.

— Да и нет. Насчет недвижимости я заинтересовался позднее. Сегодня утром я хотел узнать о причинах внезапной сильной эмоциональной реакции, в частности, слез.

— Ой, — у меня сердце забилось сильнее. — Ты, наверное, увидел мое фото, как только в строке поиска набрал «слезы» в Google?

Он рассмеялся.

— Прости, но это смешно.

— Я рада, что ты так думаешь. Это прекрасно, что я могу спокойно с тобой над этим посмеяться. — Я резко замолчала. — Иначе я начну плакать.

— Нет, я не увидел твоей прекрасной фотографии, но зато нашел массу всего интересного.

— Расскажи, — я не могла предположить, что мои эмоциональные срывы подвержены лечению.

— На сайте, который я отыскал, было написано, что это одно из самых скрытых неврологических расстройств — называется аффективная лабильность, АЛ.

— У него даже есть название?! — Я была в шоке.

— Давай, я прочитаю тебе то, что написано на самом сайте. — Он что-то вбил в телефон и начал читать:

— Люди, страдающие аффективной лабильностью, подлежат неконтролируемым приступам плача или смеха, без на то очевидной причины. В настоящее время точные причины заболевания до конца не выяснены, но, скорее всего они связаны с травмами нервных окончаний в коре головного мозга, которые отвечают за эмоциональные реакции. Такое явление часто наблюдается у пациентов с заболеваниями — болезнь Шарко, рассеянный склероз, болезнь Альцгеймера, болезнь Паркинсона и пациентов, у которых были *травмы головного мозга*, — с ударением произнес он.

— Травма головного мозга..., — выдохнула я.

— Дай, мне закончить последний абзац, — мягко, но настойчиво добавил он. — В некоторых случаях, пациент с АЛ имел черепно-мозговую травму, о которой он или она даже не были в курсе. Одна из главных причин, отличающих АЛ от депрессии, заключается в том, что эмоциональные всплески носят непредсказуемый характер, очень быстротечны, длятся от несколько секунд до минуты и могут происходить несколько раз в день. Они требуют много энергии от пациента, чтобы держать себя в руках. — Он сжал мне плечо. — Ты была права, Брук, у тебя нет депрессии, потому что, по крайней мере, я этого не вижу. Но у тебя была серьезная травма головы, — сказал он, дотрагиваясь кончиком пальца до рубца на линии роста волос.

— Я находилась в коме в течение трех недель... мой мозг решил выбрать отдых после черепно-мозговой травмы. Авария... я поняла, что со мной что-то произошло. Я почувствовала, что стала другой, но я не стала вникать в свое состояние, посчитав, что это не

столь важно. Плюс, я была так благодарна, что осталась жива, когда так легко могла погибнуть, я не стала заикливаться на том, что мои нервные всплески стали более эмоциональными и частыми.

— Есть еще кое-что.

Я замерла.

— Я боюсь даже надеяться, что есть какое-то лечение без хирургии и скальпеля.

Он снова рассмеялся и поцеловал меня в макушку.

— У тебя прекрасный и гениальный мозг, Брук Кастерлей. Ты можешь придумывать такие умные ответы. Должно быть это за счет твоего английского остроумия.

— Может и так, а у тебя красивое и блестящее сердце, Калев Блэкстоун. Ты творишь волшебство, я даже не могла себе представить, что такое возможно. Должно быть это все твой американский оптимизм.

Он зажал меня в свои объятия и проговорил мне в губы.

— Существует лекарство, которое позволит твоим эмоциональным вспышкам быть реже.

— Потрясающе.

— Когда ты созреешь, я хочу, чтобы ты встретила со специалистом в городе. Ты сделаешь это ради меня?

— Да. После окончания свадьбы, я встречу с ним. — Я чувствовала тепло его губ, находящихся так близко от моих. — Я также хочу это сделать и для себя.

— Спасибо, детка.

Потом он основательно меня поцеловал и еще раз доказал, и показал, насколько далеко его красивое и блестящее сердце может пойти.

Глава 20

Калёб

Брук, бл*дь, была такой прекрасной, стоя передо мной на коленях и обхватив своими губами мой член. Настолько прекрасной, на самом деле, что у меня чуть ли не выгорела роговица от взгляда на нее. Да, я явно ослепну, но при этом буду чувствовать себя в полной эйфории, и у меня на лице будет расплываться безумная улыбка, когда весь мир для меня окупается во мрак.

— Детка... аааа... это потрясающе. Господи..., как хорошо. — Я удерживал ее голову, направляя, пока она до основания брала мой член снова и снова. Находиться внутри нее, без резинки, это было что-то потрясающее. Она дотронулась рукой до моих яиц, покатала их в руке, и я почувствовал, как они напряглись.

— Я кончу тебе в рот, если хочешь... или же сию минуту остановись, — прорычал я, полностью теряя свой контроль. Я перестал удерживать ее голову и схватился за свои волосы, сжав кулаки, словно собирался содрать с себя скальп.

— Аааа... мать твою! — я запрокинул голову назад, как только почувствовал волну оргазма.

Но она не собиралась останавливаться.

Она не стала лизать мой член.

Нет, она достигла задней части своего горла и забрала каждую каплю моей спермы, вперев свой взгляд в меня, пока я кончал ей в рот. Это был идеальный интимный момент и щедрости от нее по отношению ко мне... почти. Потому что, хотя я понял, что нужно быть к ней более терпеливым, я сожалел об одном.

Она была не готова услышать от *меня слова любви*. Я же готов был произнести эти слова в тот момент, когда наши взгляды встретились... я, однозначно, любил ее.

Я поднял ее с коленей и усадил к себе на колени, прижимая ее грудь к своей груди, когда она обхватила меня своими ногами за бедра. Она прижалась ко мне, уютно устроившись в моих объятиях, и я вдыхал ее пьянящий аромат. Ее волосы напомнили мне о поле полевых цветов, тянущихся к солнцу, а ее кожа источала цитрусовый запах. Может, это были духи или лосьон, которым она пользовалась, но цитрусовый аромат навсегда стал связан с ней.

Цитрусовый запах перемешивался с землей, с семенами, которые бросали в эту землю, я был просто насыщен этим запахом.

И тут у меня возникли мысли пещерного человека, и я полностью сосредоточился на себе. Умом я все прекрасно понимал: «Моя женщина... пробралась мне под «мой мех»... в моей пещере... и мы сейчас трахаемся» с Брук. Она превратила меня в одного из тех созданий, которые хотят видеть свою самку обнаженной, вылизывая ее целый день. Первоначальный животный инстинкт был именно таким для любого мужчины, но потом мы научились контролировать свои инстинкты. Но оставаясь наедине с женщиной, которая чувствовала то же самое, инстинкты просыпались, оживляя наши самые грязные фантазии, давая полное раскрепощение. Брук вызывала во мне именно такой животный инстинкт.

Постоянно, в этом я был полностью уверен... так, как с ней, я не чувствовал себя ни с кем.

Я вернулся с ней в коттедж, сгорая от желания. Мы даже не успели перебраться в

гостиную на диван. Мы не могли сдерживаться, потому что с нами что-то происходило... наши тела требовали, чтобы мы в сию же секунду соединились физически. Сомнений не было, с моей стороны, это было первобытное желание. Мне хотелось трахать ее каждый день всю оставшуюся часть моей жизни. Я понимал, что это абсолютно безумная мысль, которая поселилась у меня в голове, но я чувствовал эту животную необходимость, как только мы оставались наедине, мне необходимо было дотронуться до нее. Я по-настоящему жаждал увидеть ее радостной и довольной, проявляя свою заботы, отчего получал несказанное удовольствие, улаживая ее, холя и лелея. Особенно после прошлой ночи, когда она обнажила передо мной свою душу. Она прошла через огромное испытание и почти потеряла вкус к жизни. Я не собирался давить на нее, заставляя двигаться быстрее, пытаюсь заставить ее забыть свое прошлое, всему свое время, решил я.

* * *

— Как ты относишься к контрацепции? — настала моя очередь задать этот вопрос.

— Я двумя руками «за», — ответила она со свойственной ей остроумной дерзостью, исподтишка схватив меня и повалив на бок. Отчего у меня вырвался какой-то звук, больше напоминающий свист, прежде, чем я успел взять себя в руки и не показывать, что она застала меня врасплох.

— Ох, ты решила меня защекотать, красавица. — Смеясь, произнес я, подыгрывая ей, прижав к дивану одной стороной, и отрываясь в щекотке по ее ребрам. Она заливалась смехом и корчилась, пытаюсь выбраться из-под меня, но безрезультатно. А мои внутренние инстинкты пещерного человека получали полный кайф, разглядывая ее идеальную покрасневшую грудь, готовые к следующему раунду, бл*дь.

— Нееееет! Каааалееееб, прости, что начала первая... я... я не хотела... защекотать тебя.

— Нет?! Ты уверена, что хочешь, чтобы я прекратил тебя щекотать, детка?

— Я хочу, чтобы ты прекратил... мы можем поговорить, — умоляюще произнесла она.

Я тут же передвинул свою руку с ее ребер между ее ног и вошел пальцами в ее скользкие складки.

— Ах, ты уже мокрая для меня. — Я кружил пальцами внутри ее киски и наблюдал за ее реакцией. Она ожила, начала двигаться в такт, ее глаза загорелись страстью. — Я так хочу оказаться внутри тебя, чтобы между нами ничего не было. Я хочу тебя, Брук.

Я опустил губы на ее и погрузил глубоко язык ей в рот, утверждаясь в ее податливой открытости также, как мне хотелось погрузить свой член в то место, где утопали мои пальцы в ее влажном жаре в данную минуту. Я согнул внутри пальцы и отыскал то местечко — точку G. Мой язык находился полностью у нее во рту, а пальцы в ее киске — полностью моя в данную минуту. Я чувствовал себя ох*ительным пещерным человеком со своей женщиной под собой.

Это был несопоставимый опыт ни с чем.

Она стонала мне в рот и сжимала внутренние стенки киски вокруг моих пальцев, двигаясь все ближе к кульминации. Я чувствовал ее накачивающие спазмы. Я слышал ее прерывистое дыхание от удовольствия, когда она стала кончать. Я вкушал и вдыхал ее сладость. Она с трудом пыталась отдышаться, спускаясь в высоты оргазма, я прикусил и

провел зубами по ее нижней губе. Мне нравилось, как ее тело обмякло и стало таким податливым в моих руках, пока я удерживал ее в своих объятиях — это было слияние тела и духа.

Я перекатился, уложив ее сверху и накрыл одеялом, висевшем на спинке дивана. Я мог бы отнести ее наверх в спальню и уложить в кровать, но я не хотел прерывать этот момент. В нем было что-то особенное и не хотелось двигаться.

— Калерб? — тихо позвала она своим мягким голосом, спустя несколько минут.

— Да, детка?

— Я была только с Маркусом... до тебя... и с ним даже близко не походило на то, что происходит с тобой. Я даже не могла предположить, что секс может быть таким приятным и умопомрачительным, пока ты не показал мне это. Я слышала рассказы, конечно, но никогда такого не испытывала. Я хотела бы, чтобы ты знал об этом. — Она подняла голову и уперлась подбородком мне в грудь, чтобы видеть мои глаза. Она улыбалась. — И я хотела бы поблагодарить тебя за исцеление этой моей части, которая очень сильно в этом нуждалась.

Ее слова, словно выпотрошили меня, с одной стороны, они были прекрасными, но было за что стыдиться. Конечно, прекрасно чувствовать себя единственным, кто смог дать Брук сексуальное удовольствие... впервые, но ужасно стыдно за того парня, бесчисленное количество раз, вставляющий в нее свой член, и видя в этой женщине всего лишь предмет, чтобы получить собственный оргазм. Тут явно нечем было гордиться. И я не хотел об этом говорить.

Поэтому прочертил путь своим пальцем от уголка ее глаза вниз по щеке, к ее губам, а потом сказал:

— Брук, я чувствую тоже самое, ты, в свою очередь, исцелила меня. — Она с сомнением отрицательно покачала головой. — Да, да, я имею в виду именно то, что говорю. Это сто процентная правда. Я был со многими, но никто не заставлял меня чувствовать себя так, как это делаешь ты.

— Так хорошо? — мечтательно спросила она.

— Похоже нам стоит более усиленно работать над исцелением друг друга.

— Аааа... *Sexual Healing* должна стать нашей песней?

— Точно. Ты всегда так остроумна, детка.

— Это только с тобой, потому что тебе это нравится.

— Ты права, думаю, ты имеешь полное право подтрунивать надо мной. — Я притянул ее голову, чтобы поцеловать, мысленно подготавливая себя перейти к вопросу, который, на самом деле, я не очень хотел обсуждать. — Я хотел бы, чтобы ты знала, что перед тем как я встретил тебя, встречался кое с кем. Она оставила меня в сомнении по поводу ее намерений и ее эмоциональной устойчивости, когда ушла. Хотя мы всегда предохранялись, я все-таки сдал анализы сразу же, как мы расстались. Я чист. Я бы никогда не предложил тебе вступить со мной в связь, если бы сомневался в себе, Брук. Ты можешь довериться мне.

Несмотря на то, что мне было неприятно вспоминать о Дженис, даже в прошедшем времени, я решил, что лучше я сам все ей расскажу, поскольку весь Интернет был завален уймой моих фотографий и всевозможных историй. Если Брук захотела бы узнать о Дженис и других, с кем я раньше встречался, в Интернете можно было найти множество фоток, наряду с некоторыми сплетнями, где я был, с кем и с какой целью. Скорее всего, она уже их видела. Я надеялся, что Брук поняла, что в большинстве своем это полное дерьмо. Такой вид прессы мне совершенно не нравился, репортажи папарацци, основывались только на моем имени и

личном состоянии. Почему никто не хотел увидеть фотографии мужчины, с большим трудом зарабатывающем свои центы, вместе со своей девушкой, отправившихся на свидание. Всего лишь только один раз я был благодарен прессе за «чистую», как родниковая вода, статью о Blackstone Global, вливающей средства в фермерское хозяйство третьего мира, где я «отфошопленный» стоял на фоне деревни. Я не задержал дыхание от восторга, но это было чертовски хорошо для разнообразия.

— Я знаю, что могу доверять тебе, Калев Блэкстоун. — Она протянула руку и провела по моему лицу. Я подумал, знает ли она, что я полностью становлюсь ее пленником, стоит ей только дотронуться до меня. — Итак, про противозачаточные... — Она провела пальцем по моей нижней губе, и я всеми силами пытался не взять ее пальчик в рот и не начать сосать. — Прежде чем я покинула свое убежище, они предложили мне пройти определенный тест, я сдала. Доктор выдал мне рецепт на таблетки. Я так их и не купила, потому что была не готова к случайному сексу. Я не была готова ко многим эмоциональным вещам, когда вернулась в Бостон. Мне необходимы были пять месяцев, чтобы найти работу и заботиться о Нэн, открывая для себя что-то новое. Но все это было до того, как я встретила тебя, Калев. Не могу отрицать, что после встречи с тобой, все стало несколько другим. *Я хотела быть с тобой.* Я чувствовала, что с тобой мне будет хорошо, и я смогу смело доверить тебе свое тело и сердце. Я воспользуюсь рецептом и начну принимать таблетки. Мы будем защищены, когда ты вернешься из Абу-Даби.

Она бросила на меня встревоженный взгляд, я молчал довольно-таки долго, а потом прижался к ее руке у себя на щеке.

Думаю, я был слишком занят, еще больше влюбляясь в нее, чтобы что-то отвечать.

* * *

Black Bay Club был расположен прямо на скалах, с видом на залив, с милями ухоженных зеленых лужаек, которые так ценятся гольфистами всего мира. Гольф был любимой игрой моего отца, но не моей. Я не перекрыл поток непомерно высоких сборов в его частный гольф-клуб после того, как он умер. Никогда не можешь сказать, когда это членство может принести свои плоды, и сегодня, будучи членом Black Bay Club, представился случай воспользоваться своей привилегией, в результате я получил столик на ужин с Брук, перед моим вылетом в Абу-Даби около полуночи. Все два дня она готовила и кормила меня, сейчас я настоял сделать перерыв.

Мысль о том, что я оставляю ее на острове, мне оказалось принять немного легче, нежели мысль, что она останется в Бостоне. Она сообщила, что взяла неделю, чтобы помочь своей бабушке выписаться из центра и обустроиться на новом месте. Я не мог отрицать, что был несказанно рад, что большую часть своей деловой поездки, моя девочка будет в полной безопасности на острове. Я не хотел, чтобы пресса пронюхала про мои отношения с Брук. Но я знал, что рано или поздно это случится, но надеялся, что когда это случится, я смогу ее защитить и оградить от пристального их внимания. Папарацци еще те мудаки, да именно мудаки. Они постараются как можно больше отрыть «грязного белья» и выставить на всеобщее обозрение всему миру, лишь бы поднять рейтинг своих изданий. Я не хотел, чтобы она испытывала боль от их «толстокожести», выставляя ее прошлое на всеобщее обозрение,

или как она проводила свою жизнь, пока мы не встретились.

— Ты мне ничего не рассказывала о своем выборе профессии. Что вдохновило тебя стать дизайнером интерьера?

— Я просто подумала пойти по стопам моей мамы.

— Как так?

— Ну, она посещала Университет Саффолка, когда училась в колледже и изучала дизайн. Я рассказывала тебе, как она познакомилась с моим отцом, когда обучалась семестр в Лондоне.

— Да, я помню. — Я видел фото ее родителей в коттедже. Ее мать выглядела как Брук, но версия 1990-х годов... та же красота, легко узнаваемая, видно являлась их общей чертой. — Ты сказала «сначала».

— Да, мне нравилось изучать то же, что изучала моя мама, даже ходить в один институт. Это давало мне возможность почувствовать себя ближе к ней, словно у нас было что-то общее, что нас как-то связывало. — Она потерла с левой стороны шею сзади, ее жест заставил меня немного напрячься, поскольку я заметил его, с того места, где сидел. Я не заработал бы свои миллиарды, если бы не умел считывать людей в течение многих лет. — Я люблю свою работу. Действительно наслаждаюсь, создавая идеальные дизайны для клиентов, — сказала она.

— Почему-то я слышу «но» в конце этого заявления?

Она застенчиво, мило улыбнулась.

— Ты наблюдателен, Калев.

— С тобой, дорогая, даже больше, чем обычно. — Это была правда. Я хотел узнать о ней все. — Итак, если бы теперь у тебя был выбор, что бы ты выбрала?

Она ответила моментально.

— Я бы предпочла быть Марни Коул.

Я подался вперед, ожидая от нее объяснений, пребывая в уверенности, что это будет интересная история.

— Когда я впервые попала в приют для женщин в Сан-Диего, я еще не отошла от шока. Я продолжала оплакивать потерю своего ребенка. Я назвала ее Софья. Я даже не знала, что она была девочкой, потому что до аварии, так и не сделала УЗИ во втором триместре беременности, когда можно уже определить пол ребенка, если он не будет перебирать ножками. — Ее глаза стали стеклянными, но я молчал. Я был заворожен ее рассказом и хотел услышать продолжение. — Несмотря на то, что в столь молодом возрасте, я не планировала стать матерью, я по-прежнему чувствовала связь со своей девочкой, и это было... тяжело... отпустить эмоционально, особенно когда ее больше у меня не было.

Я потянулся через стол и взял ее за руку.

— Я ни с кем не хотела разговаривать. Как я уже говорила, я всего лишь хотела найти спокойствие, особенно от всех мыслей и бардака, который творился у меня в голове. Когда у тебя не переставая крутятся ужасные мысли, успокоение становится бесценным даром.

Я повернул ее руку кверху ладонью.

— В приют приходили волонтеры и делали, то, что было необходимо. Кто-то помогал на кухне, готовя еду, кто-то предлагал профессиональные консультации или юридическую помощь, другие составляли бухгалтерский баланс или работали на телефонах, обычно волонтеры добровольно тратили свое время, работая почти полный рабочий день, делясь тем, что уже умели сами. И в приют приходила женщина, ее звали Марни, и она была

садоводом. Я узнала, что она сертифицированный мастер садовод, в ходе ее занятий. Она приходила в приют и передавала свою магию работы с цветами. Будучи уроженкой Сан-Диего, где урожайный сезон длится почти целый год, а погода редко оставляет человека дома, Марни приходила часто. Как только я переехала в приют, я жаждала познать мир, лишившись которого фактически больше года, я сразу же погрузилась в садоводство. Я сидела среди цветов и мои физические и эмоциональные раны постепенно заживали... это была моя тайная спокойная гавань. Красивый сад с цветами, где не слышалось криков от бессмысленного бешенства, и никто не получал извращенное удовольствие, запугивая меня.

Я стал чертить линии пальцем у нее по ладони.

— Марни не расспрашивала меня о моем прошлом. На самом деле, она не очень-то со всеми общалась. Марни была в своей собственной спокойной гавани, и приют как бы добровольно помогал ей. Однажды она просто протянула мне садовый совок и указала на сорняки, которые нужно было прополоть, именно тогда я, действительно, начала свой путь исцеления. Чем больше я проводила времени в саду с Марни, тем больше мы узнавали друг друга. Я узнала, что у нее есть муж, детский хирург, что она живет в прекрасном доме в Ла-Хойе с собаками, а также на заднем дворе у нее есть пруд с золотыми рыбками. Она рассказала мне о своем сыне Филиппе. Он был единственным ребенком, всей ее жизнью, он погиб в автокатастрофе за неделю до Рождества в возрасте двадцати лет. Все произошло в пятницу, когда школьников отпустили на зимние каникулы, поэтому водители были нервными, Филипп выехал на шоссе по дороге на работу. Водитель грузовика с доставкой, чтобы успеть до дедлайна, не глядя перепрыгнул с одной полосы на другую и уничтожил единственного сына Марни в мгновение ока. Он умер.

Я начертил сердце три раза у нее на ладони.

— Марни рассказала мне насколько потерянной она была достаточно долгое время. Она подседала на наркотики, чтобы заглушить голоса, появившиеся в ее голове и мысли, она пристрастилась. Ее нашли блуждающей по улицам, одетой в одежду наизнанку под кайфом, не помнящей, что было несколько дней или недель назад. Муж положил ее в частную клинику, и со временем она пришла в себя и смогла вернуться домой. Марни повезло, у нее были средства, чтобы оплатить профессиональную помощь, в которой она так нуждалась, и муж, который сильно ее любил, делая все, чтобы ей помочь.

Я медленно выводил у нее на ладони — ТВОЙ.

— Как только Марни вернулась домой, она стала волонтером в приюте в Сан-Диего. Она сказала, что ее работа здесь помогла ей больше, чем что-либо. Волонтерство дало ей цель, благодаря которой она могла прожить свой остаток жизни без Филиппа, делая мир краше для других. Я согласилась с ней. К тому времени я уже поделилась с Марни, что хотела найти единственное место, спокойную гавань, и таким местом оказался ее прекрасный сад. — Брук подняла свои золотые глаза на меня. — Я понимаю, что мой ответ был очень длинным на твой вопрос, но я надеюсь, что ты не устал слушать мой бред. Я никогда этого никому не рассказывала.

Я нарисовал еще одно сердце у нее на ладони и увидел ее улыбку.

Она получила меня с потрохами.

Я люблю ее.

— Я люблю твое сердце, Калев.

Глава 21

Брук

Лукас жил примерно в миле от Black Bay Club, куда Калеб водил меня ужинать. Калеб попросил Лукаса доставить его на своем вертолете обратно в Бостон, чтобы он смог еще один вечер провести со мной. Это был очень милый жест от моего мужчины, который открыл мне свой секрет, что на материк он может попасть за пятнадцать минут на своем *чоппере*, как он его называл. Я даже сейчас не удивлялась. Братья Блэкстоун устроили перепалку чей вертолет был лучше. Богатые мальчишки и их игрушки...

Припарковавшись перед домом, я разглядела фигуру в сумраках. Сходство в фигуре и размерах было заметно даже в темноте, я поняла, что это Лукас. Я слышала о его шраме от подруги моей бабушки Сильвии, которая убиралась у него в доме. Сильвия хорошо о нем отзывалась, несмотря на то, что для местных жителей из-за своей склонности к уединению, он по-прежнему оставался загадкой. Лукас Блэкстоун мог позволить себе уединение на острове, что собственно он и делал.

Калеб представил меня Лукасу, не могу сказать, какой прием я ожидала от его брата, но меня удивило насколько тепло он меня принял. Лукас был одним ростом и такой же поджарый, мускулистый, как и его старший брат, с темными волосами и широкими плечами. Он был похож на Калеба своими чертами лица и даже мимикой, когда говорил, но на его правой щеке (от уголка глаза к уху и дальше вниз по шее, исчезая за воротником рубашки) был шрам. Его глаза тоже были необычными, напоминали глаза Калеба, но не совсем. Один глаз Лукаса был зеленым, а правый глаз был коричневым. Генетическая аномалия, но ужасно красивая. Кроме того, его шрам не уменьшал его красоты, на мой взгляд. Мне даже казалось, что скорее всего он делал его еще более привлекательным для женщин. Я задалась вопросом, что же такое с ним произошло. Несмотря на это, младший брат Блэкстоунов был не Квазимодо, вынужденный жить на острове в уединении, остро нуждающийся в навыках общения. Нет, с навыками у него было просто все великолепно.

— Приятно с вами познакомиться, Лукас. Я столько хорошего слышала о вас от Сильвии. Она вас просто обожает.

— Аааа, ну я счастливый человек, потому что она балует меня чрезвычайно. Приятно познакомиться, Брук, официально, если можно так выразиться. — Он вручил мне свою визитную карточку. — Мой сотовый. Если тебе что-нибудь понадобится, пожалуйста, не стесняйся звони. Я на острове девяносто процентов всего времени.

Я наклонила голову.

— Калеб поручил тебе присматривать за мной, пока он будет в отъезде, да, Лукас?

— Эммм... — он замялся, посматривая на брата и меня.

— Все отлично, Лукас. Я не буду вымещать на тебе свой гнев, — сказала я, с раздражением поглядывая на Калеба, который принял свое лучшее выражение лица, заставляющее меня просто растекаться лужицей перед ним.

— Ну, в таком случае, да, Брук, но, для меня это честь, ничего больше. — Лукас показал мне свое собственное выражение лица Шарма Блэкстоунов в виде искренней улыбки. Эти мужчины были очень хороши в очаровании женщин всех возрастов, я бы так сказала. Очень, очень хороши.

Должно быть сказывался отличный генофонд.

— Спасибо, Лукас. Это очень любезно. — Я засунула его визитку в карман.

— Я пойду заводить мотор, бро, и дам тебе минутку. Брук, скоро увидимся. — Лукас поцеловал меня в щеку, потом направился к огромному вертолету и забрался внутрь.

Калев подождал, пока Лукас отойдет, чтобы нас не слышать, а потом спросил:

— Ты злишься на меня, что я попросил своего брата присматривать за тобой?

— На самом деле, мне потребуется время, чтобы привыкнуть, — честно ответила я.

— Ты можешь доверить Лукасу свою жизнь. Если тебе что-нибудь понадобится, неважно что, ты должна позвонить ему. Ты сможешь это для меня сделать, детка?

Он обнял меня и прижал к себе, и я глубоко вдохнула, почувствовав запах его одеколона.

— Я все поняла, если что, я ему позвоню. Это так приятно, что ты так заботишься обо мне.

— Это единственный способ, почему я могу оставить тебя и не сойти с ума от беспокойства.

— Я до конца недели буду здесь занята, а в понедельник вернусь на работу в город. Тебе не стоит обо мне беспокоиться, только скучать. — Я потянулась к нему, чтобы поцеловать.

Он обхватил ладонями мое лицо и притянул к себе.

— Первое невозможно, а второе — определенно буду, — сказал он, прежде чем глубоко поцеловать меня, его вкус какое время сохранится у меня во рту.

— Моя личная ассистентка Виктория Блэрни передаст тебе ключи от пентхауса, поэтому ты можешь начать свой проект. Я вернусь через неделю, и был бы счастлив, если бы ты осталась со мной, я хотел бы показать тебе ночью, как сильно скучал по тебе, пока не был рядом с тобой.

— Да? Ты планируешь мне это продемонстрировать? — Я ничего не могла с собой поделаться, но мне нравилось подшучивать над ним.

— Однозначно. Я буду демонстрировать тебе снова и снова, как сильно скучал. На самом деле, на это уйдет вся ночь. Я бы посоветовал тебе в четверг отпроситься с работы, если бы был на твоём месте, думаю на следующий день, мы не сможем встать с постели.

— Понятно. — Я положила руку на правую сторону его груди и почувствовала стук его сердца. — Я помню, как мы хорошо отдохнули в среду после ужина.

Поддразнивания для меня было единственным способом проводить его в полет без слез. Конечно, теперь я не столь часто впадала в неожиданные слезы или смех. Слава Богу. Но мне казалось, что я готова была расплакаться. Я потеряла свое чувство юмора с Маркусом. Это напоминало, словно он выключил свет внутри меня, чего я никогда не позволю никому, сделать это снова со мной. Я стала сильной, может и трудным путем, но все же стала и сейчас я снова искала радость. Потому что со мной был рядом нежный, внимательный, любящий мужчина, по которому я ужасно буду скучать в ближайшие семь дней.

Прими это, дурочка. Ты уже влюблена в него.

* * *

Лукас дал мне три дня, потом позвонил сам.

Я как раз привезла последние коробки с вещами Нэн в дом Германа и была вся на

эмоциях, поэтому это было идеальное время.

— Брук, я могу пригласить тебя на ужин сегодня вечером? Мы можем поговорить о политике, религии и деньгах, чтобы не чувствовать себя неловко и неудобно, прежде чем перейдем к нелепым историям из детства Калеба.

Я засмеялась над его словами, понимая, что отвечу утвердительно по нескольким причинам. Я понимала, что Калеб будет рад, и меня разбирало любопытство по поводу его семьи.

— Ну, Лукас, когда ты соблазняешь меня подобным образом, у меня просто не остается выбора, кроме как принять твоё приглашение. Я буду около шести часов, и мне нравится сладкое вино, в самом внизу винной шкалы.

Лукас подждал меня с бокалом сангрии и большим количеством разнообразного меню доставки на выбор, когда я прибыла к нему домой. Я сделала глоток вкусного, фруктового вина и наложила вето на меню еды на вынос. Вместо этого, я попросила его показать свою кухню, и обнаружила там две столешницы (по одной для каждого из нас), после чего объявила, что мы приготовим что-нибудь гораздо лучшее, чем все, что сможем заказать. От этого почувствовав себя как дома, я отправилась в его кладовку, порылась в запасах, задала несколько вопросов о пристрастиях в еде или ограничениях, и мы остановились на салате и феттучини Альфредо с курицей.

К тому времени, когда наш ужин был готов, мы миновали стадию узнать-тебя-лучше и уже приближались к стадии лучшие-приятели. Плача вместе над нарезанием лука и чеснока, установленные между нами стены стали быстро падать. Единственное упоминание, которое он мне дал о своем шраме было — его правое ухо было травмировано, поэтому, если возможно, говорить с левой стороны... и не принимать на свой счет, если мне вдруг покажется, что он меня игнорирует, вернее то, что я сказала. Я ответила ему, чтобы он не принимал на свой счет, если я вдруг начну внезапно плакать или смеяться без причины... и указала на шрам на линии волос. Он кивнул, понимая, и я готова была держать пари, что Калеб уже ввел его в курс дела по поводу меня, потому что он совсем не удивился моему странному заявлению, ни в малейшей степени.

В этот момент я поняла, что приобрела потрясающего, настоящего друга в лице Лукаса Блэкстоуна, потому что мы поладили. По какой-то причине, нас объединяло что-то общее, хотя в то же время и разное, каждый получил свои шрамы по-своему, нам было легко и очень комфортно друг с другом. Я почувствовала, что наша дружба будет продолжаться независимо, как будут развиваться наши отношения с Калебом, для меня это имело существенное значение. У меня было не так много друзей, но те, что были, очень дороги были мне, и я всегда была рада, если у меня появлялся еще один.

Остаток вечера Лукас учил играть меня в iInVidiosa, игру, которую он создал. Я отстойно играю в видеоигры, а он отстойно готовит, поэтому счет в итоге был равный. Я заставила его пообещать, что в следующий раз он приедет ко мне на ужин. Лукас же заставил меня пообещать позвонить ему, как только я доберусь до дома, чтобы он не волновался.

Он продолжал в том же духе, пока мы оба не рассмеялись, и я тронулась в путь на своем Вуди, он показал мне рукой «Позвони мне». Мужчины Блэкстоуны имеют сильную черту — заботливость, и я считала, что мне очень повезло быть в центре их внимания. Моя жизнь довольно долго была лишена мужчин, и сейчас их забота ощущалась чем-то прекрасным.

Разница вовремя между Бостоном и Абу-Даби была девять часов, поэтому звонить

Калебу было сложно, в основном мы переписывались. Как только я вошла в коттедж, я послушно позвонила Лукасу, затем отправилась готовиться ко сну, захватив с собой телефон. Я укрылась одеялом, рассчитала время с Абу-Даби, сейчас там семь тридцать утра, хорошее время, чтобы застать Калеба, если у меня появится такой шанс, он только начинал свой новый день.

Б: Я ужинала с Лукасом сегодня, поэтому тебе не следует обо мне беспокоиться.

К: Я уже говорил тебе, что это невозможно, детка. Ты скучаешь по мне?

Б: Постоянно, Калев. (грустный смайлик)

К: Я кое-что купил тебе сегодня и не могу дождаться, чтобы отдать.

Б: Я тоже не могу дождаться, когда кое-что тебе дам. (смущенный смайлик)

К: Это моя Брук отправляет мне сексуальные смс-ки? Пожалуйста, скажи да, и пришли фотку своей обнаженной груди, чтобы я смог пережить этот чертовый день.

Я никогда не делала такого раньше, но это не остановило меня. Я сняла пижаму и сделала селфи своей обнаженной груди. Вид был с боку, но я была голой, и Калев все поймет, как только увидит. Я задержала дыхание и нажала «Отправить».

Б: Вот, но только один раз. Моя первая фотка в таком виде! И ты счастливый получатель! Я пошла спать, но мне будут сниться о тебе сны. Скучаю очень сильно. (смайлики целую, обнимаю) Брук (смайлик)

Я попыталась представить, как он будет рассматриваться фотку, которую я послала ему, и хотя нас разделяли тысячи километров, я чувствовала его рядом с собой в этот момент. Я подождала его ответа, прежде чем положила телефон.

Ответ пришел мгновенно и заставил мое сердце затрепыхать в груди.

К: Ты офигенно красивая, и я скучаю по тебе гораздо больше... спасибо за фотку. Я приснюсь тебе сегодня ночью, Брук.... и я никуда не денусь. Ты застряла со мной по полной, детка. К. (поцелуйчики)

Уверена, что засыпала я с широченной улыбкой, снова и снова прокручивая в голове его ответ.

* * *

Личный ассистент Калеба оказалась совсем другой, нежели я ее представляла. Она была молода и красива, с длинными темными волосами и голубыми глазами, но с серьезным и деловым выражением лица, отчего выглядела старше, нежели на свои двадцать с хвостиком лет. Она поминала мне мою бабулю, своей деловитостью. Она не вела себя грубо, чисто деловой подход, когда в понедельник в Harris & Goode завезла ключи и сообщила коды сигнализации пентхауса. Я заметила бриллиантовое обручальное кольцо у нее на левой руке. Я ничего не могла поделать, но познакомившись с такой красивой личной ассистенткой

моего парня, мне стало как-то не по себе. Единственное успокаивало, что она уже была помолвлена. Она передала мне свой номер личного телефона и настояла, чтобы я обязательно звонила, если мне что-то потребуется. Виктория также сообщила, что она со своим братом Джеймсом живет на двенадцатом этаже в этом же здании, где находится пентхаус Калеба, поэтому она всегда рядом, если у меня появится в ней необходимость.

Для меня это было странно — личный ассистент — иметь человека, который выполняет ваши желания, хотя девяносто девять процентов населения это делают самостоятельно. Например, забрать вещи из химчистки, передать ключи, заказать цветы для девушки, которая полностью испортила костюм ее босса коктейльным соусом из креветок. Я поблагодарила Викторию за ее выбор красных пионов и показала, как хорошо они смотрятся у меня в кабинете.

Чем заработала от нее искреннюю улыбку.

— Готова всегда помочь.

* * *

В среду я с Эдуардо работала в пентхаусе, делая замеры и заканчивая первоначальное составление плана действий. Перед началом любого проекта необходимо провести инвентаризацию существующей мебели и исследовать пространство, чтобы в дальнейшем можно было выявить его лучшие характеристики, а также рассмотреть любые потенциальные проблемы, которые могут возникнуть в ходе дизайна. Я с трудом сосредоточивалась на работе, если честно.

Потому что сегодня должен был вернуться Калеб, и я встречу с ним через несколько часов.

— Это последние замеры в этой комнате. Думаю, мы начнем здесь, прежде чем перейдем на кухню, — сказала я Эдуардо, собирая оборудование. — На самом деле, это огромный проект и поскольку он не дал мне абсолютно никаких настойчивых пожеланий, что хочет увидеть в результате, я делаю все буквально на ощупь, как слепая.

Эдуардо поднял глаза от своего телефона и ухмыльнулся.

— Он гораздо больше заинтересован дать тебе свой *настойчивый член*, пока ты делаешь все на ощупь, *condesa*. Просто используй теплую цветовую гамму и купи какие-нибудь штучки для траханья, и он будет чертовски рад этому, поверь мне. — Он с энтузиазмом кивнул.

— Боже мой, Эдуардо. — Я хмуро посмотрела на него, и хотя вслух никогда не признаюсь, но скорее всего, он был прав.

— Я могу смоделировать этот дизайн во сне, скажу я тебе. Мужчина меньше всего, уверяю тебя, думает о дизайне и декоре, если дело доходит до секса. Ты должна сделать свободное пространство именно для этого, чтобы он мог поиграть с тобой *pinani*, и он просто влюбится в эту комнату. Как я уже говорил, применима для траханья — это твоя тема...

— Эй? — позади меня раздался женский голос, я вздрогнула от последних слов Эдуардо, которые могла слышать гостя.

Обернувшись с заученной улыбкой, была уверена, что кое-кто получит нагоняй за свои

высказывания.

— Брук Кастерлей из дизайн-студии Harris & Goode, делаю дизайн для мистера Блэк-стоуна, — пролепетала я: — а это мой ассистент Эдуардо Рамос.

— Винтер Блэкстоун, сестра Калеба. Я хотела познакомиться с женщиной, которая пленила моего брата, — с усмешкой произнесла она, — и не беспокойтесь, я не слышала последнюю фразу.

О, я люблю тебя, Винтер Блэкстоун. Она была все так же прекрасна, какой я ее и запомнила — волосы цвета темного шоколада и зеленые глаза с такой же золотистой радужкой, как у Калеба, только синие. У детей Блэкстоунов были необычные глаза, передававшиеся генами. Мы пожали друг другу руки и обменялись общими фразами, а после ее замечания о эпатажном выступлении Эдуардо по поводу траханья, я готова была ее расцеловать. Господи, стыдно то как, но она сделала вид, словно ничего не слышала. Так что я имела честь познакомиться с другим членом семьи Блэкстоунов. Ну, на самом деле, я была уже с ней знакома и сейчас встретила уже второй раз, восемь лет назад я была приглашена не ее день рождения.

— Я помню, как ты пришла ко мне на шестнадцатилетие, — сказала она.

— О, я помню ту вечеринку. Ты тогда пожалела меня и села со мной рядом.

— Мы говорили о братьях Джонас и наблюдали за петушиными боями в бассейне.

— Да. Вечеринка была в Блэкуотер, и я помню, как красиво было все сделано и какой был прекрасный сад, — честно призналась я. Воспоминания, площадки перед домом в Блэкуотер были просто прекрасными. У меня мелькнула мысль, а что если такая красота, пришла в запустение, как только опечатали дом.

Винтер задумалась, видно пытаюсь вспомнить.

— Блэкуотер вызывает у меня грустные воспоминания, поскольку скоро исчезнет из нашей семьи. Моя матушка хочет его продать, мы больше не ездим туда. Мне всегда казалось, что его можно переделать под что-то другое, например, под школу или под что-нибудь еще. Место идеально подходящее, но, к сожалению, не могу представить, чтобы кто-нибудь купил его чисто из альтруистических соображений. — Она нахмурилась. — Поверь мне, я знаю по своему опыту.

— Калев сообщил мне, что ты заканчиваешь аспирантуру по социологии.

— Да, выпуск весной, затем придет время применить все на практике. Я хочу. Многие нуждаются в моей помощи, — оптимистично произнесла она.

— Ты права, — согласилась я. — Я уверена, что ты найдешь свою работу.

— Я должен идти, дорогая. Знаю, тебе стоит подготовиться к марафону на всю ночь, а мне стоит позаботиться о себе и найти свой собственный марафон. — Эдуардо перебросил конец своего желтого шарфа, целуя меня в обе щеки. — Приятно было познакомиться, Винтер Блэкстоун. — Он поднес ее руку к губам в своей отдаленно напоминающей высшее общество манере, но это был Эдуардо и ему сходило с рук такое дерьмо в течение всего дня. Я так привыкла к нему, что даже не обратила внимания, что он говорил про марафон на всю ночь о встрече с Калевом, совершенно не стесняясь его младшей сестры. Господи.

Винтер хихикнула, он вышел в коридор, его желтый шарф парил и подпрыгивал за ним.

— О, к тебе тут еще кое-кто пришел, — крикнул он, исчезая из виду.

Через несколько секунд в комнату вошел высокий, темноволосый, красивый мужчина, представившись:

— Привет всем. Джеймс Блэки, живу на два этажа ниже. Вы должно быть Брук. — Он

протянул руку.

— Да. — Я пожала ему руку. — Приятно познакомиться, Джеймс Блэки, живущий на два этажа ниже. Вы, должно быть, брат Виктории, о котором она говорила. Вы тоже друг, Калеба?

— Совместно сеяли полный хаос с тех пор, как нам исполнилось десять, — ответил он, ухмыльнувшись.

— Даже не сомневаюсь. — Я заметила, что Винтер притихла рядом со мной. — Тогда вы, наверное, знакомы с Винтер, — предположила я.

Выражение глаз Джеймса Блэки изменилось, как только он взглянул в ее сторону, от зелено-коричневых они стали огненно-темными, пока он с пожирающей тоской смотрел на нее.

— Ммм-хм. Я на двенадцатом этаже, а Винтер прямо... подо мной.

Я уловила напряжение (что-то происходило между этими двумя) и улыбнулась. И сделала вид, что не заметила высказывания Джеймса Блэки по поводу очень красивой младшей сестры Калеба.

Интересно, подумала я, а Калеб в курсе, и если «да», что он думает на этот счет.

— Итак, Калеб попросил вас заглянуть и проверить меня здесь? — Я адресовала свой вопрос им обоим.

Винтер заулыбалась и кивнула.

Ответил Джеймс:

— Познакомиться с тобой и пригласить тебя на ужин. Инструкции Калеба заключались, привести тебя и Винтер на ужин в *Callihan*, где он будет нас ждать. Он должен быть в Бостоне через два часа — он написал и приказал это сделать. Этот идиот иногда включает диктатора.

— Понятно. Пожалуйста, не говорите ему, что я считаю его диктаторские замашки совершенно очаровательными, ладно?

Да, ты полностью влюбилась в него.

Глава 22

Калев

О чем, черт побери, я думал?

Встретиться с Брук, после стольких дней отсутствия, в общественном ресторане была самая моя худшая идея. И я никак не мог понять, почему Джеймс и Винтер тоже пришли сюда. Джеймс должен был доставить Брук в *Callihan*, а не устраивать двойное свидание... с моей сестренкой, бл*дь! *Мудак*. Ресторан был расположен непосредственно над офисами Blackstone Global, чуть ниже вертолетной площадки. Я подумал, что это очень удобно, как только я прилечу на чоппере, просто спущусь на лифте и встречу с Брук за ужином. Но сейчас и близко не было похоже на мой план на этот вечер.

Полная неудача.

Я бы хотел увидеть только Брук в отдельном уголке *Callihan*, где мы поели бы и мне не пришлось бы беспокоиться о том, что кто-то может нас увидеть. После ужина мы бы спустились на лифте вниз в мой офис, по которому я провел ей гранд-тур, и если бы она была в игре... мы рухнули бы на кровать в моих прилежащих к кабинету апартаментах-люкс. Потом я отвез бы ее в пентхаус и выплеснул бы всю свою тоску по ней, которая у меня накопилась за семь дней, пока мы оба бы не были слишком усталыми, чтобы пошевелиться. Наконец, я бы заснул, прильнув и обхватив руками мою прекрасную женщину, в своей постели.

Вот каким макаром должен был пойти этот чертовый вечер.

Но... нет... мой лучший друг поставил блокировку на мой член, пытаюсь приглушить мой стояк.

Брук села рядом со мной, по поводу этого я не жаловался. Вдыхая ее цитрусовый аромат, я сжал под столом ее руку и прошептал ей на ухо:

— Я так хочу быть с тобой, что могу умереть, прежде чем этот ужин закончится.

Она повернула ко мне голову, слегка дотронувшись губами до моих губ, и тихо рассмеялась.

— Я совсем не голодна, Калев... для ужина, — очень тихо ответила она, чтобы слышал только я.

Не думая больше не секунды, я встал со стула, помогая Брук подняться. Как только мой мозг переварил ее ответ, я понял, что устраиваю здесь публичное шоу. Я нуждался в уединении с ней, увидеть ее голой, именно в таком порядке.

— Мы должны уйти, — сказал я.

— Но вы только что пришли, — ответил Джеймс. — Как же ужин?

— Чрезвычайная ситуация, так что спасибо, что приложил к этому руку. Сочтемся... в следующий раз. — Я надеялся, что он услышал подтекст «ты чертовый идиот», который я пытался до него донести своими словами. Я так понял, что моя сестра его услышала, потому что она отвернулась, сжав губы, стараясь удержаться от смеха. Господи, я очень надеялся, что он сможет благополучно доставить Винтер домой без каких-либо проблем. *Мать твою, да что с тобой такое сегодня, Джеймс?* Если бы я до отчаяния не хотел оказаться с Брук наедине, я бы, наверное, побеспокоился о своем друге.

Неее.

К черту *Callihan*, я был уверен, что мое отчаяние к Брук перевешивало любое

Как только двери лифта закрылись, я запустил свой язык в ее рот и провел руками по верхней части тела. Я остановился на ее груди, взяв ее округлости в руки, вспоминая их вес и форму, пытаюсь вжаться в нее всем телом. Я дотронулся до ее сосков сквозь ткань бюстгалтера и почувствовал, как они напряглись, насколько сексуально она стала стонать мне в рот. Двери открылись. Я мысленно помолился, чтобы за ними никого не было, поскольку представлял из себя адское шоу, меня могла остановиться только пуля в голову, я был таким беспомощным перед ней, испытывая жуткое желание прикоснуться.

Не правда.

Брук обладала также магией меня успокаивать.

Только она обладала силой, способной сделать меня моментально диким и неистовым, чтобы взять ее, но также она могла тут же сделать меня более мягким и сдержанным... всего лишь, сказав пару слов своим голосом. Ее сила работала в тандеме, но только она обладала такой властью надо мной. Никто никогда не обладал такой способностей, и никто никогда не будет, только она.

Брук взяла в ладони мое лицо и немного оттолкнула меня, ее губы стали чувственно красными и припухшими. Все мое тело задрожало от того, насколько сексуально она выглядела с припухшими губами. Ее губы на пару секунд я тут же представил вокруг своего твердого члена.

— Пойдем. — Я потащил ее за руку из лифта.

— Куда ты меня ведешь, Калев?

— В своей офис, прилегающий к апартаментам, где есть кровать. — Это было все, что ей следовало знать. Моя Брук был очень умной, и я понял, что она все поймет.

Мне кажется, я почти бегом тащил Брук за руку, пока мы не зашли в мой кабинет Blackstone Global, а затем и в люкс. Я включил свет и проверил, что запер дверь. Меньше всего меня сейчас интересовали задачи первостепенной важности в бизнесе.

Спасибо, мать твою.

— Как поживает моя красивая девочка? — спросил я, уткнувшись в ее шею.

— Умирает, как хочет быть с тобой, — ответила она, запустив руку мне в волосы.

Да, похоже я уже был способен кончить, прежде чем мой член окажется в ней.

— Разденься для меня, детка.

— Хорошо, — со вздохом ответила она, наклонившись, чтобы расстегнуть свои туфли.

Я сбросил пиджак, отшвырнув его куда-то в сторону, чтобы не пропустить ее стрип-шоу, которое она показывала только для меня, пытаюсь выбраться из своей одежды.

Она постепенно снимала вещь за вещью, я с безмолвной благодарностью наблюдал за ней.

Мой член от этого вида увеличился еще больше, что стал безумно болеть.

Как только с нее слетел черный кружевной бюстгалтер, открывая вид ее потрясающей груди, я понял, что мне необходимо попробовать ее грудь своим языком, или я больше не выдержу. Умру от сексуальной пытки.

— Ты самая красивая женщина в мире, Брук. Не сомневайся в моих чувствах по этому поводу.

Как видение, как она появилась в поле моего зрения (ангел, стоящий на коленях, голая на кровати, с мягкими женственными изгибами, длинными ногами, сложенными под себя) я наслаждался своим прекрасным призом, направившись к ней.

Она протянула руку и прижала к моему сердцу, пальцем обводя мой сосок, дотронувшись до него губами, целуя и взяв в рот, чтобы пососать. Я зашипел от ощущения ее языка на своей чувствительной коже, понимая, что секс будет быстрым и грязным, чтобы проветрить мою голову.

Я толкнул ее на кровать, раздвинув ее ноги, любуясь ее женственностью, поскольку ее киска была столь же совершенной, как и ее сиськи. Голая и розовая, с полоской светлых волос для украшения... И. Мать твою. Мне нравилось.

Я напрягся, не в состоянии решиться, что сделать в первую очередь. Решение было трудным, и мои раздумья сделали его еще слаще. Брук посмотрела на меня своими янтарными сияющими глазами, словно опалила золотым огнем, и облизнула губы. Я прошелся двумя пальцами по ее ох-такой-ох*ительной-киски, расдвигая складочки, нашел ее клитор, который был мокрым и набухшим и потер его. Она выгнулась и толкнулась к моим пальцам, издавая прекрасные звуки, я больше не мог ждать.

— Сейчас.

— Дааа, пожалуйста, я хочу...

Она так и не закончила то, что собиралась сказать.

Потому что я уже направил свой член и скользнул «домой» глубоко по самые яйца.

Узкая, горячая и влажная, мой член попал в «домой» в полное совершенство... и это было чертовски счастливое ощущение. Впервые я соединился с Брук кожа к коже. Это украло мое дыхание на секунду, я никогда раньше такого не делал.

Это был мой первый раз.

Я никогда ни с кем не был в таких отношениях, чтобы трахаться без презерватива. Здесь должен существовать определенный уровень доверия и до того, как я встретил Брук, женщины, с которыми я встречался, особого доверия у меня не вызывали.

— Хорошо, детка? — спросил я ее сквозь дымку желания.

— Да... — Она сжала стенки влагалища, это было настоящее блаженство.

— Ох, б*дь, это обалденно. Знаешь, сколько я мечтал об этом моменте, когда буду находиться внутри этой тугой киски, готовой принять меня?

— О Боже, Калэб... пожалуйста!

— Что, детка? Что я должен сделать для тебя? Мне нужно услышать слова из твоего прекрасного ротика.

— Ты можешь заняться тем, чтобы трахнуть меня, — простонала она, двигаясь всем телом мне на встречу, чтобы взять еще глубже.

Моя девочка дала мне понять, что больше не стоит вести никаких разговоров. Я поднял ее запястья над головой, привязав к кровати и захватил ее в плен своим объезжающим членом. Я трахал ее как сумасшедший, жестко... глубоко... и дико.

Ей нравилось, она с каждым моим ударом встречала меня широко разведенными коленями, дрожа и сотрясаясь от накатывающего оргазма, который я собирался ей предоставить. С горячим зарядом спермы, чтобы пометить ее, как своей. Я никогда не делал такого прежде.

Я почти грабил ее рот, показывая, насколько глубоко я хочу обладать ее телом, также как и она, до самой глубины, обладая мной с того самого момента, когда только я увидел ее. Я лизал ее соски, наслаждался ее грудью, уделяя внимание каждой из них по очереди, оставляя засосы, типа меток, чтобы показать, что я здесь был. Она издавала немыслимые звуки сексуального удовольствия, которые заставляли меня говорить самые грязные вещи, которые мой жалкий мозг мог придумать, я просто сошел с ума от похоти. Я говорил ей сколько раз я буду ее трахать, пока она будет такой открытой лежать подо мной, насколько хорошо она пахла нашим сексом, этот запах, бл*дь, даже чувствовался в воздухе, как красиво она смотрелась с моим членом, который долбил ее тугую киску. Все то, сумасшедшее дерьмо, которое я никогда не скажу ей вслух, находясь в здравом уме.

Но с ней... сохранять здравомыслие было, мать твою, совершенно невозможно.

Я почувствовал спазмы, сжимающиеся вокруг моего члена, от чего еще больше кровь прилила к нему, он непомерно набух.

— Кончи со мной, Брук. Мне нужно кончить с тобой сию минуту. Мне необходимо, чтобы ты почувствовала, как я люблю тебя и никогда не смогла забыть... оргазм от меня.

Она выгнулась и застыла, приподнимаясь с кровати и закричала от освобождения, действительно ох*ительные прекрасные для меня слова.

— Я чувствую, как ты меня любишь, Калекб.

Ее золотистые глаза наполнились слезами, пока я наполнял ее своим семенем, выливая все до последней капли, наверное, мне стоило произвести какой-нибудь совсем уж примитивную фразу, утверждая ее как свою... завопить на весь мир, что она принадлежит мне, а никому другому.

Полное блаженство с моей девушкой.

Я передвинул руки к ее бедрам и сжал ягодицы, последний раз сделав несколько движений внутри ее сладкой, мокрой киски, прежде чем рухнул на кровать, моя кожа блестела от пота и жара. Я перевернул нас на бок, оставаясь соединенными, и уставился в прекрасные золотые глаза. Ее киска продолжала сжиматься и выдаивать мой член, пока она находилась под силой оргазма, растягивая наше удовольствие. Я смахнул прядь с ее лица и нежно поцеловал, наконец-то, отдыхая с ней в своих руках после недели тоски.

Я был в полной эйфории и бонусом было еще и то, что Брук позволила мне овладеть ею именно таким образом. Она приняла мою ошалевшую потребность затеряться в ее теле, но мне еще больше требовалась близости с ней. Брук представляла для меня идеальный набор, я полюбил каждый удивительный ее дюйм, несмотря на то, что я не мог словами признаться ей в любви.

Но я мог показать ей свои чувства, дать понять, что она может быть такой для... с нами... навсегда.

— Спасибо за «добро пожаловать домой», — прошептал я напротив ее губ.

— Я так скучала по тебе, Калекб, и так рада, что ты вернулся. — Она улыбнулась, заправив прядь волос за ухо, и начинала бродить своими руками по моему телу, желая прикоснуться ко мне. Мне нравилось, когда она дотрагивалась до меня.

— У меня еще множество «скучаний по тебе» в моем усталом организме, но я хочу сделать все правильно в своей постели дома, где могу никуда не торопиться. Это было безумное отклонение от курса, помогающее мне плыть по течению, прежде чем я бы окончательно свихнулся в переполненном лучшем ресторане Бостона. Не знаю, почему Джеймс пришел туда с моей сестрой. План был встретиться с тобой наедине в темном,

укромном уголке. Он, наверное, все перепутал.

— У меня не было возражений. Джеймс и Винтер — оба прекрасны и заставили меня почувствовать себя желанным гостем в твоей жизни. Так что, спасибо, что прислал их, чтобы встретиться со мной. — Она провела пальцем дорожку по моей щеке к нижней губе. — Я очень благодарна, что у тебя здесь есть такие удобные апартаменты. — Она подмигнула мне.

Мое желание было настолько сильным, чтобы она узнала правду, поэтому я сказал:

— Ты должна знать, что я пользовался этими апартаментами, только чтобы принять душ, переодеться и иногда спал здесь ночью, когда работал допоздна и уже не было смысла ехать домой. До сегодняшнего дня я никогда сюда никого не приводил.

— Приятно слышать, — ответила она с улыбкой. Мне хотелось узнать, о чем она думает в данную минуту, мне помогли бы ее слова почувствовать себя лучше. Но как не опростоволоситься перед ней, вот в чем была сама идея. Мне необходимо было одобрение от нее о моем развратном сексуальном прошлом? Я просто нуждался в ней... периодами. Брук заполняла собой пустоту дней и ночей, которые у меня были раньше.

Я аккуратно поцеловал ее, пытаюсь запомнить ощущения, нас сейчас. Я не хотел отлипнуть от ее тела. Я хотел оставаться в ней в течение длительного времени, мне было необходимо чувствовать ее. Вот, что она делала со мной. Брук превратила меня в черт побери нуждающегося идиота. Но факт оставался фактом... я понял это во время своей командировки. Расстояние, действительно, заставляет сердце еще больше любить, и я принял это без борьбы задолго до сегодняшнего дня. Находиться рядом с ней в данную минуту, лишь укрепило мои чувства, сделав их сильнее.

Прежде чем нехотя выйти из ее теплой глубины, я медленно вошел еще один последний раз. Сенсацией было то, что на мне не было презерватива. Чертовски удивительные ощущения для меня, но более сложные для нее. Итак, я намочил мочалку теплой водой в ванной и принес к ней, чтобы протереть Брук. Интимная вещь и довольно-таки сильная, даже, я бы сказал, на очень глубоком уровне, и от этого я стал счастлив, она позволила мне это сделать для нее.

Она ни на секунду не оставила меня, наблюдая.

— Ты такой удивительный, Калев Блэкстоун. Как ты заботишься обо мне... в данную минуту, после того, как занимался со мной потрясающей любовью, и пока тебя не было, ты просил свою семью и друзей проведать меня, доказывая, что ты беспокоишься и скучаешь, и даже не мог переждать ужин, чтобы соединиться со мной. Я хочу сказать, это такой замечательный момент, мне кажется, что я сейчас заплачу.

— Давай, детка, вот почему я здесь... чтобы дарить тебе такие замечательные моменты.

Я планирую дарить их тебе всю оставшуюся жизнь.

Глава 23

Калед

Ноябрь

Герман Блэкстоун и Эллен Кастерлей поженились в маленькой Stone Church церкви с изящной церемонией с осенним солнцем, которое светило на небе на остров Блэкстоун, сливающимся с морем. Казалось, что мать-природа поняла, что день должен быть праздничным. Когда я держал руку Брук и был свидетелем клятв, ирония судьбы лично для меня заключалась в том, что Блэкстоуны и Кастерлей соединились священными узами брака.

И если бы мне пришлось угадывать, я был почти уверен, что среди находящихся здесь в этой древней часовни, были и те, кто думал точно также.

Из братьев отсутствовал только Уайт, это не было огромным сюрпризом, учитывая, что он хранил свою частую жизнь в тайне, может он находился на данный момент за границей, я не мог точно сказать. На церемонии присутствовали дети Германа, поддерживая своего отца. Риз, Джейсон и Джордин были благословенны темпераментом своего отца, а не матери (Слава Богу!) иначе бы я сомневался, что мы смогли бы поддерживаться с ними связь все это время, как с нашими двоюродными братьями. Смерть тети Синтии пятнадцать лет назад ослабила ее влияние на них, а на ее брак с Германом только, когда она умерла. За все эти годы мама как бы пыталась исполнять роль матери к детям Синтии в своей шикарной и своеобразной манере.

Мама и Герман заранее обговорили свои роли по поводу его трех сыновей и ни разу не сбились с пути. Они оба придерживались главного правила — кровные узы превалируют над всем остальным, даже когда ты не входишь в вышеупомянутые члены семьи. Личные чувства были последним, на что обращали внимание в нашем обществе. Зато богатство и статус занимал первое место, прямо под кровным родством.

И именно поэтому, мать должна была сегодня осчастливить нас своим присутствием. Мадлен Блэкстоун обязана была показаться на свадьбе и поддержать своего свояка. Ключевое слово было «показаться». Мы все понимали, что она предпочла бы съесть стекло, вместо этого, но... Это было еще одним примером игнорирования «розового слона в комнате», проблемы, о которой не принято говорить. Моя семья могла уже создать целый зоопарк «розовых слонов», основываясь на тех насущных вопросах, которые мы проигнорировали. Каждого из нас можно было назвать — чертовым знатоком по игнорированию.

Моей матери удалось себя сдерживать вплоть до настоящего момента, но я не стал бы ей уж так безоговорочно доверять, учитывая продолжительный по времени праздник. Через некоторое время она устанет «держаться». Поскольку ей требуются определенные силы, чтобы свыкнуться с горькой пилюлей, что теперь ее бывшая домработница стала ее снохой. Это было действительно несколько непривычно. Бабушка Брук теперь была моей тетей. Мой дядя теперь был сводным-дедом Брук. Мы определенно стали связаны семейным родством, и как бы я не пытался не думать об этом, для меня это оказалось невозможным, чтобы как-то опровергнуть эту истину.

На самом деле, все было очень просто. Я собирался жениться на Брук. Когда-нибудь, мы тоже вдвоем будем стоять перед священником. И другой Блэкстоун и Кастерлей будут

соединены священными узами брака. Я понимал, что она еще не готова и, вероятно, не будет готова еще долгое время, но я готов был ждать. У нас было много времени впереди, чтобы так все и произошло.

Недели после того, как я вернулся из Абу-Даби, были лучшими за всю мою сознательную взрослую жизнь, только благодаря ей. Оказалось, выполнять обыденные дела стало намного интересней и веселее, когда их делаешь вместе с Брук. Ей нравилось для меня готовить, она сказала, что это намного полезнее, чем постоянно питаться вне дома. На самом деле, она не часто хотела выходить из дома, клубы и различные вечеринки ее не интересовали. Когда я уговаривал остаться со мной на ночь в пентхаусе, мы делали совершенно обычные вещи — покупали в магазине продукты, чтобы приготовить ужин и смотрели кабельные каналы. Вернее, мы занимались любовью перед камином, пока работал телевизор, потому что я не могу вспомнить ни одного шоу, который мы «смотрели».

Даже сейчас в разгар свадебной церемонии, я был не в состоянии оторвать от нее глаз. На ней было нежно-золотое кружевное платье, которое только усиливало цвет ее глаз... делая их более сияющими. Моя Золотая девочка выглядела красавицей, но сегодня у нее на лице не было и тени обычной грусти. Сегодня она была радостной. Радуюсь за бабушку и это было видно.

Увидев Брук такой, я понял свою цель. Мой план мог сработать, потому что я нашел способ его осуществить.

Моей целью было предоставить ей как можно больше поводов для радости, чем печальных воспоминаний прошлого. Я не мог стереть ее прошлое. Слава Богу, что тогда козла, который чуть не убил ее, уже не было в живых. Но я мог бы обеспечить ее счастье в будущем.

Когда гости потянулись из часовни после церемонии, Брук и я оказались последними, потому что мы зашли первыми после невесты и жениха. Она чувствовала себя комфортно рядом со мной, пока мы ожидала, когда рассеяться толп перед нами, поздравляющая новобрачных, чтобы мы смогли подойти к бабушке и Герману.

— Это было прекрасно, Брук. Ты проделала замечательную работу, все организовав, и все удалось.

— Спасибо. Я так счастлива. — Она сжала мою руку и наклонилась к моей груди.

Поддерживая ее за талию, я подпер одним плечом дверь, так мы и продолжали стоять. Я поцеловал ее в макушку и вдохнул цветочный аромат от ее волос.

— Я знаю, что ты счастлива. Я четко это вижу, как день, и рад за тебя, детка.

— В большей степени из-за тебя, Калев. — Негромко произнесла она, пока мы остановились в проходе церкви.

Я слышал каждое ее слово.

Да, я женюсь на этой девушке.

* * *

— Итак, Брук мне сообщила, что Герман везет вас в круиз вокруг Европы. Вы с радостью предвкушаете оказаться на борту?

Бабушка Брук спокойно взглянула на меня.

— Честно говоря, я взволнована, что снова после стольких недель терапии оказалась свободна. У меня такое чувство, словно меня выпустили из тюрьмы, хотя мои стражники были очень полезны во время моего заключения, — пошутила она, пока мы общались друг с другом во время приема. — Герман решил взять круиз, чтобы как-то сдержать меня от больших походов с моим новым коленом. Мы сможем не спеша выходить в порт или оставаться на корабле, если это будет для меня напряженно. Я не слишком волнуюсь, поскольку чувствую себя полной сил, и я буду ухаживать за Германом, — лукаво подмигнула она мне.

— Миссис Кастер... ой... я имею в виду, миссис Блэкстоун, в данный момент вы мне очень напоминаете Брук. Я прямо слышу ее голос, когда вы говорите, она тоже любит подшучивать.

Она тепло улыбнулась.

— Теперь, мне кажется, Калеб, называть меня миссис Блэкстоун — это слишком официально, не так ли?

Было неловко, потому что я, действительно, не знал, как ее называть. Она по-прежнему осталась такой же простой, как я ее и запомнил, но она вышла замуж и сейчас является членом моей семьи, и я точно, черт побери, знал, что не мог больше называть ее миссис Кастерлей.

— Ну, наверное, да, — честно ответил я.

— Я думаю, что тетя Эллен будет уместно, если ты не против. Фактически, я ведь на самом деле теперь твоя тетя, поскольку вышла замуж за твоего дядю.

— Я, безусловно, пару раз ошибусь и назову вас миссис Кастерлей. На самом деле, я согласен и для меня честь называть вас тетя Эллен так часто, как мой бедный мозг сможет это запомнить и перестроиться.

Она рассмеялась и решила все-таки иногда откликаться и на миссис Кастерлей.

— Калеб, я так рада, что мы можем поговорить, потому что давно хотела кое-что обсудить с тобой. Хотя я думаю, что в этом вопросе выбора у меня нет, но я единственный адвокат, который у нее есть.

— У Брук?

— Да, я имею в виду Брук.

— Как я могу вас успокоить, миссис Кастре... черт... извините за мой язык... эээ... тетя Эллен... — Не самое лучшее начало, но мне было любопытно, что она хотела со мной обсудить.

Она похлопала меня по руке, придавая уверенности.

— Не волнуйся, Калеб, я пришла с миром, правда. Я просто переживающая бабушка о своей драгоценной Брук. Я хотела бы точно знать, что ты понимаешь, как ее прошлое отразилось на ней.

— Она рассказала мне о своем муже и о потере ребенка. Я знаю, что ее жизнь с Маркусом была ужасной, он давил на нее и держал в страхе. Брук поделилась со мной всем.

Она задумчиво кивнула.

— Да, я знаю, что она рассказала тебе. Она сообщила мне об этом. И, Калеб, я чувствую, вернее... я вижу, ты заботаешься о Брук. И я вижу, что она заботится о тебе. Думаю, вы должны выяснить это вдвоем, хотя не думаю, что у вас будут какие-то *с этим* проблемы. — Она снова подмигнула мне.

— Тетя Эллен, вы заставляете взрослого мужчину краснеть.

— Вот и отлично. Это еще раз подтверждает мои наблюдения по поводу вас двоих, но это не совсем то, что ты должен вынести из нашего разговора, Калеб. — Она похлопала меня по руке два раза, причем сильно. — Речь идет о Брук, которая всю свою жизнь сталкивалась с отсутствием выбора.

— Что вы имеете ввиду? — спросил я.

— Ну, она не могла контролировать свое незаконное рождение — просто пришлось смириться. То, что она не всегда могла общаться со своим отцом, и являлась его маленьким секретом, такова была ее реальность в детстве, и это тоже не было в ее власти. Смерть родителей была ужасным шоком, конечно. Она оказалась вырвана из обычной среды, переехав в совершенно другую страну, что тоже стало для нее необходимостью. Жить со мной стало для нее единственным вариантом, независимо от того, что мы прекрасно жили все это время вместе. И как раз в тот момент, когда ее жизнь, казалось, пошла по тому пути, который она сама выбрала, появился Маркус, который разрушил все, над чем она трудилась. Беременность и такой муж, как Маркус — это не то, что она выбирала для себя в столь юном возрасте. Он преследовал ее и специально запер в своем доме. Держа в страхе, пока длился их брак, и ты видишь, большую часть ее жизни, жизнь брала ее за горло. Возможность выбора, строить свою жизнь так, как она хотела, Брук снова и снова лишали, и ее жизнь почти завершилась.

— Думаю, я понимаю, куда вы клоните.

— Надеюсь, что ты понимаешь, Калеб, потому что ты не можешь точно знать, что она исцелилась от всей той боли. На самом деле, она еще не исцелилась. Я говорю это все тебе для того, чтобы ты рассчитывал на долгосрочную перспективу с Брук, ты должен позволить ей взять контроль над своей жизнью. Если ты попытаешься надавить на нее, загнав в угол, она убежит от тебя так далеко и быстро, как только сможет и не вернется назад. Это моя самая дорогая внучка. Я знаю ее. Я знаю, что ей нужно, чтобы удержать ее демонов в страхе.

— Я понимаю, и честно говоря, я испытываю к ней те же самые чувства. Я смогу быть терпелив, и у меня есть план, миссис Кастерлей... черт побери... я имею в виду, тетя Эллен! — Ее слова расстроили меня, потому что все, что я услышал было правдой. — Я услышал вас. Извините за язык, снова.

Она засмеялась от моего явного шока, что я бесконечно путаюсь.

— Ты всегда очень уважительно относился к старшим, Калеб. Думаю, твой отец воспитал прекрасных детей.

— Спасибо, что вспомнили его. Думаю, он был бы очень рад за вас двоих. Он бы волновался, также, как и вы, и праздновал бы со всеми сегодня. — Я заметил, что она упомянула только моего отца, а не мать. Мне стало интересно, с чего их отношения на протяжении многих лет были столь прохладными. Хотя они и не могли быть дружескими, потому что моя мать никогда не станет дружить с обслуживающим персоналом... никогда. Мадлен Блэкстоун предпочитает удерживать свою границу статуса во все времена. Вот почему на этой свадьбе она чувствовала себя несколько некомфортно, вынужденная стереть эти границы, фальшивой улыбкой на лице.

— Я думаю, что твой отец так и сделал бы, — сказала она с поклоном, — но теперь, Калеб, я хочу знать, что ты, действительно, чувствуешь к моей Брук. Ты любишь ее или она всего лишь развлечение для тебя после потери любимого отца?

*Ого. Вот так запросто прямо за горло, приставив нож. Миссис Кастерлей... бл*дь... тетя Эллен . . . не стала ходить вокруг да около, а ударила чертовым копьём в самую*

сердцевину. Поскольку я запнулся, она решила продолжить:

— Я прошу прощения за прямолинейность, Калед, но ты должен понять, я — единственная ее семья, потому и задала тебе этот вопрос, как очень заинтересованный родитель. — Она качнула головой, усиливая акцент на своих словах. — С моей стороны, вполне разумно поинтересоваться, учитывая сколько Брук пережила. Она не должна снова испытывать разочарование и боль. — Заключила Эллен, отчетливо дав мне понять, что если я только попробую обидеть ее внучку, она ответит мне тем же.

Мне понравилось, что она сразу же «брала быка за рога». Она имела полное право защищать свою единственную внучку, что она и делала по большей части. Она взяла на себя роль ее родителей. Поставив себя на ее место, я точно мог сказать, что не был бы так любезен с парнем, который бы «спал» с моей дочерью. Я бы хотел получить его яйца на блюдечке, если бы он только подумал обидеть мою дочь... но если он будет иметь к ней какие-то чувства, то все обсуждаемо.

— Я люблю ее. Она не развлечение для меня, — сказать правду для меня оказалось очень легко.

— Я так и думала, но просто хотел услышать это от тебя лично, Калед. — Теперь она по-настоящему мне улыбнулась.

— Я собираюсь на ней жениться, — ляпнул я. Она приподняла бровь. — Я знаю, что она еще не готова, и готов ждать, — заверил я ее. — И тогда я приду к вам и попрошу ее руки.

Выражение Эллен снова смягчилось, и мы перешли на несущественный разговор, словно ни о чем столь важном и не говорили. Сильная, нежная, решительная, добрая. Четыре слова, которые однозначно подходили к женщинам Кастерлей. Ну, скоро будет две женщины Блэкстоун, когда я осуществлю свое желание.

— О чем вы с Нэн говорили? Со стороны ваш разговор выглядел довольно напряженным, — спросила меня Брук через несколько минут, когда вернулась ко мне после того, как ее ранее увели с собой мои сестры.

Я взял ее за руку и дотронулся губами.

— Мы говорили о том, насколько ты дорога нам.

— Калед...

В ее глазах появились слезы, пока она смотрела на меня. Я почувствовал, что она боролась с ними, услышав мой ответ, но сейчас я понял, как работали ее эмоции, и слезы были подтверждением того, что она, действительно, мне верила.

— Все хорошо, детка. Между твоей бабушкой и мной все хорошо. Ей просто были необходимы некоторые заверения с моей стороны, и я был счастлив ей их предоставить. Она также настояла, чтобы отныне я называл ее тетя Эллен.

Она глубоко вздохнула и подарила мне одну из своих полу грустных улыбок, которую я признавал ее подписью — Брук все хорошо, а теперь улыбнись.

— Я хочу тебе кое-что сказать сегодня позже вечером, когда мы останемся наедине, — сказала она все еще улыбаясь.

— О? Это то, что я хочу услышать? — Я готов был, черт побери, молиться тому, что хотел бы услышать.

Мое сердце ускорило темп. Я не хотел надеяться, но в голове крутились слова, которые я больше всего хотел от нее услышать, я ничего так не хотел в своей жизни.

Простые три слова.

Три слова, которые подтверждали, что она отвечает моим чувствам. А не просто, что я руководствуюсь своим членом, потому что секс был чертовски горяч. Секс с Брук был невероятно жарким, но я также понимал, что секс не является главной причиной моего растущего чувства к ней. Должно быть какое-то другое объяснение, почему с самого начала стал испытывать к ней такие чувства.

Она дотронулась рукой до моей щеки и погладила, тут же успокаивая меня.

— Думаю, тебе понравится то, что ты услышишь, Калев.

Глава 24

Брук

— Мой сын рассказывает мне фактически крохи о своей жизни, представьте мое удивление, когда Винтер сообщила, что он собирается отремонтировать пентхаус сверху донизу. — Это была попытка матери Калеба вовлечь меня в разговор.

Своим замечанием она дала мне понять, что я должна полностью понимать свое место рядом с ней — наемный работник и ничего больше. Я не обиделась, потому что Калеб уже предупредил меня, что мать, вероятно, будет меня сторониться. Она дружила с родителями его предыдущей девушки, и по-видимому, была против их разрыва. Калеб сказал, что его отношения с матерью никогда не были душевными, никогда. Мне стало даже как-то обидно за него, не знаю, что сказать. В конце концов, это ее проблема, что ей не нравилось, что я встречаюсь с ее сыном. Он вполне взрослый мужчина и может сам выбирать с кем ему встречаться.

По любому я и не думала, что она будет в восторге от меня (простите меня за прямоту, что появилась вместе с Калебом), она не могла мной похвастаться многим из своего высшего общества голубых кровей.

У меня не было иллюзий, чье имя стоит вверху этого списка многих — Мадлен Блэкстоун — классически красивая женщина, безукоризненно одетая, с идеальной прической, макияжем, украшениями — в общем со всем необходимым. Она была очень хороша, соединив в себе качества светской дамы, которая выглядела слишком молодой, чтобы иметь такого возраста сына, как Калеб. Я заметила ее общее сходство с дочерьми, но не с Калебом. Наверное, его внешность перешла ему от отца, по крайней мере, с матерью у него ничего не было общего. Нэн сказала же тогда, что Калеб, как две капли воды, в этом возрасте очень похож на своего отца.

Но несмотря ни на что, я была приятно удивлена другими членами его семьи. Лукасом и Винтер особенно, потому что за последние недели мы периодически встречались и уже подружились. Сегодня я познакомилась с Уиллоу и ее женихом Роджером, которые оказались очень приятными людьми, настроенными ко мне дружелюбно. Уиллоу не забыла захватить с собой подписанные для меня книги. За это скорее всего мне, конечно, стоит благодарить Калеба, но я подозреваю, что Уиллоу не подарила бы мне свои книги, если бы не имела такого желания.

Дети Германа все высказались в поддержку брака отца с Нэн. Каждый лично подошел ко мне и сказал, как он рад увидеть своего отца, наконец, счастливым, обретшим свою половинку. Отношения Германа с их матерью были напряженными и оставались такими даже в первые годы после развода, так что его дети радовались от чистого сердца, что видят своего отца счастливым и влюбленным после столь длительного времени.

В целом, я чувствовала себя тоже счастливой, потому что мое знакомство с большим кланом Блэкстоунов прошло радушно, и они как бы стали моей семьей, даже мать патриах, которая не одобряла моих отношений с ее сыном.

— Должна согласиться с вами, миссис Блэкстоун. Первое, что я спросила у Калеба необходимо ли вообще переделывать его пентхауса на самом деле, потому что думаю, что в своем виде, каков он есть сейчас, итак выглядит потрясающе. — Я улыбнулась Калебу, прежде чем ответила ей. Он мне подмигнул, и я восприняла это как знак, что вечером, когда

мы останемся одни обсудим этот разговор. Сейчас же я собиралась убить наповал его мать своей вежливостью и добротой.

Она кивнула мне, как бы показывая свое покровительство, а также на сто процентов рассчитав следующий шаг.

— Это настоящий позор, и Дженис тоже так думает. — Выжидая, когда я заглотну приманку, она сладко улыбнулась.

Ей придется ждать слишком долго, потому что я не собиралась развивать тему Дженис. Я очень хорошо знала, кто такая Дженис. Экс-герлфренд Калеба, Дженис Торндайк — бывшее лицо глянцевого журнала, сейчас работала в высших эшелонах мировой моды. Я видела их фотографии на Google, и он сказал мне, что она послужила причиной фингала у него под глазом, когда я впервые встретила его. Он также сказал, что с его стороны встречаться с ней было ужасной ошибкой, потому что их семьи дружили на протяжении многих лет. Если существовало еще что-то про Дженис, чего я не знала, пусть так и останется, поскольку на самом деле я не хотела этого знать. Большинство людей уже в прошлом. Калеб был старше меня. Я знала, что у него было много женщин до меня, и этот факт уже нельзя изменить, так что ревность к прошлому, если честно, меня не очень сильно мотивировала. Я научилась не ревновать к тому, что нельзя изменить, это всего лишь бессмысленная трата времени. Калеб не захотел больше быть с Дженис, и разочарование его матери на их разрыв, никак не повлияло на его решение.

Калеб хотел быть со мной, постоянно показывая мне свои чувства, и это было намного более мощным стимулом, чем просто произносить слова.

— Мама, прошу тебя. — Нахмурившись Калеб взглянул на нее с досадой, покачивая головой. — Я решил внести некоторые изменения в свой дом... потому что почувствовал, что пришло время кое-что поменять. — Он повернулся, посмотрев на меня своими великолепными голубыми с золотом глазами, сказав: — и Брук именно та, кто сможет помочь мне в этом.

* * *

— Это было превосходно, *condesa*. *La abuela* выглядела сногсшибательно... определенно эту бабушку я бы трахнул!, если бы не был геем, — сказал Эдуардо, прощаясь у парама.

— Я позвоню ей и передам твои слова. — У него тут же сошло легкомысленное выражение, и он, на самом деле, стал выглядеть испуганным. — Ха... попался! — Я редко одерживала верх над Эдуардо, над его возмутительными замечаниями, в данный момент я наслаждалась, что мне удалось его напугать.

— Господи, ты меня испугала, *condesa*. Бабуля мне яйца оторвет за такие слова.

— Точно, но может и нет, простит за помощь по организации ее потрясающей свадьбы.

— Для меня это несказанное удовольствие помочь вам обоим.

Эдуардо обнял меня на прощание и поцеловал в каждую щеку (это наш ритуал, который он довел до совершенства), а потом направился на паром. Я отправила ему воздушный поцелуй и развернулась к Вуди, у которого поджидал меня Калеб.

Несколько человек остановились на ночь в доме Лукаса, но большинство гостей уже

покинули остров после того, как жених и невеста на вертолете отбыли в отель. Герман и Нэн проведут первую брачную ночь в Нью-Йорке, а потом отправятся в круиз по Европе. Новоиспеченные мистер и миссис Блэкстоун выглядели сияющими и счастливыми, отбывая с острова. Для меня было немного странным, что моя бабушка отбывает в медовый месяц, но с другой стороны, в этом было что-то правильное.

Когда я вернулась, Калев разговаривал с кем-то по телефону, я не стала его прерывать, села за руль и повезла нас в коттедж. Он спросил меня не хочу ли я вернуться в Бостон на оставшиеся выходные, но я ответила, что хочу остаться здесь. Мы пришли к негласному соглашению по поводу наших ночей за последний месяц. Большинство будней я оставалась в Бостоне с ним, редизайн пентхауса теперь стало моей основной работой. Выходные мы проводили на острове в коттедже. Также по пятницам я начала работать из дома до сегодняшнего дня, потому что планировала свадьбу. И многое я могла сделать для редизайна пентхауса через интернет, поэтому я решила продолжить в том же духе. Не знаю, что Калев скажет о моем плане, поскольку он технически был моим боссом по данному проекту, я очень надеялась, что он не будет против. Я понимала, что ему нравилось, когда я оставалась с ним в пентхаусе. Мне нравилось быть рядом с ним. Но мне просто необходимо было жить на острове. Я нуждалась в нем, я не могу подобрать слова и объяснить, почему. Возможно, для меня это было сродни эмоциональному исцелению, жить в том же доме, где выросла моя мама. Не знаю, чем так глубоко меня привязал к себе остров Блэкстоун, но я просто чувствовала свою потребность в нем, и Калебу придется понять и принять мое решение, если он хочет быть со мной. Я понимала, что ко мне чувствовал Калев, и мне не хотелось все усложнять. Кроме того, я также точно знала, что я не потерплю больше никакого давления, никакого контроля со стороны другого мужчины.

Знакомство с его мамой сегодня, еще больше укрепило мою уверенность, что я действительно не вписываюсь в общество миллиардеров Блэкстоун, теперь даже больше, чем мне раньше казалось. Я была девушкой с острова, и собиралась остаться девушкой с острова.

— Предложи тридцать девять целых и пять и посмотрим не примет ли она это. Наш порог — сорок, но в то же время, я хочу быть уверен, что она не раскатывает губы. До сих пор никто ей ничего не предлагал, так что давай просто поглядим, как пройдет первый раунд. И чтобы ни слова, кто за этим стоит, хорошо? — Я бессовестно подслушивала его разговор, он обсуждал сделку на миллионы долларов, словно это была вполне обычная сделка. Скорее всего для него именно так и было, что еще раз послужило мне напоминанием в очередной раз, насколько сильно отличается моя обычная жизнь от его.

— Точно. Уильям Дж. Брукерманн это его основное предложение. Нет, с двумя «нн». Я уже сказал, он молчаливый партнер. Она не должна ничего заподозрить, или это будет полный провал. Хорошо. Конечно, да, прозондируй почву о ситуации. Я хочу узнать было ли это сделано раньше. Мы вернемся к этому разговору в середине недели.

Калев закончил свой звонок и повернулся ко мне, ухмыляясь, как мальчишка, который только что нашел заначку конфет.

— Твой деловой звонок обрадовал тебя? — спросила я, мне стало любопытно по поводу его разговора.

— Да, очень сильно.

— Ты что-то покупаешь?

— Надеюсь, что да, — еще более загадочный ответ, но я не относилась к тем людям, которые будут требовать ответа. Если бы он хотел мне сообщить, он бы рассказал. Он ничего

так и не сообщил мне о своем плане покупки земли и строительстве дома на южной оконечности острова. Я решила, что сейчас он совершал сделку именно по этому вопросу. Каким бы не было его дело, главное, что он получил хорошие новости, так что я оставила эту тему.

Я чувствовала его взгляд на себе, пока ехала по извилистым дорогам через холмистые пастбища.

— Чем ты хочешь заняться сегодня вечером? — спросил он через мгновение.

— Спасибо, что спросил, — я задумалась, — это избавляет меня от необходимости рассказывать тебе, что мы будем делать сегодня.

Он рассмеялся.

— Моя девушка решила воспользоваться своим колючим британским остроумием. Я бы зачекотал тебя до полусмерти, если бы ты не была за рулем этого древнего средства передвижения.

Я изобразила шок.

— Ты опять оскорбляешь уважаемого Вуди? Я люблю это *древнее средство передвижения*, чтобы ты знал. Вуди здесь был и будет. — Я провела приборной доске под дерево, словно гладила собаку.

— Он конечно же останется здесь, но что, если Вуди будет с любовью отреставрирован и стоять в красивом большом гараже и наслаждаться своим выходом на пенсию? Ты можешь ездить на нем в его День рождения и по особым случаям.

— О, Калев, не смей покупать мне новую машину. Мы уже говорили об этом, — ласково пожурила я его. Я знала, что таким образом он проявлял заботу, но я неловко себя чувствовала, когда вопрос касался денег.

Он вздохнул, как будто уступая мне, и я поняла, что он не очень сердится. Он был очень упрямым, когда чего-то хотел добиться.

— А что, если я покупаю себе машину, чтобы ездить по острову, а ты тоже на ней можешь ездить? Как тебе такая идея, я буду сидеть рядом? — Он приложил губы к моему уху. — Я должен быть уверен, что ты находишься в безопасности, или я буду все время волноваться, мать твою. Этот автомобиль слишком старый ему тридцать шесть лет, он не может быть надежным и обеспечивать тебе должную безопасность. Пожалуйста, не заставляй меня волноваться, детка. — Он поцеловал ниже моего уха, прежде чем возвратиться на свое место.

Очень упрямый.

— Мы можем обсудить это позднее, после того как я объясню, чем мы будем заниматься сегодня вечером?

— Будет ли это как-то связано с тем, что поможет тебе согласиться сесть за руль нового автомобиля со всеми мыслимыми функциями безопасности, который я собираюсь купить, чтобы пользоваться им на острове? — выстрелил он в ответ. *Упрямый, но совершенно очаровательный.*

— Вместе наслаждаться в моей огромной ванне на декоративных ножках, и массажем тебя... наверное, как-то поможет.

— Мне нравится этот план, особенно то место, где мы продолжим нашу *дискуссию*, детка, — коварно произнес он.

— Я хочу, чтобы ты, как мастер моего редизайна, включила в своей проект огромную ванну, — ласково сказал он.

— О? Потому что...? — он быстро сменил тему.

— Потому что я хочу сидеть с тобой в ванне часто. — Кaleb притянул меня к своей груди, я полулежала спиной на нем в горячей воде, его руки удерживали меня в плену, и это было так прекрасно. Он прочерчивал дорожку своими пальцами по моей руке, двигаясь к шеи, а затем вниз к груди, вокруг соска, кружа, пока он не стал жестким и не запульсировал. Кaleb любил после секса долго держать меня в своих руках. Это был один из его сладких способов выразить свои чувства. Один из многих.

Скорее всего наш секс на сегодня еще не закончился, потому что внизу спины я отчетливо ощущала его увеличивающийся член. Я задалась вопросом, каков будет следующий шаг. Таким же потрясающим и захватывающим, чем мы занимались перед ванной? Когда я была над ним, объезжая его волшебный язык, а его член был у меня в горле, и я кончила ему в рот. Он снял меня с себя, прежде чем я нашла свой путь в реальность, положив на спину. Решительно схватил мою ногу и положил ее себе на плечо.

Потом он жестко трахал, сверля своими темно-синими глазами, пока его член двигался взад-вперед, и не стал пульсировать, предоставляя ему собственный оргазм.

Я находилась в состоянии вне времени и пространства, я даже не поняла, когда он успел наполнить ванную, в которой мы плескались сейчас. Кaleb просто подхватил меня на руки и принес сюда, опустив в горячую воду.

— До сегодняшнего дня ты так не интересовался какая у тебя будет ванна, — напомнила я ему.

— Потому что у меня никого не было желания ни с кем принимать ванну.

— А сейчас я стала твоей ванной подружкой?

— Да... ванной подружкой, душевой подружкой, постельной подружкой — всеми ими. — Он двинул своими бедрами ко мне, чтобы я смогла почувствовать насколько жесткий и готовый он стал.

— Ты ненасытен.

— Ты заставляешь меня быть ненасытным, причем с самого первого взгляда. Я ничего не могу поделать с собой. Особенно когда твоя упругая голая задница прижимается к моему члену. Женщина, кем ты думаешь я являюсь? Пришельцем?

— Иногда, да. — Я слегка повернулась, чтобы встретиться с его глазами. — Иногда мне кажется, что ты не можешь быть настоящим человеком, таким великолепным мужчиной, таким добрым и щедрым... Кaleb, я хочу сказать тебе кое-что важное...

Он остановил меня, прижав два пальца к моим губам.

— Подожди... прежде, чем ты скажешь, у меня есть просьба.

— Хорошо, — с интересом ответила я. — Какая?

— Сначала я хотел бы тебе кое-что дать. Эта вещь у меня уже несколько недель, но тогда я не совсем был уверен в твоей реакции, поэтому воздерживался тебе ее дарить, решил дождаться подходящего времени. Но, я хотел бы подарить ее тебе сейчас, прежде чем ты скажешь мне что-то очень важное. — Он наклонил ко мне голову. — Не против?

— Согласна, Кaleb. — Я абсолютно обожала его таким. Он мог быть очень

требовательным и доминирующим во время секса, а потом превращался в такого милого, такого романтичного джентльмена, которого даже невозможно вообразить. Не знаю, как у него так получилось, но это сочетание было для просто волшебным. — Я не могу тебе отказать.

— Я не могу отдать тебе мой подарок, находясь в ванне.

Мы оба рассмеялись, он помог мне выбраться из ванны. Это мне тоже очень нравилось. Кaleb любил меня вытирать, а потом укладывать в постель после душа. Он был очень хорош в этом, он укутал меня супер мягким полотенцем из египетского хлопка. Он уделил больше внимания моей груди и даже оставил несколько легких поцелуев, пока вытирал меня.

— Ты такая красивая, стоя здесь передо мной, — прошептал он.

Кaleb был очень хорош буквально во всем, и я даже не пыталась остановить слезы, которые катились по моим щекам, пока я наблюдала за ним, за его заботой обо мне. Он никак не отреагировал на мои слезы, как ни странно, от этого я еще больше влюбилась в него. Единственное, что он сделал, после того, как вытер всю меня, он промокнул мои слезы полотенцем, потом помог надеть халат.

* * *

Он протянул мне коробочку из красного бархата с тиснением Cartier сверху.

— Тебе, — сказал он с непонятым выражением, у меня сердце екнуло в груди.

Одетая в халат, я села рядом с ним и взяла трясущимися руками коробочку. Я подняла крышку — браслет из белого золота с классической бриллиантовой застежкой Cartier. На браслете были три подвески. Маяк, в верхней части которого был бриллиант, который олицетворяет свет, маленький домик с круглым окном, в виде красного камня, и, наконец, замочек в форме сердца с маленьким ключиком, привязанным к ручке замка.

— О, Кaleb, это так красиво. Спасибо. Спасибо за такой прекрасный подарок. — Я наклонилась вперед и поцеловала его. — Откуда ты его взял?

— Я нашел его, когда был в Абу-Даби, и подумал, что он тебе понравится.

— Больше, чем понравится. Я влюбилась в него. Откуда ты узнал, что я всегда хотела иметь браслет?

— Ну, я не знал, но надеялся, — сказал он. — Я очень рад, что ты в него влюбилась... означает ли это, что ты будешь ездить на новой машине, которую я куплю тебе? — Он взглянул на меня своим лучшим взглядом парня, отказать которому невозможно и еще улыбнулся, у меня расплавилось все внутри.

— Я вижу, ты не собираешься оставить вопрос по поводу машины. Ладно, я согласна на машину, но сейчас помоги мне застегнуть этот великолепный браслет, и скажи, почему ты выбрал такое очарование.

— Спасибо, — сказал он, аккуратно застегивая бриллиантовую застежку вокруг моего запястья. — Я хотел найти что-то такое, что могло бы напоминать тебе обо мне, когда ты будешь это носить. Я знаю, что К — это «Картье», но это также первая буква моего имени — Кaleb, так что ты должна меня вспоминать, когда будешь одевать эту вещь. — Он подмигнул. — Маленький домик с круглым окном — это твой коттедж, а маленький красный камень в окне напомнил мне фрикадельку... так что у тебя есть коттедж с окном-

фрикаделькой. Это ясно без слов. — Он хмыкнул. — Маяк — это Фэйрчайлд Лайт на южной стороне острова, где живет моя девушка. — Он нежно меня поцеловал. — Замок-сердце... и к нему есть только один ключ. Ключ — это ты. Ты мой ключ, Брук Кастерлей.

— Это самое красивое объяснение, которое я когда-либо слышала...

— Посмотри на обратную часть замка, и ты увидишь мои выгравированные там инициалы. Твои я добавил на основание ключа.

Красивыми витиеватыми буквами были выгравированы инициалы КДЖУБ на замке, на ключе были видны мои — БЭК.

— Чтобы я никогда не забыла, что ты — сердце, а я твой ключ? — спросила я.

— Точно, красавица.

— Что если я скажу тебе, что ты для меня также, Калеб? Что я — сердце, а ты — мой ключ?

— Я, Брук?

Я кивнула, мне потребовалось время, чтобы прийти в себя от натиска бурливших эмоций.

— Ты в моем сердце, Каааа...леб. Ты очень глубоко здесь, я думала, что ты стал здесь, внутри ч-частью меня... я думала... не хотела до-допускать эти чу-чувства. — Я растопырила пальцы и приложила к области сердца на груди, пытаюсь сказать остальные слова. — Но мое сердце действительно заработало. Ты исцелил его, и то, что было сломано внутри, ты починил, оно стало жить. Теперь я знаю, что я чувствую. Я не поняла этого сразу, потому что никогда раньше не испытывала таких чувств, но я осознала их, когда ты уехал в командировку. Я ужасно скучала, но кроме этого, я видела, как ты сильно заботился обо мне, приглядывая за мной через своих родственников и друзей, пока ты был в отъезде. Вот когда я все поняла окончательно. И в то же время ты выбрал для меня этот прекрасный подарок, я поняла, что влюбилась в тебя. — Я взяла его лицо в ладони, потерла большими пальцами по его щекам и почувствовала щетину на его подбородке под своими пальцами. — Я люблю тебя, Калеб Блэкстоун, ты очень глубоко засел у меня в сердце.

Он на секунды закрыл глаза, переваривая мои слова. Я услышала, как он резко выдохнул и поняла, что он ждал этих слов от меня. И сейчас, наконец-то услышал эти три важных слова, он встряхнулся. Я чувствовала своими пальцами, как его бьет дрожь, как только я прикоснулась к нему. Я поняла, это было ясно как день, сказав Калебу, что я его люблю, это слова для него имели очень глубокое и важное значение.

Любовь к нему заставила меня кое-что понять. И это совсем не касалось социального статуса. *Я люблю его... каждую часть его — красивую, щедрую, заботливую.* И любить его было очень легко, словно он был специально создан для меня. И я видела, что тоже самое происходило с ним. *Он полностью любил меня, такой какая я есть.* Это не имело для меня раньше никакого смысла, но любовь к нему открыла мне глаза на этот поразительный факт. Любовь может быть просто любовью.

Калеб не произнес ни слова, он обхватил меня и поцеловал. Он целовал меня всю дорогу, пока нес наверх по лестнице. Он не прекращал меня целовать, снимая с меня халат, даже пока сбрасывал с себя джинсы, которые надел после ванны. Он продолжал меня целовать, когда мы были уже голые и вместе лежали на моей кровати, и он вошел в меня.

Когда мы соединились чуть ли не в одно целое, он сказал:

— Я люблю тебя, Брук. Только тебя.

Он не сдерживался после этого в словах, которые говорил мне.

И я тоже.

Глава 25

Брук

Утро понедельника наступило слишком быстро для нас обеих. Повторно вернуться к реальности после нашей эмоциональной связи в выходные было сродни, словно мы падали из бесконечных облаков в пустыню, чтобы пройти по раскаленному песку босиком. Но поскольку мы делали это вместе, как пара, то падение было хорошим.

Пока я подготавливала коттедж для своих дней и ночей в Бостоне, телефон Калеб взрывался от звонков. Он принимал вызовы, становясь все более взволнованным, я никогда не видела его таким раньше.

— Никакой реакции — это лучший способ справиться с этим, Кельвин, и если ты и впредь собираешься получать средства для своих дочерних компаний от BGE, нажми на них и прекрати все это дерьмо, бл*дь, без шумихи. Сделай, чтобы они заткнулись, и ты будешь вознагражден. — Видно, к его разговору подключился кто-то еще.

— Что? Черт, нет! Эти придурки-тунеядцы не получают от меня заявления. Seriously, Джорджи, ты прекрасно меня знаешь. Мать твою, так выясни это. Используй все ресурсы компании, которые есть в твоём распоряжении, иначе мне придется найти кого-то другого, кто смог бы возглавить отдел. Кладу трубку. — Он опять переключился.

— Меня не волнует. С какой стати я должен это делать? Это частная информация, которую они не имеют права обнародовать. Тодд, я даже не должен этого говорить, ты возглавляешь гребанный пиар отдел, так сделай свою работу и напиши релиз для общественности, мать твою! Я уже говорил тебе, что нужно сделать, но тебе не понравилось мое предложение. — Закончил он резко и переключился на следующий звонок.

— Эй. Хватит с меня этих чертовых папарацци-циркачей. Мне нужно, чтобы ты связался с LeRoy, службой безопасности для круглосуточного наблюдения. Двое, должно быть достаточно. Двадцать четыре часа, семь дней в неделю, когда она не будет у меня перед глазами, пока все не уляжется или какая-нибудь новая сенсация не встряхнет мир, отвлекая этих гадюк от нее.

Я подняла глаза, поливая комнатный папоротник Нэн, Калеб внимательно наблюдал за мной. Одними губами он произнес «люблю тебя», слушая по телефону. Он протянул руку, приглашая подойти к нему. Он схватил меня за руку, как только я оказалась в его досягаемости.

— Я буду в восемь тридцать. Спасибо. — Завершив телефонный разговор, он потянул меня вниз на диван в гостиной, усаживаясь рядом. Он приподнял мой подбородок и внимательно пристально посмотрел мне в глаза, я почувствовала неладное.

— Кто звонил?

— Сейчас? Виктория. Перед ней звонили нытики, которым необходимо было дать пару подзатыльников, к сожалению.

— Калеб, что случилось?

Он по-прежнему удерживал меня за подбородок, оставив на моих губах нежный поцелуй, прежде чем отодвинуться, его глаза возбужденно заблестели, как и всегда.

— Мне нужно, чтобы ты вспомнила все, что мы сказали друг другу в эти выходные. Все это было настоящим — настоящие слова, настоящие чувства, настоящие эмоции, реальная правда о нас. Хорошо?

Я почувствовала, как меня прошиб пот.

— Ты пугаешь меня. Что все это значит? Кaleb... я не знаю, что...

— Шшш... все будет хорошо, — успокаивал он меня, — не бойся, детка. Я справляюсь с этим. Единственное, что мне сейчас нужно, чтобы ты доверилась мне, и я смог позаботиться обо всем, защитив тебя. Потому что я не позволю никому и ничему причинить тебе боль или забрать тебя, мы вместе.

Защитив от чего?

— Пожалуйста, скажи мне, — стала умолять я его, чувствуя себя так, словно у меня начался вирус. О Боже. Моя первая мысль была о семье Маркуса. Может они нашли меня через Калеба? *Скорее всего, да.*

— Я люблю тебя, Брук, — напомнил он мне своим глубоким уверенным голосом.

— Я знаю, что любишь. Я тоже люблю тебя. — *Кaleb любит меня, не забывай об этом.*

Я заметила, как у него напрягся подбородок.

— Папарацци пронюхали про свадьбу в эти выходные. Также они сделала фотографии. Вероятно, получили от своего ресурса или еще кого-то, кто был в субботу среди нас, и сейчас эти фотографии хлынули поток с большим количеством гипотез и домыслов в интернет. Новости о знаменитостях в любом формате сообщают о тебе и обо мне. Я надеялся, что мы могли бы встречаться инкогнито, прежде чем столкнемся с такого рода проблемой. Но, боюсь, что такого уже не будет.

— О чем они пишут?

— Вот главный сюжет сайта CNZ Day. — Он протянул мне свой телефон с скриншотом и фотографиями с сайта о популярных знаменитостях ТВ-шоу. «РЕАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ ЗОЛУШКИ — МИЛЛИАРДЕР БЛЭКСТОУН ПРЕТЕНДУЕТ НА ВНУ ГОРНИЧНОЙ». И тут же была фотография нас на свадьбе. Кaleb и я, разодетые в пух и прах стояли в дверях старой церкви, и фото было сделано как раз в тот момент, когда он целовал меня в макушку. От вспышки фотокамеры мое платье выглядело белым, а не из золотых кружев. Фото, однозначно, вводило в заблуждение и наводило на размышления... словно мы были женихом и невестой, выходящими из часовни, только что поженившись. Если бы я увидела эту фотография, как сторонний наблюдатель, я бы так и подумала. Фотка была сделана целенаправленно, как бы показывая нашу тайную свадьбу, а не Германа с Нэн. Правда заключалась в том, что растянутый на несколько строк заголовок «истории золушки» способствовал продажи газет и журналов. *банный ад.

О, мой Бог.

— Кaleb, я не знаю, что сказать. — И я, действительно, не знала, потому что это было ужасно, что общественность видела мою фотографию и теперь знает мое имя, и... будет наблюдать за мной. *Знают ли они?* И теперь Патенны знают, где я? Хотя семья Маркуса осталась в прошлом, но они подозревают, что я слишком много знаю о них. Или они думают, что они неприкасаемые? Я задумалась, стоит ли мне пугаться.

— Ты ничего не должна говорить, Брук. Я боялся, что в итоге такое могло случиться, но у меня была надежда постепенно раскрыть наши отношения для общественности, как пары. Собаки папарацци все время разыскивают меня, я их ненавижу. К сожалению, их кто-то предупредил о свадьбе или кто-то с острова сделал фотки и продал им. — Он поморщился от отвращения. — Такое происходит постоянно.

— Так, все твои звонки были связаны с тем, чтобы замять эту историю?

Выражение лица его смягчилось.

— Я бы хотел иметь такую власть, детка, о, как я хожу иметь такую власть. — Он убрал выбившую прядь моих волос за ухо. — Нет, боюсь, что мы рассекречены. Теперь все это дерьмо вылило на общественность. Папарацци теперь будут преследовать тебя и писать статьи, не соответствующие действительности. Они будут фотографировать и задавать вопросы, когда поймают тебя врасплох. Нелицеприятные фотки и истории, для них становятся более ценными, потому что рейтинг изданий будет повышаться.

— Но, я не хочу внимания, Калев. Я не хочу... я не хочу, чтобы меня преследовали и фотографировали...

— Шшшш, — он прижал меня к своей груди, рука опустилась сзади мне на шею. — Все нормально. Помнишь, что я сказал, когда начал этот разговор. Я люблю тебя, и ты должна доверять мне. Я справляюсь с этим.

— И как все будет, Калев? — спросила я с сожалением. Не знаю какие слова он должен был подобрать, чтобы успокоить панику, поднимающуюся у меня внутри.

— Я уже обеспечил тебе охрану на каждую секунду, если нет меня рядом. Тебе не следует идти сегодня на работу, возможно, даже всю эту неделю не следует там появляться. Ты можешь работать из пентхауса и Эдуардо будет встречаться с тобой там. Я могу позвонить твоему боссу, если это необходимо, когда мы доберемся до моего кабинета.

— Чертовы охранники? — я даже не могла вообразить такой сценарий.

— Боюсь, что это необходимость, детка. Мне очень жаль, но для тебя не безопасно теперь ходить без охраны, и я буду полным идиотом, если не воспользуюсь таким шансом. Ты слишком мне дорога, а в мире полно сумасшедших людей.

— Кто-то может попытаться похитить меня ради выкупа или что-то в этом духе? — *Куда делся весь кислород?* Я почувствовала себя совершенно больной.

— Черт, не говори так. Никто не сможет так близко подобраться к тебе, пытаюсь что-нибудь с тобой сделать. Я позабочусь об этом. Брук, детка... это нормально. Ты только что резко и грубо вступила в общество, где СМИ питается новостями знаменитостей, потому что они имеют власть, а в моем случае, и богатство.

— Ты злишься из-за того, что они написали о нас, — спросила я, отстраняясь от его колотящегося сердца в груди.

— Что? Злюсь? Нет! Я не злюсь на фотографии или то, что они написали. Я люблю тебя, и мы вместе. И это все. Они бы все равно узнали рано или поздно. Прости, Брук, но это одно из тех, не очень приятных последствий, связанных со мной.

Я молчала, у меня не было слов, чтобы ответить. Испытывая настоящий шок от его слов, едва соображая своим озадаченным мозгом. Калев прошелся вверх и вниз по моей спине, как бы успокаивая меня.

Наступила тишина, некомфортная тишина, пока секунды бежали вперед. Наконец, я выбралась из его объятий и опустила глаза вниз на колени. Я не могла встретиться с ним взглядом.

— Брук? — его голос был на взводе.

— Да? — я по-прежнему смотрела вниз, не глядя на него.

— Это та часть, когда ты должна сказать что-то похожее на: «Я знаю, что ты любишь меня, Калев, и меня не волнует, даже если мир знает о нас, потому что я тоже люблю тебя». — Он был напряжен и еле сдерживался, и мое молчание заставляло его чувствовать, будто я отказывалась от него.

Я подняла глаза и встретилась с его слишком беспокойным взглядом, в котором уловила

даже боль.

— О, Кaleb, я знаю, что ты любишь меня, и я люблю тебя. Я боюсь людей, вторгающихся в мое личное пространство... и то, что они знают обо мне. *Мне нравится моя спокойная, размеренная жизнь.* Я хочу, чтобы моя жизнь оставалась такой же спокойной, как и была. — Если бы он только знал, какой ужас я испытывала только от одной мысли, что меня фотографируют и выставляют на всеобщее обозрение и что кто-то может за мной следить, возможно, он понял бы меня намного лучше. *Не иметь возможности самостоятельно передвигаться. Задушенная эмоционально. Контролируемая.* То, чего я не ощущала, вернувшись на остров. Эти ужасные эмоции были связаны исключительно с Маркусом и его ужасающими срывами. *Дыши.*

Но сейчас все было по-другому. Сейчас вроде бы и похоже, но с Маркусом я никогда не чувствовала себя в безопасности. Кaleb не пытался меня контролировать, он пытался обезопасить меня. *Защитить.*

И даже защитить на острове.

— Я знаю, но я не могу тебе обещать, что твоя жизнь никогда не будет прежней, по крайней мере, сейчас некоторое время.

— Кaleb, я не могу...

— Что? Ты хочешь сказать, что не можешь быть со мной? — Он посмотрел на меня таким взглядом, который резанул по самому сердцу.

Я выдохнула.

— На публике, Кaleb. Я не могу вернуться в Бостон прямо сейчас. Я остаюсь здесь. Я буду работать отсюда на этой неделе. — Я знала, что бессмысленно бормотала, но не могла до сих пор остановить панику у себя в груди.

— Брук, ни за что я не оставлю тебя здесь без охраны и не выпущу из поля своего зрения при сложившейся ситуации. Ни в коем случае, так что ты можешь просто забыть о своей идее, детка, и выбросить ее из головы. — Он зыркнул на меня так, я никогда не видела раньше у него такого взгляда. — Ты вернешься со мной в Бостон, пока я не сделаю твое место нахождения здесь безопасным для тебя, — подчеркнул он, потянувшись ко мне.

— Но я не хочу, — сорвалась я, отстранившись от его руки. — Это не мой выбор. — На этот раз слова прозвучали как слабый шепот.

Он замер, его глаза стали огромными, пока он смотрел на меня.

— Я знаю, что это не твой выбор, но и не мой, я пытаюсь, чтобы он был приемлемым для нас обеих. — Его хмурый взгляд сменился на более мягкий, он снова протянул руку ко мне... медленнее на этот раз, но всем своим видом показывая, что не примет отрицательный ответ... притянул меня к своей груди.

Я разрешила ему удерживать в своих объятиях, слушая, как он называл мне уйму причин, почему мне не стоит бояться и вернуться с ним в Бостон. Он сказал, что потребуются время, чтобы поставить охранную систему в коттедже на острове... и это разбило мне сердце. Я не знала, как ему сказать, но знала, что своими словами причиню ему еще большую боль. Я была так напугана и в тоже время чувствовала себя как эгоистичная стерва, но это меня не остановило.

— Но, Кaleb, ты сказал, что готов войти в мой мир вместе со мной. Ты так сказал, — напомнила я ему, понимая, что это ничего не изменит в данной ситуации.

— Я помню, что говорил, Брук, и я готов, но мне нужно время, сейчас целое гнездо гремучих змей пытается раскопать твою историю, и я смогу обезопасить тебя, забрав с собой

обратно в город, где у меня есть средства и ресурсы, удерживать их, мать твою, как можно дальше от тебя.

— Это не навсегда, Калеб, ты понимать? Я поеду на некоторое время только из-за соображений безопасности. Я не буду постоянно жить с тобой в Бостоне. Хотела бы я ради тебя, потому что твой дом и работа там. Но я знаю, что не смогу. Мне трудно объяснить, но мне н-н-необходимо жить здесь, на острове. — Я вздрогнула и выдохнула, мне казалось, что не хватает воздуха.

— Я понимаю, детка,— спокойно ответил он.

— Понимаешь?

— Да. Я понимаю, что тебе необходимо, потому что люблю тебя и хочу дать тебе все, в чем ты нуждаешься. Мы можем жить на острове, если в городе тебе не нравится. Мне собственно без разницы, я могу прилетать и улетать за несколько минут на чоппере, но... и это одна огромная задница, я не могу решить это в одночасье. Для этого нужно время, чтобы у нас здесь было подходящее место, охраняемое и особенно с ограниченным доступом идиотов, которые захотят приблизиться к тебе.

Я кивнула ему в грудь, вдыхая запах его одеколона, который помогал мне прийти в себя от перегрузки эмоций.

— Спасибо. Прости, что столько доставляю тебе проблем. Я хотела бы чтобы все было по-другому, но мои желания не меняют того, как сильно я люблю тебя. — Его слова заставили меня полюбить его еще больше, если честно. Он не пытался заставить пойти на его требования, просто принять изменившуюся ситуацию в нашей жизни, связанную с нашей безопасностью и моей потребностью. *«Я понимаю, что тебе необходимо, потому что люблю тебя и хочу дать тебе все, в чем ты нуждаешься».* Моей маме отец никогда такого не говорил.

Он вздохнул, и я почувствовала, как будто это был его вздох облегчения. Я уже научилась считывать его язык тела.

— Ты даже не представляешь, насколько мне необходимо было услышать эти слова от тебя, детка. — Да. Я была права. — И я не хочу, чтобы ты стала другой... ни за что. Будь такой, какая ты есть и ни о чем не сожалей.

— Несмотря на всю эту передрагу, факт остается фактом — ты замечательный человек. Я до конца так и не понимаю, почему ты до сих пор от меня не сбежал. Ты остался со мной, признался в любви, пообещал жить здесь в моем коттедже и у меня такое чувство, словно это сон наяву. Это не может быть реальностью.

— Это как раз реально, Брук. Все реально.

После нескольких минут молчания он спросил:

— Готова?

— Готова, — соврала я.

Пока я везла нас на вертолетную площадку, размышляла над нашей ситуацией. Я понимала, что пройти ее мне будет не легко, особенно постоянно видеть себя в новостях и в сплетнях журналов, и я поклялась себе их не читать. Но сама мысль, что кто-то будет писать о моей личной жизни, скручивала мне живот. Вопрос с папарацци будет довольно трудным для меня, чтобы я смогла его пережить. Мне хотелось выдержать и выйти с достоинством, мне не хотелось, чтобы Калеб слишком об этом переживал, но я не могла отрицать, что в моем сердце поселилось беспокойство.

Я сама не знала, достаточно ли я окрепла и набралась сил, чтобы выйти из этого дерьма

невредимой... думаю мне предстоит это выяснить.

Чем ближе мы подходили к площадке недалеко от дома Лукаса, тем больше я понимала на какие уступки пошел Кaleb ради меня, чтобы проводить выходные со мной на острове. Он делал все возможное, чтобы удовлетворить мои желания, за исключением, когда вопрос встал о пароме. Он сказал, что паром Блэкстоун-Айленд не будет сокращать его рабочий день, и он не захотел, чтобы я тоже на нем плавала. Он сказал, что тратить час впустую неприемлемо для него, когда его вертолет может совершить посадку через пятнадцать минут. Я не жаловалась. Я скучала по парому, но мне нравилось добираться на материк за считанные минуты, а не за час или больше в зависимости от условий на море.

Пилот Калеба был огромный бывший военный по имени Спенс. Он был немногословен, но Спенс был надежен, как гора. Он всегда поджидал нас у вертолетной площадки, так же, как и сейчас. Двигатели уже работали, я припарковалась и закрыла дверь Вуди. Кaleb помог мне преодолеть дикий ветер от пропеллера и усадил меня в кресло.

Он пристегнул меня, я наблюдала, как он внимательно застегивал вокруг меня ремень безопасности, проверив замок несколько раз. Своего рода метафора, именно это он пытался сделать и в жизни, обезопасить. Я полностью доверилась ему.

Он быстро чмокнул меня, прежде чем пристегнуться самому. Казалось, что у Калеба не было никаких сомнений на этот счет, и мне нравилось, что он был так уверен по жизни. Его уверенность очень важна была для нас обоих сейчас, потому что у меня самой столько уверенности не было.

Пришло время лицом к лицу встретиться с моей новой жизнью, в центре которой я оказалась, при повышенном внимании общественности, и не важно насколько я презирала эту идею. Сейчас я была с Калебом это главное. Со всем остальным можно будет разобраться и потом.

Время, чтобы я смогла обдумать свое новое положение, было мизерным.

Через несколько минут, а точнее через пятнадцать, Спенс совершил посадку на крышу здания Blackstone Global Enterprises в деловом центре Бостона.

Глава 26

Калев

— Калев, ты же не серьезно с этой девушкой. Она незаконнорожденная внучка нашей бывшей домохозяйки, ради всего святого. — Моя мать стояла в моем кабинете, в своих доспехах от Prada и Gucci, пытаюсь своим неодобрением Брук повлиять на меня. *Помешательство* было единственным объяснением психического состояния моей матери в данный момент.

— Уверю тебя, я абсолютно серьезен по отношению к Брук, и для записи, она внучка твоей снохи, которая теперь замужем за моим очень богатым дядей. И еще одна новость для тебя, мама, мы же живем не в пятидесятые, когда все так заботились о родословной. Такой аспект как внебрачный ребенок не имеет большого веса, когда есть деньги, чтобы повлиять на него... мое состояние и Германа должно быть достаточно, чтобы сгладить любые оскорбленные чувства. — Это был вызов, чтобы сдерживать мои прохладные с ней отношения. Она выждала три дня, после новости на первых страницах, прежде чем снизойти до меня, бросив свои два цента по поводу Брук. Я совсем не нуждался в данный момент в ее заднице, поскольку отбивался от безжалостной прессы, сражавшейся за объедки, как гиены над трупами. Это было утомительно.

— Твой отец стал бы страдать от твоего выбора, — сказала она, покачивая головой.

— Серьезно, мам? Ты веришь, что папа не одобрит бы Брук, если бы он был жив?

— Да, Калев, я знаю, кого бы он хотел видеть рядом с тобой.

— Я не согласен. Ты ошибаешься. Причем на сто процентов. Он сказал мне держаться за ту, которая сделает меня счастливым всем сердцем. Поскольку Брук — единственная женщина, которая может сделать меня счастливым, я держусь за нее.

— Он так сказал тебе, сынок? — спросила она немного более рассеянно, нежели, когда начала наш разговор.

— Когда умирал, да, сказал.

У нее отразилась гримаса боли на лице, и я понял, что она до сих пор горюет о нем.

— В конце жизни, у него возникли некоторые сожаления, но он не стал бы мириться с твоими отношениями с Брук. Имя Блэкстоунов было слишком важно для него. — Она медленно покачала головой. — Нет, он не одобрил бы, Калев, особенно сколько он сделал для тебя, он хотел, чтобы ты получил самое лучшее, что может предложить тебе жизнь.

— Разве не так поступает каждый родитель со своим ребенком? Разве родители не хотят, чтобы их дети были счастливы и не стараются дать им все самое лучшее?

Могу сказать, что она зашла в тупик, благодаря моей логике.

— Это не все. Твои отношения с Брук не выдержат давления общества. Она не сможет подняться выше своего скандального прошлого...

— У нее нет скандального прошлого, мама!

— Брук никогда не будет принята как одна *из рода*, — жестко сказала она.

— Брук не заботится о социальном статусе, и, честно говоря, меня тоже он мало заботит. Если мне не придется посещать следующее мероприятие, где *род* расхаживает напыщенно разодетый с самодовольным видом, распространяя вокруг себя запах Шанель, что чуть ли у них пар не идет из задницы, я согласен. Я также могу выписать чек на благотворительность, не посещая самого приема.

— Тебе необходима жена, которая понимает, как двигаться в обществе, в котором ты родился, сынок.

— Ты имеешь ввиду, кого-то вроде Дженис?

— Конечно. Торндайки также расстроены, как и Дженис. Алисия сказала мне, что они были шокированы, узнав, что ты завязал новые отношения сразу после разрыва с Дженис. Им это совсем не понравилось.

— Ну, не надейся, потому что Дженис явно *не кандидат* в мои будущие невесты. Им не нравится, что я предал их дочь. Я избавлю тебя от всех неприглядных подробностей и просто оставлю все, как есть. А подробности безобразные. — Она скривилась. — Кроме того, есть только один человек, который никогда не претендовал на звание миссис Калев Блэкстоун, и ее зовут Брук Кастерлей.

— Калев, ради бога. Все мы знаем Дженис уже много лет. Я уверена, что она не способна сделать ничего, что не сделала бы другая отвергнутая тобой женщина, если учесть, как резко ты с ней порвал.

Мама дорогая, ты даже не представляешь на что она способна. Очевидно, родители Дженис совершенно не имели понятия о психическом состоянии и агрессии, манипуляциях своей дочери. Мне стоило сделать фотографию своей ванной комнаты, прежде чем Энн привела все в порядок. Джеймс получил от нее смс-ки, поскольку я заблокировал ее номер. Даже Джеймс был удивлен, что она говорила ему обо мне.

— Она все еще верит, что ты женишься на ней, — поделился он со мной на прошлой неделе. — Она говорит, что ты только оттягиваешь время со своей английской шлюхой, но потом ты опомнишься и попросишь у нее прощение за то, что порвал с ней. Она бл*дь бредит, мой друг. — Я не мог с ним не согласиться. Спасибо, бл*дь, я меняхватило мозгов с ней порвать.

— Дженис не для меня и никогда не будет.

— Это очень жалко, Калев, и если бы твой отец был жив, он бы сказал тебе то же самое.

Нет, он бы не сказал.

— Такое случается, мама, — сердито выстрелил я в ответ. — Лучшее, что ты можешь сделать, понять, что я и Дженис не подходим друг другу. Я никогда не рассматривал ее в качестве невесты.

— Так ты, действительно, собираешься жениться на этой девушке без семьи, без денег, и без социального статуса? — спросила она с досадой.

— Когда она будет готова, да. И ожидаю, что вся моя семья примет ее *в наш род с энтузиазмом, проявив доброту и уважение*. Если ты не можешь этого сделать для Брук, то ты не будешь иметь и меня в своей жизни. — Я хотел, чтобы она поняла мои серьезные намерения. — Если ты мне не веришь, просто посмотри, что получится.

Я никогда не думал, что доживу до такого дня, когда моя мать забудет про все стандарты своего статуса, которых она усиленно придерживалась. Прежде чем я успел сказать последнее слово, она вступила в сражение. Удивительно. Это было странно наблюдать, потому что я никогда не видел, чтобы она теряла завесу холодной уверенности, которую всегда таскала с собой. Никогда. Конечно, это не то, что я хотел услышать от нее.

Каждый год в субботу после дня Благодарения в штате Массачусетс в клубе Back Bay проходит осенний бал. В этом году будет 108-й благотворительный бал с дресс-кодом — смокинг и вечернее платье, отмеченный первым публичным появлением совместно Брук и меня. Во всех отношениях это был наш первый бал. После сегодняшнего вечера больше не будет сплетен и домыслов по поводу наших отношений, потому что мы появимся вместе.

Последние три недели борьбы с папарацци требовала подчас напряженно внимания, даже мне с моим богатым опытом на их выходы, неприятностей на мою задницу хватило. Брук ненавидела их со всей страстью, но она держалась, оставаясь в Бостоне, я сделал все возможное, чтобы оградить ее от их неустанного радара.

Таким образом, она стала для общественности милой сердцу Золушкой. Первая статья с этим заголовком в CNZ и фотки, якобы нашей свадьбы, не принесло «грязного белья» к нашей двери. Красавица Брук, с отсутствующим прошлым (из-за своей молодости, никогда не была в центре общественного внимания до сих пор) была определено приманкой для сплетен. Бедная, работающая, красивая девушка бросилась на глаза холостяку миллиардеру, и они влюбились друг в друга. Добавьте, что она была англичанкой, я американцем, получилась история Золушки, которую всем хотелось прочесть.

Брук говорила, что ее не волновало, что они раскопают о ней, потому что скрывать ей было нечего. Все близкие ей люди умерли, поэтому их уже не волновало, что о них напишут. Ее мать и отец, конечно, и даже ее монстр муж не нагнетали негатива в прессе, поскольку были мертвы. Общественность всегда сочувствует тем, кто пострадал или пережил горе потерь. Я заботился, чтобы все статьи не причиняли ей боль, но пока пресса рассказывала просто обычную историю ее жизни. Прессе очень понравилась тема ее бабушки, будучи «служанкой» она вышла замуж за богатого мужчину. История Германа и Эллен, словно нажала какие-то кнопки, общественность была в восторге, и я понял, почему так хорошо продаются газеты и журналы.

Был только один негативный момент, который тоже не ушел из неотступного внимания СМИ, сосредоточенных на наших отношениях. Наше фото вызвало воспоминания у многих, кто был свидетелем ссоры Брук с Олдричем, а в частности, испорченные дизайнерские костюмы, неподобающее поведение его к ней, и как она разбила ему нос. Этот эпизод надолго остался в памяти людей, которые были свидетелями случившегося, а также тех, кто был одним из немногих счастливицов, на которых был опрокинут соус коктейля из креветок. История крутилась и передавалась общественностью и прессой, обрастая все новыми деталями, поэтому миссис Олдрич подала на развод за омерзительный обман на своего мужа. Весть об этом, сделала меня чертовски счастливым, этого отрицать я не мог. Олдрич заслужил это за свое отношение к женщинам, и я надеялся, что его жена получила хорошую компенсацию в качестве награды за то, что столько времени терпела своего мудака мужа.

Несмотря на довольно непростое время, хотя папарацци были на нашей стороне, мои переживания за безопасность Брук ни в коей степени не уменьшились. Моя команда находилась в состоянии повышенной готовности, так, как никогда. Многие отморозки в мире помешаны на знаменитостях, пытаюсь якобы с ними подружиться. Иногда они могут начать преследовать, вплоть до начала физических посягательств (их извращенные умы оправдывали их собственные действия, психоз их поведения). У меня также было беспокойство, что ее могут похитить и потребовать выкуп, это пугало меня больше всего. Я не многим доверял в своем ближайшем окружении, и среди тех, кому я мог безоговорочно

довериться были члены моей семьи, либо с кем я прошел рука об руку в течение многих лет, и они доказали мне свою преданность. Джеймс до сих пор не был уверен на все сто, что Паттены не попробуют встретиться с Брук. Хотя он не отрыл ничего, что доказывало бы их действия в этом направлении, но мы оба знали, что она слишком много знала об их преступной деятельности. Это была небольшая туча, висящая над нами, но у меня была такая роскошь, как неограниченные ресурсы, чтобы удерживать любое их нежелательное действие, как можно дальше от нее. Паттены прекрасно понимали, что им нужно постараться сокрыть свое дерьмо, так что мы оба успокоились, полагая, что они считали себя непробиваемыми.

Я сделал некоторый прогресс в обустройстве места для нас на южной части острова Блэкстоун. Мой старый друг Ашер, показал мне правильное направление — двадцать акров земли, примыкающие к небольшому коттеджу Брук, были свободны на юге. Я сделал свое предложение, включая и другие близлежащие участки, чтобы у нас был свой оазис с прекрасным видом и частной собственностью. Потребуется какое-то время, чтобы выстроить дом, но уже все завертелось. Меня действительно мало волновало, где я буду жить, если Брук будет рядом со мной, там и будет мой дом. *Теперь она сама проектирует дизайн дома, она сама сделает его.* Она хотела жить на острове, там мы и будем жить. Для меня это было довольно-таки просто.

Брук стала для меня самым важным приоритетом в жизни. Моя жизнь резко изменилась всего за два коротких месяца, и я понял, что никогда не смогу вернуться к тому, что было раньше. Каждое решение, которое я принимал в данный момент, было тем или иным образом связано с Брук и с нашей совместной жизнью. Чем больше я думал о том, что отец сказал мне перед смертью, тем больше я ему верил. Несмотря на убеждение моей мамы, что папа не одобрил бы мой выбор Брук, я не мог с этим согласиться. Он бы боготворил ее. Он бы пожелал нам быть счастливыми и поскорее сделать его дедом.

Когда-нибудь...

Я написал новую смс-ку:

Как моя дорогая, красивая девочка себя чувствует?

Я надеялся, что ей полегчало, поскольку утром она проснулась с сильной головной болью. Я подумал, что если бы она была не в настроении идти на Осенний бал, она бы сказала мне об этом.

Намного лучше. Головная боль прошла. Мне и Винтер делают макияж и прическу. Спальня сейчас превратилась в настоящий салон красоты. Когда ты вернешься домой?

Я был рад, что Брук подружилась с моей сестрой. Их объединили общие интересы, казалось, они бесконечно находили интересные темы для разговоров. Они вместе покупали одежду и предметы декоратора для ремонта. Винтер познакомила Брук со своими коллегами в центре по делам молодежи Южного Бостона, где она стажировалась для получения степени магистра, и Брук записалась волонтером и посещала его раз в неделю. Брук очень нравилось помогать детям, и я видел ее потенциал в волонтерской деятельности, поэтому был готов сделать большие вливания в этот центр в будущем. Я не забыл ту историю, которую она мне рассказала про женщину, которая сильно помогла, когда Брук смогла вырваться из нежелательного брака. *Марни Коул.* Я не стал сходить с ума по поводу

окрестностей, где располагался центр, куда она ходила волонтером, все проверил, убедившись, что она полностью находится под защитой, поскольку она наслаждалась своей работой там.

К: Мне нужно забрать одну вещь, и тогда я буду дома. Не могу дождаться, когда смогу взять мою Золушку и отвезти на бал. (поцелуйчики)

Б: Я не могу дождаться, когда мой Принц Очарование возьмет меня на бал. (обнимашки и поцелуйчики)

Мы продолжали в том же духе, повторяя слова друг друга. Почему-то со временем нам не надоело и для нас это не выглядело пошлым, наоборот, это было полностью нашим.

К: Я «возьму» тебе после бала, детка.

Б: Неужели это мой Принц Очарование пишет мне сексуальные смс-ки?

К: Да, именно он. Пришли мне свою фотку, пожалуйста.

Она прислала мне свою фотку — в черном бюстгальтере без бретелек, в волосах гигантские бигуди, посылая мне воздушный поцелуй.

Б: Это лучшее, что я могу тебе послать, поскольку в комнате не одна. (смайлик ржунемогу). Воспользуйся своим воображением.

К: Сексуальная. Я всегда пользуюсь своим воображением, когда думаю о тебе. Скоро увидимся, красавица.

Б: До скорого, красавчик.

Я открыл ящик своего стола и достал бархатную коробочку, которую прятал там в течение недели. Я купил этот подарок по наитию вместе с браслетом, когда был в Абу-Даби на конференции. Один из вечеров я посетил ювелирные бутики в гостинице, где проходила конференция и случайно наткнулся на него в витрине.

Кольцо.

Очень необычное кольцо.

Тогда я не хотел дарить это кольцо Брук, мне казалось, что это слишком быстро, что я тороплю события. Поэтому я припрятал его здесь, понимая, что, в конечном итоге, стоит немного подождать, чтобы время было подходящим. Кольцо стало моей импульсивной покупкой, оно просто идеально ей подходило (как мы встретились), и я надеялся, что она поймет ход моих мыслей, почему я его выбрал. Я надеялся, что она захочет его надеть на палец.

И об этом я скоро узнаю.

Я направился к лифтам, спустившим меня вниз и вышел из здания, Исаак уже поджидал меня, готовый отвезти домой... к моей Золушки.

Глава 27

Брук

— Ты уже здесь, Калев? — крикнула я из прихожей в гостиную.

— Да. Я пришел, детка. Ты можешь выйти. Я умираю, как хочу тебя увидеть.

Мой живот трепетал от нервного ликования, что сегодня вечером я буду присутствовать с Калевом на балу. Я никогда не посещала таких мероприятий, поэтому даже не могла себе представить, чего можно ожидать. Мне нравилось, что Осенний бал был благотворительным приемом, и мне безумно нравилось мое бордовое шелковое бальное платье, но кроме этих двух моментов, я не могла сказать понравится ли само мероприятие. Калев продолжал успокаивать меня, что он будет рядом со мной каждую секунду, и что все будут вести себя лучшим образом, показывая свои наряды. Осенний бал всегда хорошо освещался прессой, как местной, так и национальной. Калев хотел, чтобы нас увидели, как пару, и тем самым мы сможем положить конец домыслам прессы о наших отношениях. Для меня было не совсем непонятно, почему других так волнуют наши отношения, но так оно было.

Я медленно вышла к нему, передвигаясь ярдами шелка и тюли. Платье было настоящим произведением искусства. Длинное из шелка винно-красного цвета, с поясом-кушаком на талии и пышной юбкой из тюли. Первое что я увидела юбку, и поняла, что обязательно куплю это платье, юбка была украшена объемным бархатным каскадом цветов. Это платье, действительно, было платьем Золушки.

Я попросила Калеба отвернуться от двери, в которую собиралась войти. На нем был черный бархатный пиджак, которого раньше я у него не видела, и от него пахло просто восхитительно. Через всю комнату я чувствовала его неповторимый мужской аромат, в сочетании с приятным одеколоном, его аромат искушал меня. Он всегда выглядел слишком хорошо.

Прибыв домой он вынужден был воспользоваться гостевой спальней, чтобы принять душ и переодеться, поскольку Винтер и я экспроприировали нашу спальню, устроив в ней настоящий салон красоты. Он, не моргнув глазом, молча согласился, несмотря на то, что его лишили святая-святых — нашей спальни. Ранее ему было достаточно кинуть одного взгляда на наши девичьи покупки, которые росли с каждым днем в спальне и ванной комнате, поэтому он сдался без боя. Подобные вещи он воспринимал совершенно спокойно. Еще одно из многих качеств в Калеве, которые я просто обожала. Сейчас я даже не могла представить свою жизнь без него. Он стал частью меня.

Я так сильно его любила.

— Теперь ты можешь на меня посмотреть, — наконец произнесла я.

Он развернулся и окинул меня взглядом сверху донизу, а затем прошелся опять глазами вверх, остановившись на моем лице.

— Ты настоящая Золушка в этом платье. У меня нет слов. Каждый будет мне завидовать сегодня вечером.

— Думаешь, будут? Почему ты так говоришь, мой Прекрасный принц?

— Потому что я — счастливый ублюдок, который заберет тебя домой в конце бала и снимет с тебя это красивое платье.

— Думаешь наперед, как обычно, я вижу.

Он прошагал ко мне, сжимая в руке маленькую коробочку.

— Я очень хорош в том, чтобы думать наперед, детка. Иначе я не сделал бы свое состояние, идя на поводу паршивых прогнозов.

— В самом деле? — Он остановился прямо передо мной, и я наслаждалась его пьянящим ароматом. — Имеются ли у тебя какие-то прогнозы на ближайшее будущее?

— О да, — коварно произнес он. — Например, я хочу страстно поцеловать Золушку прежде, чем отвезти ее на бал.

Я не смогла сдержать улыбку.

— Золушке очень понравился твой прогноз.

Он наклонился к моим губам, приподняв одним пальцем мой подбородок. Мне пришлось бороться с желанием зарыться пальцами в его волосы и отпустить тормоза, как я обычно делала. Мне нравилось видеть его волосы взъерошенными, словно чертовый флаг колышейся на ветру, но сейчас был не подходящий момент. Вместо этого я растворилась в его требовательном поцелуе, который меня полностью взбаламутил.

— Ты красавица, Брук. Не знаю смогу ли я позволить тебе выйти сегодня из дома, — сказал он.

— Боюсь, если нет, ты разочаруешь очень многих, — напомнила я ему, хотя с радостью бы осталась этим вечером дома, если бы можно было позволить.

— Не меня они хотят видеть, детка. Сегодня они хотят встретиться с Золушкой. — Он стал покусывать мою нижнюю губу.

Теперь была моя очередь тяжело вздохнуть.

— Я надеюсь, ты помнишь свое обещание — все время быть со мной рядом. Я нервничаю, Калев.

— Не из-за чего волноваться, все полюбят тебя и будут обожать. — Он вложил мне в руку мягкую коробочку. — У меня есть для тебя особый подарок. Я ждал недели, чтобы отдать его тебе и сейчас самое время.

— Ой! — Я посмотрела на свою открытую ладонь, в которой лежала маленькая черная бархатная коробочка. Коробочка для украшений. У меня дрожали пальцы, когда я пыталась открыть крышку. Я ахнула. *О, Господи мой.*

Самое необычное кольцо, которое я когда-либо видела — произведение искусства, должно быть единственное в своем роде. Большой, темно-розовый камень, похожий на жемчуг, окруженный россыпью розовых и белых, возможно, бриллиантов, образовывал форму цветка.

— Калев... — вздохнула я. — Оно потрясающе красиво.

— Тебе действительно нравится? — спросил он. *Как он мог сомневаться, что такое может не понравиться?*

— Да. На самом деле. Расскажи мне про это великолепное кольцо. — Я даже боялась спросить, что это кольцо означало, понимая, что он мне все расскажет, он всегда был честен со мной.

— Это пион... цветы, которые я послал тебе. Темно-розовый камень — это в сорок карат кабошон турмалин, остальные камни бриллианты, рубины и розовые сапфиры. Я нашел его в витрине ювелирного магазина в Абу-Даби, и купил его пять минут спустя, как только увидел. У меня не возникло сомнений, что оно предназначалось для тебя с того самого момента, как я его увидел.

— Откуда ты знаешь, что оно предназначалось для меня?

— Все в нем мне напоминало о тебе... как мы познакомились.

— Фрикадельки? — спросила я его.

Он кивнул и улыбнулся.

— Я вошел в магазин и мне сказали, что это пион, отлично... Я понял, что это снова знак судьбу. — Он достал кольцо из коробки и засунул пустую коробку в карман. — Оденешь ли ты его на сегодняшний вечер, Брук?

— Д-д-да, — запнулась я.

Он надел его мне на безымянный палец левой руки. Палец, на котором носят обручальные кольца. Я подняла глаза, встретившись с его взглядом.

— Вся моя жизнь изменилась в тот момент, когда я увидел тебя, Брук. Я понял это тогда. Это походило, словно ты рассеяла сумрак, позволяя войти солнечному свету после того, как я столько лет жил в темноте. Именно так я себя чувствовал.

Если бы я могла любить его еще больше, я бы полюбила. Пока он говорил, видно нервничал и жестикулировал, я же онемевшая стояла напротив него, восхищаясь его подарком.

— Мне безумно нравится кольцо, Я полюбила его. И я люблю тебя, Калеб.

Он взял обе моих руки и нежно поцеловал меня, прежде чем отодвинуться и взглянуть мне в глаза.

— Я понимаю, что ты еще не готова, но я хочу, чтобы ты знала, что мое самое главное желание — провести остаток жизни с тобой, любя тебя... как свою жену.

Я вздрогнула, когда он опустился на одно колено передо мной, напротив окна, в котором отражались огни Бостона, за нами был потрясающий ночной мир.

— Брук Эллен Кастерлей, ты будешь моей женой и выйдешь ли за меня замуж, когда почувствуешь, что будешь готова?

Меня снова закружил водоворот эмоций, увлекая все выше и уводя в другое временное пространство... я была уверена в этом. Мне потребовалось время, чтобы найти нужные слова и вернуть свой голос, смотря на него сквозь завесу слез, но я как-то умудрилась справиться с собой.

— Я... я согласна, Калеб, моя любовь.

Он опять как и раньше...

Закрыв глаза на мгновение, а затем поднял глаза к небу, словно посылая безмолвную молитву. Он смотрел вверх с облегчением и благодарностью. Мой Калеб был рад, что я согласилась.

Иметь такую власть над другим человеком было немного страшно, с одной стороны. Иметь груз счастья, твоего собственного соединенного с другим, было потрясающим, прекрасным сокровищем.

Бесценным... и таким хрупким одновременно.

* * *

Мое красивое кольцо подмигивало мне во время ужина на Осеннем балу. Калеб и я никому ничего не говорили официально, но на приеме цвет общества мог отчетливо видеть, если захотели бы сложить два и два вместе... хорошо... мы не собирались врать.

Как и большинство наших отношений, эта помолвка была вихрем любви и эмоций с

Калевом.

Господи, ты только что обручилась с Калевом Блэкстоун!

Всего лишь думая об этом, я чувствовала свое сокровенное желание. Калев всегда знал свое сокровенное желание относительно меня. Мне требовалось пару раз ущипнуть себя, чтобы понять, что это реальность, и он действительно хотел на мне жениться. Он был прав, я была не готова в этот момент снова выйти замуж, но, зная Калева, его совершенство, я не сомневалась, что он ускорит мой путь, чтобы я стала готова. Когда я это ему сообщила, он засиял от счастья и сказал, чтобы я просто дала ему знать, как только *буду готова*, и он позаботится об остальном.

— Чему ты улыбаешься? — спросил он.

Я повернулась к нему.

— Думала о том, как я прекрасно себя ощущаю, когда ты счастлив.

— Я люблю тебя, — прошептал он, чтобы никто не слышал, — и я хотел бы остаться с тобой наедине в данную минуту, чтобы показать тебе это без слов.

Как обычно, его сексуальный подтекст заставил меня просто растаять. Как правило, я не особо заморачивалась на этот счет, но сейчас приходилось. Сидеть на торжественном ужине в окружении высшего общества ультра-богатых людей Бостона было определенно не время и не место для сексуальных шалостей ослепленного мной жениха, особенно с людьми, которые следили за нами со всех сторон.

Скорее проблема с Калевом была больше связана со мной. Он был очень хорош в возбуждении меня своим волеизъявлением.

— Ты очень хорош в этом, и я с нетерпением жду, когда этот вечер закончится, — прошептала я и облизала губы.

Он тихо застонал.

— Ты убиваешь меня, детка.

* * *

После ужина моя головная боль с удвоенной силой решила вернуться. Я уже сожалела о раковом супе и шампанском. Вероятно, для меня это был не лучший выбор. Мне стоило задуматься прежде, чем решать побаловать себя шампанским, когда утром у меня раскалывалась голова. Оно было таким вкусным, но последствия для меня были убийственными. После суматошных дней, связанных со свадьбой Нэн и Германа, внезапного переезда в Бостон, я посетила специалиста по ЛА. Калев позвонил главному неврологу Бостона, который был другом какого-то друга (у него были связи повсюду), мне необходимо было еще скорректировать назначение консультаций, чтобы начать процесс постановки правильного диагноза. Пока я это отложила, но Доктор Гугл выдал мне еще дополнительную информацию, которую мне следовало переварить. Я думала, что мои головные боли никак не были связаны с моей аварией. *Возможно со стрессом?*

И чувствовать на себе завуалированные взгляды ненависти на приеме, тоже не помогало моей головной боли. Торндайки бросали в мою сторону именно такие взгляды, как только мы появились. Я знала, что они родители бывшей подружки Калева, Дженис. Я ее еще не видела, но думаю, что она обязательно появится на этом вечере. Калев был не сгибаем и

казался отстраненным, когда один из хозяев вечера подвел мистера и миссис Торндайк, чтобы познакомиться со мной. Я могла сказать их враждебная реакция ко мне не смогла меня обидеть, и я очень надеялась, что Калеб сможет удержать себя в руках.

Я потеряла виски кончиками пальцев.

— Ты себя хорошо чувствуешь, детка? — спросил он.

Я кивнула.

— Я в порядке, просто снова болит голова.

— Мы можем уйти, если тебе не очень хорошо, — сказал он.

— Нет, Калеб, еще будет аукцион и награждения. Мы не можем пока уходить, пока нет.

Со мной все будет в порядке, и я все еще хочу потанцевать на танцполе с моим Прекрасным принцем. — Я улыбнулась. — Я смогу это пережить, если ты принесешь мне стакан воды со льдом.

— Считай, что уже сделано, — сказал он, поцеловав меня в пульсирующий лоб. — Оставайся здесь, я вернусь в мгновение ока.

Я наблюдала, как мой мужчина отправился выполнять свою миссию, любуясь, насколько он красиво выглядел в своем смокинге, и наполняясь к нему любовью, которую я едва могла сдерживать. Мои глаза приземлились на мое кольцо-пион, и я ощутила, как запорхали бабочки у меня в животе, вспоминая, как Калеб опустил на одно колено, делая мне предложение. Я полюбила это кольцо. Камень был похож на бордовый жемчуг — уникальный и красивый — и я боялась его повредить, если буду носить все время, он все же был настоящим произведением искусства, украшенный драгоценными камнями, не похожий на типичное обручальное кольцо. Должно быть оно стоило целое состояние.

Ожидая возвращения Калеба, я разглядывала людей вокруг. Было интересно наблюдать за присутствующими на благотворительном приеме, таком, как Осенний бал в Бостоне. Например, брат Калеба Лукас определенно находился где-то далеко в своих мыслях, бродя по комнате. Казалось, он тоже наблюдал за собравшимися. Я проследила за его взглядом, он смотрел на Викторию и ее жениха Клея Уиткомба, с которым я познакомилась несколько недель назад. Если бы мне пришлось угадывать, я бы сказала, что Виктория не была в лучшем настроении, чем Лукас, судя по ее языку тела, и как она отвечала Клею, когда он что-то ей говорил. Союз Виктории и Клея казался для меня странным, но я не столь хорошо их знала, чтобы что-то говорить; все мои сведения основывались на прессе.

Винтер и Джеймс тоже были здесь вместе, Винтер неоднократно говорила мне, что они всего лишь *просто хорошие друзья*. Я не была уверена, что в интерпретации Джеймса он тоже подразумевал, что они всего лишь *просто хорошие друзья*, это и отдаленно не было похоже. Джеймс Блэки с таким отчаянием хотел Винтер Блэкстоун, это было ясно как день, причем любому, кто способен был видеть глазами. Всем, кроме Калеба, было ясно. Он ничего не замечал и видел их отношения, исключительно как очень *близкие друзья по жизни*. Я всего лишь молча кивнула и закатила глаза на его объяснение. В любом случае, это не мое дело. Единственным, кому придется побеспокоиться о своей «дружбе» были сами Винтер и Джеймс.

Другая сестра Калеба Уиллоу со своим женихом Роджером находились в противоположном углу помещения, разговаривая с судьей Блэки и его женой, родителями Джеймса и Виктории. Калеб рассказал мне о семье Блэки. Мистера и миссис Блэки были странной парой, они напоминали мне Викторию и Клея Уиткомба. Познакомившись с судьей и его женой сегодня вечером, у меня появилось настолько сильное ощущение, как

только я его увидела, что у меня волосы встали на затылке, судья был очень колючим. Я чувствовала, что с этой парой не все гладко. Я почувствовала это всеми фибрами души и каждой клеточкой, судья Блэки был жестоким человеком, а миссис Блэки была поймана в его жестокие сети. Она мне очень напоминала меня ту, когда я жила с Маркусом. Мне очень захотелось ей помочь, если это было в моих силах.

Глядя на них, я вспомнила совершенно потрясающую фразу мистера Йоги Берра — *déjà vu*.

Калев так и не вернулся с моей водой, и я решила найти его сама. Стучащая боль в голове становилась только хуже, и мне необходимо было что-то быстро предпринять.

Он не мог забыть обо мне.

И тут я поняла, почему он не вернулся.

Прибыла Дженис Торндайк.

Сейчас *эта* Дженис Торндайк совершенно не была похожа на свои фотографии, которые мне довелось видеть. В ней не было ничего ошеломляющего, стройного, потрясающей фигуры, достойной модели, которую я видела в интернете в гламурных журналах. Ее лицо было растянуто уродливой насмешкой, темно-каштановые волосы беспорядочно спадали на ее тонкие, бледные плечи. Короче, она выглядела очень рассерженной. Калев выглядел разозленным, если можно так сказать, в тот момент, когда я подошла к углу бара. Он стоял спиной ко мне, но Дженис была лицом. Она взглянула на меня как кобра, готовая я впрыснуть свой яд, перед тем как напасть на свою жертву. Единственная мысль, которая возникла у меня — увести Калеба подальше от нее, потому что она выглядела просто чертовски опасно.

— Я знаю, что ты сделала, ты коварная сука. Джеймс рассказал мне о бл*дь презервативах, которые ты проткнула, — услышала я слова Калеба. — Ты думаешь, это имеет для меня значение, если она забеременеет в результате твоей извращенной игры, Дженис?

Она злорадно ухмыльнулась, зная, что я смотрю за его спиной и все слышу.

— Я был бы счастлива, если бы такое случилось, потому что я люблю ее и женюсь на ней.

— Не обманывай себя, Калев. Ты не женишься ни на ком, кроме меня.

— Калев? — выдохнула я его имя, потому что я хотела разобраться, почему они говорили об испорченных презервативах и возможной беременности.

Волна ледяного страха поселилась у меня внутри в то же мгновение.

Видения из прошлого заполнили мою голову.

Появившаяся боль и признаки болезни больше не озадачивали меня и не ставили в тупик. Сейчас все мои симптомы приобрели совершенно другой смысл. Раньше я никогда не принимала противозачаточные таблетки, поэтому все симптомы списала на них. Это был новый препарат, имеющий в своем составе те же гормоны, что и у беременной женщины.

Но я уже была беременна.

У меня были все ощущения, как при беременности. И я поняла, что мои новые противозачаточные таблетки никак на мне не отразились, поскольку *я уже была беременна*, когда начала их принимать. Если Дженис испортила презервативы, и первый раз, когда мы были вместе... такое вполне было возможно.

Он повернулся и увидел меня позади себя, на его лице отразился шок от того, что я все слышала.

— Брук, — спокойно сказал он, — это Дженис Торндайк, та, которая одно время была моей подругой. Теперь, я не хочу ее больше знать, потому что для меня она стала совершенно чужой.

— Пошел ты, Калеб, — закричала она. — И бл*ть твоя английская шляха тоже.

— Дженис, я хочу представить тебе свою невесту, Брук Кастерлей, — произнес Калеб.

Я просто стояла там, уставившись на них в полнейшем изумлении. Застыв на месте, словно заморозившись, когда мои размышления пришли к логическому завершению. Я бережно обхватила руками свой живот. Калеб и Дженис оба проследили за моим движением. Эта ситуация напоминала, словно мы, трое, медленно постигали суровую правду за несколько секунд — краткое изложение за момент времени, который был с болью вытянут в замедленной съемке, но отлично освещен.

Калеб посмотрел на меня, немного побелев.

— *Ты беременна...*

— *Нееееееет*, — закричала Дженис, схватив бокал шампанского и разбив его о барную стойку.

Звуки бьющегося стекла и крики вспыхнули на фоне схватки тел, бросившихся ко мне. Я не почувствовала боли, когда она порезала меня битым стеклом. Я была в автоматическом режиме обороны, моя цель — защитить, а не драться.

Защитить своего ребенка любой ценой.

Я осознала, что очутилась на твердом полу, надо мной нависал Калеб, на его белой рубашке было пятно крови, которая стекала из раны на шее. *Калеб был ранен*. Я чувствовала его руку на себе и какую-то пульсирующую тупую боль, когда он закричал:

— Позвоните 911. Вызовите 9-1-1. *Позвоните 9-1-1, бл*дь!*

Я чувствовала влагу, в том месте, где находилась его рука на мне.

Это была моя кровь?

Моя кровь... наверное, она сливается с цветом моего великолепного бального платья.

Я попыталась что-то сказать, но не смогла. Я хотела сказать Калебу, как я его любила и не жалею ни о чем.

Любовь к нему, было лучшее, что случилось со мной в этой жизни.

Я слышала, как он обращается ко мне, даже когда я провалилась в темноту.

— Я люблю тебя, и с тобой все будет хорошо. — Кричал он одно и то же снова и снова, повторяя как в молитве.

Мой Калеб кричал, как он меня любит, чтобы я могла услышать. Я никогда этого не забуду.

Глава 28

Калеб

Я никому не позволял дотрагиваться до раны на своей шеи, пока Брук была в операционной.

Они еле оторвали меня от нее, когда увозили.

Я вздрогнул, опять переживая последний час страшной агонии. Присутствие рядом моего брата было единственным, что удерживало меня, чтобы не выплеснуть все свое гребанное дерьмо в центре экстренной помощи госпиталя Массачусетс. Я с трудом понимал, что мне говорил врач о состоянии Брук. Все мое внимание было сконцентрировано на ней, Слава Богу, что Лукас был рядом и смог передать слова врача, когда тот ушел.

— С ней все будет хорошо, бро. Доктор сказал, что операция незначительная. Они делают ее только в качестве меры предосторожности, потому что на УЗИ был виден небольшой осколок, и они хотят его вытащить, прежде чем зашить рану.

— Она беременна. Я слышал, что врач сказал срок около семи недель или около того. — Я не мог в это поверить, но это было подтверждено медицински, прежде чем они увезли ее от меня. Одним из первых вопросов, которые они задавали мне в скорой, существует ли возможность, что она беременна. Мне пришлось сказать «да». Я вспомнил выражение лица Брук, когда она подслушала мой разговор с Дженис, до этого момента она не знала, что беременна. Это стало полной неожиданностью для всех нас.

— Да. Ты будешь отцом, старший брат. — Он хлопнул рукой мне по колену. — Теперь твоя очередь, зашить твою рану. Медсестре необходимо сделать свою работу.

Я позволил им зашить мою рану на шее, несмотря на то, что я никогда не был так напуган за всю свою жизнь. А что, если Брук не захотел выйти за меня замуж сейчас? Что, если она уйдет от меня или захочет сделать аборт? У меня не было ответов на все эти вопросы пока, я знал только одно, что она не готова сейчас выходить за меня замуж. А также оказаться снова беременной.

Получается, что я сделал то же самое, что Паттен сделал с ней.

«Если ты попытаешься надавить на нее, загнав в угол, она убежит от тебя так далеко и быстро, как только сможет и не вернется назад». Бл*дь. Слова ее бабушки зверски звучали в моей голове.

Сможет ли она простить меня? Сможет ли она понять, что это не та же ловушка, в которую ее загнал Паттен? Сможет ли она по-прежнему любить меня после того, как этот кошмар останется позади? Будем ли мы когда-нибудь вместе?

Все эти вопросы бесконечно крутились у меня в голове, словно кто-то поставил плеер на повтор. И я понимал, что у меня нет ни единого ответа на любой из этих вопросов.

Я спросил, где находится часовня при госпитале. Прошло столько лет, когда моя нога вступала на порог храма. Но это было не главным, потому что моя вера была со мной. Католические корни распространяются очень глубоко.

Я упал на колени и молился.

Я молился, боясь потерять самого важного человека своей жизни и наше невинное дитя, прежде чем я получу шанс узнать его или ее, это выворачивало мою душу и полностью убивало, я просил простить и пощадить.

Пальцы мягко перебирали мои волосы. Я встрепенулся, узнав эти пальцы, я мог узнать их всюду, как они зарывались вглубь и осторожно дергая, разделяли мои пряди. Моя девушка говорила мне, как ей нравилось перебирать мои волосы...

— Каааа-леб?

Я резко открыл глаза.

— Детка! Боже мой, как ты? — Я тут же вышел из дремы, с надеждой осматривая ее лицо. Она выглядела ужасно, лежа на больничной койке. Бледная, слабая, беспомощная, но такая прекрасная для меня, я знал, что ничто не могло сравниться с ней, пока я буду жив.

— Я беременна? Я до сих пор беременна? Я хочу спросить по-по-прежнему? — Ее лицо исказилось от страха, она заплакала.

— О, Боже. Да, ты по-прежнему беременна. Док сказал, что у тебя уже около семи недель или около того.

Она издала всхлип и заплакала еще сильнее.

— Я так боялась проснуться и обнаружить...

Потрясающее, блаженное облегчение окатило меня, я наклонился к ней и смотрел на нее, положив на нее свои руки, а что еще я мог сделать. *Она хотела нашего ребенка.*

— Шшшшш, не волнуйся. Наш малыш здоров, потому что у него такая храбрая мать. Ты спасла нашего ребенка. Он был справа, когда она порезала тебя... — И я сдался. Я больше не мог сдерживать себя и секунды дольше, зарыдав, как последняя сука. — Я так с-с-сильно тебя л-люблю. Я так ч-чертовски сожалею о том, что случилось с тобой из-за меня. Я... я во-во-во всем виноват, п-п-прости меня, Брук.

Мне потребовалось пару минут, чтобы сделать несколько хороших вдохов, выходя из моего эмоционального срыва. Ее руки по-прежнему были у меня в волосах, то сжимая их, то глядя, но я готов был ощущать это постоянно. Она попыталась меня утешить, хотя была единственной пострадавшей стороной, значившей для меня намного больше жизни, это невозможно выразить словами.

— Калерб?

— Да?

— Ты не мог бы кое-что сделать для меня? — спросила она тихим голосом.

— Все что угодно. Все, что ты хочешь, детка. Что я могу для тебя сделать? — я отстранился, чтобы мы могли видеть друг друга.

— Мне необходимо узнать... какое твое самое большое желание. Если ты мог исполнить его сейчас, чтобы это было? — Она подняла руку с катетерами, до сих пор вставленными в ее вены, и провела по моей щеке. — Скажи честно мне, чего ты хочешь больше всего на свете.

Сюрпризы все не кончались.

Это было не совсем то, чего я ожидал от нее услышать. Я отчетливо понимал, что сейчас не совсем то время для каких шуток и чего-то в этом духе. Брук была убийственно серьезна, готовая услышать только правду от меня. Она хотела, чтобы я ей сказал... что я и сделал.

— Я хочу жениться на тебе, как только ты почувствуешь себя лучше, чтобы ты смогла

перенести церемонию. Я хочу, чтобы ты носила мое имя и мое кольцо на пальце, официально. Потом я хочу отвезти тебя в прекрасной место, где очень тепло и пробыть там с тобой в течение месяца. Я хочу, чтобы все это время было нечто особенным — мы ничего не будем делать, только заниматься любовью, есть, спать, говорить о нашем будущем, планировать рождение нашего дорогого ребенка, и еще что-нибудь, черт побери, что мы захотим сделать.

— Давай сделаем так, — негромко произнесла она.

Глава 29

Брук

Декабрь

Мы поженились в Stone Church, через неделю на второе декабря. Только Нэн и Герман были нашими свидетелями. Герман, на самом деле, нас и женил. Поскольку он был мэром, и у него имелись определенные полномочия, поэтому он имел полное право скрепить два любящих сердца браком.

После кошмарных событий, которые разыгрались на балу, Кaleb вместе со мной пришел к выводу, что наша свадьба должна быть именно такой, какой мы хотим... и мы сделали ее именно такой.

При заходе солнца частная церемония в маленькой каменной часовне, расположенной у залива с пылающим закатом, освещающим все вокруг, именно так мы и хотели.

Я выбрала розовое платье из шелкового батиста с длинным рукавом из французских кружев, без фаты. Вместо фаты, я вплела четыре пиона в волосы, потому что Калебу они нравились.

Кaleb был одет в черный костюм от Бриони, галстук с серебряными узорами и винтажный шелковый платок, доставшийся ему от отца, находился у него в кармашке пиджака. Он был таким красивым, что даже было больно на него смотреть.

Старый пол из деревянных половиц внутри церкви был усыпан белыми лепестками роз, чей благоухающий аромат перемешивался с ванильным запахом свечей, бывшими единственным освещением в часовне.

После подписания соответствующих документов, Герман зачитал нам наши клятвы, которые мы дали друг другу, выражая свою любовь и обещания, сквозившее в каждом слове. Мы обменялись платиновыми обручальными кольцами, которые вместе выбирали и собирались вечно носить. Все было именно так, как должно было быть.

Кaleb и Брук дали друг другу обещания, пока смерть не разлучит нас... став мистер и миссис Блэкстоун.

* * *

Дав друг другу клятвы, мы отпраздновали нашу женитьбу кексами и шампанским.

Я сделала только один глоток шампанского, но зато с таким удовольствием потребляла сладкие кексы. Нэн сфотографировала нас, воспользовавшись телефоном Калеба, а потом наступило время, чтобы попрощаться с родными.

— Я люблю тебя, моя дорогая Брук. Для меня стало лучшим подарком, когда ты переехала ко мне жить. Ничто больше не могло сделать меня столь счастливой, чем я сейчас, когда гляжу на тебя и Калеба, как вы счастливы и влюблены друг в друга. — *И то, что она скоро станет прабабушкой.* Нэн больше не могла сдерживать слезы, и я тоже. Нам больше не нужно было говорить ничего, мы и так все понимали.

— Я так люблю тебя, Нэн.

— Я знаю это, моя дорогая. Теперь идите и начните жить своей прекрасной жизнью, — сказала она нам обеим в заключение, обнимая и обмениваясь поцелуями.

Кaleb повез меня на новеньком Range Rover Autobiography на вертолетную площадку острова Блэкстоун, на машине, которую он купил, чтобы *использовать ее на острове*, как он говорил. Я никогда не расстанусь с Вуди, но мне нравилось сидеть за рулем нового Range Rover, который исключительно плавно передвигался, несмотря на колдобины на дорогах. Поездка была очень быстрой.

Зафрахтованный «Гольфстрим» уже был готов, только ожидая нас, чтобы взять на борт и отвезти на Гавайи на медовый месяц, все наши необходимые вещи были уже в самолете. Нам оставалось только войти внутрь салона.

— Пожалуйста, сиди и не двигайся, миссис Блэкстоун, — сказал он. — Оставайся на месте.

— Да, дорогой, — немного с издевкой произнесла я, поскольку знала, что ему нравится, когда я его так поддразниваю. Он сказал, что это выглядит сексуально.

Кaleb обошел Range Rover, открыл мою дверцу. И помог мне спуститься, пока одной рукой я приподнимала свое платье, чтобы не наступить на длинную юбку.

Мы были по-прежнему в наших свадебных нарядах, нам обеим еще следовало переодеться во что-то более комфортное, чтобы пережить одиннадцатичасовой полет до Гавайев. В «Гольфстриме» имелась спальня, поэтому я подумала, что мы воспользуемся ею. Одиннадцатичасовой полет — слишком долгое и утомительное пребывание в воздухе, и нам следовало хорошо заполнить это время. «Заполнить» было ключевым словом.

— Я хотел сделать это уже давно, — сказал он, подхватывая меня на руки. — Перенести мою невесту через порог... в данном случае это порог реактивный самолета, но это тоже правильно.

— Мой муж очень сильный, что может меня так легко нести по ступенькам, — ответила я, не сводя с него глаз, пока мы поднимались вверх по трапу к самолету.

— Моя жена, словно перышко, когда дело доходит до меня, чтобы перенести ее через порог, — подтрунивая заметил он, оставляя на моих губах декадентский поцелуй.

На верху трапа нас приветствовали стюардессы и экипаж, поздравляя со свадьбой. Кaleb не остановился и не поставил меня на ноги, зайдя в салон самолета, а напрямик направился к люксу. Он запер за нами дверь, хитрая улыбка осветила его красивое лицо.

— Ты даже не запыхался после того, как столько меня пронес.

Он приблизился ко мне и опустил глаза вниз на мое лицо.

— Ты увидишь, как я немного запыхаюсь, миссис Блэкстоун, позднее, сначала нам нужно позаботиться о некоторых вопросах.

— Каких? — невинно поинтересовалась я.

— Нам стоит отправить свое фото, чтобы его увидел весь мир, — ответил он.

— Да, это правда, — кивнула я.

— Возможно, нам стоит сначала сообщить нашим близким родственникам и друзьям. Поскольку они могут обидеться, если все узнают от папарацци.

— Ты очень дальновидный, Кaleb. Ты все продумал. — Я села на кровать и потянула его вниз рядом с собой. Мы просмотрели фотографии, которые сделал Нэн, потом выбрали одну, которой бы хотели поделиться со всеми. Кaleb отправил ее Виктории, попросив направить руководителю PR службы Blackstone Global, для релиза в прессу, приписав простое сообщение:

«Калеб Блэкстоун и Брук Кастерлей сегодня вечером поженились в узком кругу в Stone Church на южной оконечности острова Блэкстоун».

Фотка показывала нас в дверях церкви, кругом на полу были разбросаны лепестки роз в мягком полумраке света от свечей. Калеб целовал мою руку, я улыбалась, глядя на него с любовью.

Для наших близких друзей и семьи, мы послали другое сообщение:

«Мы внемли совету очень мудрого мужчины и решили продолжить наше счастье друг с другом, начиная с сегодняшнего вечера. С большой любовью, Калеб & Брук Блэкстоун». (смайлики целую и обнимаю)

Калеб выключен свой телефон и притянул меня в свои объятия.

Весь полет он показывал, как сильно меня любил, именно это он делал с самого начала, как только мы впервые встретились.

Мой любимый, любитель грязного словца, и с романтическими чувствами, который не мог вспомнить, как назывались фрикадельки, и который никогда не был в Target до того, как не встретил меня.

Мой богатый миллиардер, магнат, который заботился о деревнях в Африке, чтобы в них была свежая колодезная вода больше, нежели чем заработать очередной доллар.

Мой муж, который любил меня, кто будет отцом наших будущих детей, которым я восхищалась и уважала.

Мой замечательный, удивительный, превосходный мужчина.

Эпилог

Калев

Февраль

— Ты всегда был похож на отца. Я никогда не понимала его увлечения *всем помочь*. — Моя мама изящно махнула рукой в сторону Брук и Эллен. — Благотворительность глубоко укоренилась в JW, если учесть его благотворительные организации и помощь тем, кому повезло меньше. Ты точно следуешь по его стопам, Калев. — Я понимал, куда она клонит. Ее манеры наносить оскорбление, наконец, вышло наружу, при этом как всегда с таким очаровательным лицом, об этом можно было складывать легенды. Я решил расставить точки над «i».

— Ладно, поскольку я похож на своего отца, поэтому ты решила продать семейное поместье Блэкуотер, даже не посоветовавшись со мной, ты же знаешь, что я бы возражал?

— Нет, Калев. Я решила продать Блэкуотер потому что оно принадлежит мне, поэтому я могу его продать. Твой отец отдал его мне, и я могу делать с ним все, что посчитаю целесообразным. — Я с трудом мог в это поверить, но я видел документы, подтверждающие, что она действительно говорит правду. *Интересно почему отец отдал ей Блэкуотер, на самом деле?*

— Почему ты тогда скрывала от меня, что решила его продать?

— Я ничего не скрывала. Я просто выставила его на продажу и ни с кем не обсуждала. Я не думала, что оно может тебя заинтересовать, Калев. Прошло столько лет, а ты даже не показывался там, пока не появилась Брук.

Она снова махнула рукой в их сторону, словно даровала благодать на бедных подданных, которые пришли к ней с просьбой. Меня это стало сильно раздражать.

— Не стоит так относиться к Брук. — Я едва сдерживал себя. Несмотря на то, что она так серьезно ошиблась по поводу Дженис, моя мать даже не задумывалась показать свое расположение, хотя бы доброту, по отношению к моей прекрасной жене. Поскольку это бы означало для нее пойти на уступки, и что она была неправа и изменила свое мнение, а, следовательно, она должна была признать, что находится на проигравшей стороне. Гребаная *банутая идеология, которая делает нас участниками сражения, но, к сожалению, таковы были правила ее игры,.. и они были неоспоримы. Лузеры могли получить даже в четверть меньше симпатий. У них не было второго шанса.

Дженис, например, спасла семья, но она никогда, после того дня не сможет вновь появиться в высшем обществе Бостона. Она также получила бл*дь судебный запрет не приближаться к нам меньше, чем на двести футов, я был уверен, что ей крылья подрезали. Ей дали выбор — либо она соглашается покинуть страну и тогда грязное слушанье судебного дела закрывается, либо... Сидеть в зале суда с большим количеством прессы, поджидающей ее уже на выходе, желающей сделать самые нелюбезные фотографии, растиражировав их энергичной публике, развлечением которой было читать, как знаменитости слетают с катушек... она решила, быстро взяв под контроль свое психо-дерьмо. Дженис может быть и сумасшедшая, но она не была душой. Она выбрала Гонконг.

Моя же мама не вняла моему предупреждающему тону, отвернулась, делая глоток из бокала.

— Я не понимаю твою суету с продажей Блэкуотер. Старинное поместье должно принести доход. Все хорошо, что хорошо кончается.

— Какого хрена, мам? — взорвался я. — Я хочу получить объяснения, и хочу получить их сейчас. — Я ударил по столу рукой. — Почему отец отдал тебе полностью Блэкуотер?

Она нахмурилась от моей бомбы, которую я на нее сбросил.

— Следи за языком, Калев, вспомни о своем воспитании, пожалуйста.

— А как я был воспитан... мда... вот интересно, дорогая мама, потому что я не очень помню тебя рядом с собой. Папу да, конечно, но я помню только нянь и сиделок, которые купали меня, кормили, одевали, играли, делали все те нормальные вещи, которые делают мамы со своими детьми. — Мне жаль, что я спрашивал ее в такой ситуации, но мне необходимо было знать. — Почему у меня постоянно было такое чувство в течение всей моей чертовой жизни, что ты сторонилась меня, будто едва могла терпеть своего собственного сына?

— Калев, сейчас не время и не место для подобных разговоров. — Она оглядела комнату. Братья, мои сестры, Герман и Эллен, Брук, Джеймс, мои двоюродные братья — все застыли в ожидании, готовые услышать ее ответ. Всем было неловко, это было видно по их лицам. Я, в конце концов, чувствовал то же самое. Но в данную минуту меня мало интересовало, насколько уродливой может оказаться правда, изрыгаемая прилюдно.

Чертовый колокол зазвонил. Причем слишком, мать твою, громко. И это изменило все.

— Мадлен, ты должна сказать ему правду, — сказал Герман. — JW умер, и мальчик имеет право знать.

Все глаза в комнате обратились к моему дяде, в том числе и мои, и волосы у меня на затылки зашевелились.

А земля подо мной покачнулась.

— Блядь, скажи правду, что скрывала от меня всю жизнь? — закричал я ей.

Она вздрогнула, комфортно сидя, в своем кресле.

Единственное, что удерживало меня не слететь с катушек, рука Брук, которая заботливо терла мне спину, пытаясь меня успокоить, перед тем, как я окончательно выплесну все свое дерьмо перед всеми, которые были слишком важны для меня в этом мире.

Мать выпрямила спину и потеряла свою надменность, которая обычно не сходила с ее лица. Я понял, что правду, которую она собиралась мне сказать, изменит все.

Она повернулась ко мне и спокойно произнесла:

— По правде говоря, Калев, ты не мой сын.

* * *

Облегчение. Я почувствовал облегчение, впервые за тридцать один год своей жизни, почему моя «мать» не проявляла особой озабоченности по поводу меня. Теперь мне не стоит задаться вопросом, что я сделал не так, что она меня разлюбила. Теперь я все понял. Теперь, наконец, для меня открылся гребанный смысл. Я полностью не обращал внимания на присутствующих в комнате. Я понимал, что они все еще здесь, но меня это не волновало. Правда — вот, что меня волновало на данный момент, поскольку от любого из них было нечего скрывать.

— А отец? — тихо спросил я, потому что боялся услышать ответ.

— Твой отец был твоим отцом, Калев. Ты его сын, но не мой. — Я почувствовал еще большее облегчение от осознания, что все мое существование не было ложью. Я был настоящим Блэкстоуном.

— К-к-как это произошло?

— Вскоре после того, как мы поженились, я узнала, что у твоего отца была любовница. Из обслуживающего персонала, девушка по имени Мелоди Рейнфорд, студентка из Англии. Да, она была англичанкой, — произнесла она таким тоном, который мне совсем не понравился. Но я держал язык за зубами, потому что хотел услышать продолжение. — Она забеременела, и родился ты. JW с ума по ней сходил, и я вполне уверена, что он бы бросил меня и женился на ней, если бы она не умерла через три недели после твоего рождения.

Я поднял на нее глаза и уставился таким взглядом, готовый проткнуть ее кинжалами (нет, подождите) я смотрел на нее с вопросом в глазах, который не решался задать вслух.

— Нет, Калев. Я не убийца, и ничего такого себе не придумывай прямо сейчас. Ее убила послеродовая аневризма. Это трагическое осложнение, которое иногда бывает и результат, как правило, со смертельным исходом. Твой отец был опустошен от ее потери, но он не хотел с тобой расставаться. Он любил тебя, ты был его сыном, и он хотел вырастить тебя, как своего сына в глазах общества, со всеми преимуществами, которые давало его имя.

Я даже не мог себе представить, что испытал мой отец, когда внезапно скончалась моя мать, оставив его с новорожденным. Я взглянул на Брук и почувствовал такую волну страха, которая ударила по всему моему нутру. *Если я когда-нибудь потеряю ее, от меня ничего не останется... ничего.*

— Он пришел ко мне склонив голову, умоляя принять его обратно. Мы заключили сделку — твой отец и я. Я буду всем говорить, что ты мой ребенок, а он больше никогда не поставит наш брак под сомнение. Также он передал мне некоторый капитал, который отныне стал принадлежать только мне, теперь я не зависела от него в материально плане и лично контролировала свое состояние, даже если он бы потерял все, мое состояние должно было остаться при мне. Блэкуотер тоже входило в тот капитал, который он мне передал. Деньги легко потерять, они каждый день обесценивались от котировок на нефть. Я хотела иметь что-то, что выдержало бы испытание временем и при этом сохраняло бы свою ценность.

Я не мог упрекнуть ее. *Она совершила хороший обмен — капитал в обмен на признание меня, как своего собственного сына. Хранить секрет... за определенную цену.*

— Он переехал с нами в Хьюстон, где мы жили в течение двух лет, поэтому наши друзья не задавали никаких вопросов о твоём рождении, когда мы вернулись. Все было улажено, даже свидетельство о рождении изменили. Людям заплатили, чтобы они забыли то, что видели, кому была известна правда. Хорошие слуги понимают ценность «смотреть сквозь пальцы или закрыв глаза» на какие-то вещи, отец позаботился, чтобы им выплатили очень хорошую компенсацию. Когда мы вернулись в Бостон, ты был уже маленьким мальчиком под присмотром няни, потому что я была беременна двойней и ужасно себя чувствовала, чтобы выполнять материнские обязанности по отношению к тебе. Никто ничего не заподозрил, потому что ты был очень похож на JW, и твоя родословная была принята обществом без всяких сомнений. Люди видят то, что мы хотим, чтобы они видели, Калев. И они увидели, подрастающего сына в счастливой семье с матерью и отцом.

— Твой отец сделал для тебя все, Калев. Он сдержал свое обещание, данное мне, и

несмотря на то, что ты с трудом в это веришь, но я очень сильно любила его и наш брак даже окреп после этого и соглашения, которое мы подписали. Я дала тебе самое лучшее, лучшее, что могла предложить. Я не вмешивалась в твои отношения с отцом или с братьями и сестрами. Ты безоговорочно их всех любил, также как и они тебя, я отчетливо это вижу.

— Он не хотел, чтобы ты знал. Даже лежа на смертном одре отец взял с меня обещание никогда не рассказывать тебе об этом, он боялся, что ты перестанешь его уважать. Он боялся, что перестанут его уважать все дети. JW не был совершенным, хотя ты всегда считал его именно таким. У него имелись недостатки... как и у всех нас. До сегодняшнего дня, я сдержала свое слово, данное мужу, и никогда не предавала его и его ж-желания, — она слегка запнулась, — и независимо от того, что ты думаешь, Кaleb, я всегда думала и заботилась о тебе, *как твоя мать*.

Она встала из-за стола со свойственным ей самообладанием, которое я видел всю свою жизнь и посмотрела на меня.

— Теперь ты знаешь правду, сынок. — Она обратилась к остальным в комнате. — Прошу меня извинить, но вынуждена попроситься с вами. Спасибо за ужин, Кaleb и Брук, но я очень устала. — И вышла с гордо поднятой головой. Мы услышали, как входная дверь открылась и закрылась через минуту.

Мы — мать и сын, хотя на самом деле не являемся матерью и сыном.

Я не почувствовал опустошения, хотя мне казалось, что я должен его почувствовать, потому что это все оттенки серого, не так ли?

Отец, находясь в отчаянном положении, попытался сделать лучшее, что мог.

Жена, брак которой рушился у нее на глазах, согласилась покрыть ошибку своего мужа.

Ничего не подозревающий ребенок, был принят в семью.

На самом деле, мое детство было хорошим. Я был счастливым ребенком. Я чувствовал себя любимым. Я не помню своих ощущений, когда меня привели в семью, поэтому не мог винить ее, но для меня как ребенка она всегда была где-то, но не со мной. Она отправила моих братьев в десять лет в школу-интернат, так же как и меня. Мои сестры тоже не избежали этой участи, когда пришла их очередь. Она очень хорошо прятала свою обиду на моего отца. Думаю, мой отец любил меня достаточно сильно за них обеих. Мне захотелось что-нибудь узнать о моей настоящей матери. Она была англичанкой, как и моя Брук. Мелоди Рейнфорд — красивое имя. Я хотел узнать о ней побольше.

Очнувшись от затуманенного сознания, я почувствовал, как Брук дотрагивается до меня, она все еще была со мной рядом, потирая мне спину, другой рукой она прошлась пальчиками по моей щеке. Я повернулся к ней.

— Кaleb, любовь моя, как ты?

— На удивление хорошо. — Я едва улыбнулся, я действительно чувствовал себя хорошо. — Если у меня есть ты, я в порядке.

— А ты у меня.

— Я люблю тебя, Брук.

Она улыбнулась и приложилась своими губами, нежно меня целуя.

— Я так люблю тебя, мой дорогой, и хочу, чтобы ты оглянулся вокруг и увидел комнату полную людей, которые тоже тебя любят. Всегда так будет, Кaleb, они любят тебя и тебе никогда не придется сомневаться в этом, хорошо?

Я взглянул на каждого, находящегося в комнате. Лукас и Уайт, которые выглядели полностью пришибленными, Уиллоу и Винтер со слезами на глазах, Герман и Эллен,

казалось, были совершенно спокойными, мои родственники, которые выглядели примерно также, как и мои братья, Джеймс, готовый поддержать меня во всем, без лишних вопросов. Брук была абсолютно права. Ничто не могло изменить мое отношение к любому из них. Они по-прежнему были моими братьями, сестрами, моим дядей, моими двоюродными братьями, и моим другом — вся моя семья, которая всегда будет моей семьей. Даже Мадлен все еще была моей матерью — она была единственной моей матерью, которую я знал. Все, что сегодня открылось, не изменило ничего, ни для одного из нас.

И с Мадлен, нам двоим придется смириться с этим фактом и двигаться вперед. Я надеялся, что мы сможем найти какую-то золотую середину. У меня действительно не было выбора, но мне стоит вспомнить, что у нее тогда был выбор. Она могла отказать отцу, но она этого не сделала. Она взяла на себя роль матери внебрачного ребенка своего мужа, ребенка любви на стороне, стараясь дать ему лучшее или худшее.

Все это было довольно тяжело переварить в данный момент, но, по крайней мере, я не чувствовал, что что-то упустил. Это странное чувство потери, но не совсем. Всю свою жизнь я не мог понять, почему я просто немного сбился с курса от остальной части моей семьи, но никакой реальной причины не находил, чтобы объяснить свои ощущения.

До сих пор не прирученный, готовый поймать других.

Не для всех... не всегда. Мне не стоит этого забывать.

Я поднялся из-за стола, понимая, что пришло время, поделиться настоящей причиной, из-за которой мы всех сегодня пригласили.

— Я понимаю, что сегодня произошли чертовски эмоциональные вещи для многих. Не совсем то, что я ожидал сегодня, когда пригласил вас всех сюда, чтобы рассказать о новом проекте. Так что позвольте мне это сделать, а потом мы начнем чествование, хорошо?

Кто-то засмеялся.

Лукас нарушил напряженность:

— Я всегда буду твоим младшим и значительно сильнее, брат! — он в приветствии поднял свою бутылку пива над столом, и я понял, что все будет хорошо.

Я поднял подбородок, давая ему понять, что оценил его своевременное замечание, а затем сосредоточился.

Глубоко вздохнув.

— Моя любимая жена помогла мне открыть мир, который я упустил из виду, прежде чем она спасла меня. — Я сжал ее руку и взглянул на нее, она была такой элегантной и красивой в своем бирюзовом платье, с нашим сыном, который с каждым днем подрастал у нее в животе. Я никогда не смогу оплатить судьбе подарок, который она внесла в мою жизнь. Я знал, что буду вечно в долгу перед судьбой, так что сегодняшний вечер был всего лишь один из способов, с которого я начал, чтобы сравнять счет.

Единственное, что мне было необходимо, чтобы она была рядом со мной.

Она прошептала:

— Мой Калеб, я так сильно тебя люблю.

— Я знаю, — сказал я ей, прежде чем закончить то, что я хотел сказать собравшимся. — Мир, где стоит прикладывать усилия и помогать тем, кто остро нуждается в этом. Не у многих есть ресурсы и определенный капитал, как у меня, поэтому я хотел бы дать что-то взамен. Особняк Блэкуотер был продан, да, но не кому-то... и он не ушел из семьи. Молчаливый партнер выдвинул условие, чтобы особняк не использовался в коммерческой деятельности, мы заключили соглашение и назвали новое предприятие «Санктуарий на

Блэкуотер» (Убежище на Блэкуотер). Я не говорю про убежище для диких животных. Мы получили недавно бизнес-лицензию от Департамента здравоохранения и социальных служб штата Массачусетс, и собственно можно начинать, как только будет назначен совет управляющих. Вот, почему я вас всех собрал. — Я сфокусировался на сестре. Винтер была рождена для этой работы. Я надеялся, что она станет директором, а если она не согласится, я не очень сильно буду возражать. Этот труд должен быть идти с любовью со всех сторон и в нем могли участвовать те, кто был готов. Я хотел сначала предложить своей семье принять участие в проекте, прежде чем выходить с ним на общественность.

— И начнет работу как место для...? — с надеждой спросила Винтер.

— Женщин и детей, которые нуждаются в убежище, — сказал я ей.

* * *

Глаза Брук ни на минуту не оставляли меня, пока я занимался с ней любовью после того, как все ушли. Сегодня после новости, мне необходима была связь с ней, намного больше, чем обычно. Она мотивировала меня, и это было необходимо для моего будущего выживания. Что бы ни случилось в прошлом, не изменило меня как человека, которым я стал. Только Брук была в состоянии изменить меня.

Прижавшись вплотную, мы лежали бок о бок, я разговаривал с ее животом, который теперь стал немного округлым с нашим маленьким Джоном Уильямом, быстро растущим внутри нее.

— Как ты поживаешь там, сынок? — спросил я.

Мы делали это ежедневно. Я говорил с ним, рассказывал ему о своем дне, читал ему финансовые отчеты вслух, и как обычно занимался кое-чем с его матерью.

— Он говорит, что очень гордится своим папой, что он такой щедрый и заботливый, что помогает тем, кто в этом нуждается. — Брук всегда отвечала за Джонни, и почему-то я верил, что ее слова были его словами. Для меня это было ужасно правдоподобно.

— Хорошо ему так говорить.

— Он очень хороший мальчик... очень сильно похож на своего отца.

— Я люблю тебя, Брук. И я люблю тебя, Джонни, — произнес я в направлении ее живота. — Только представь, он уже начинает различать наши голоса...

Брук подняла бровь, потому что я резко замолчал.

— Я только что понял, почему влюбился в тебя с первого взгляда, когда впервые услышал твой голос на том приеме.

— Мне кажется, я тоже знаю почему, — ответила она.

— Скажи мне свою версию, детка.

— Тебе понравился мой акцент, потому что твоя мать говорила с тобой с таким же британским акцентом, когда носила тебя в течение девяти месяцев. Твое подсознание вспомнило, что когда-то давно кто-то говорил с тобой так и любил тебя всем своим сердцем.

— Ты думаешь, что это возможно? — спросил я.

— Думаю, да, Калев... а теперь у тебя есть я, любя тебя всем сердцем.

Я поцеловал мою милую Брук и поблагодарил ее за спасение меня многими способами, какими только мог ей показать. На это уйдет весь остаток моей жизни, наверное, но я готов

был рискнуть. У меня нет ничего более важного... как только любить ее.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

notes

Калев имеет в виду ~~finished~~—~~fucking~~—forever, три ф

фильм «Роковое влечение» — 2016 год, Франция, Бельгия

по-испански графиня

Грег и Дженис Валентино (англ. Greg and Janice Valentino) — дружелюбные, оптимистичные люди. Они родители Робби и владельцы Похоронного бюро Валентино, в первом переводе мультфильм назывался «Бог любви».

чоппер – вертолет

The Notebook, в русском прокате назывался «Дневник памяти» американская мелодрама 2004 года режиссёра Ника Кассаветиса. Фильм снят по сюжету одноимённого биографического романа Николаса Спаркса, опубликованного в 1996 году и ставшего бестселлером в первую же неделю продаж

СМЭШИНГ ПАМПКИНЗ (Smashing Pumpkins/Разбивающиеся Тыквы), американская рок-группа. Образовалась в 1988. «Смэшинг Пампкинз» сильно выделялись на фоне большинства коллективов 1990-х: как своей необычайной плодотворностью и творческой независимостью, так и астрономическими тиражами пластинок и многочисленными концертными выступлениями. При этом группа всегда удерживала непростой и невозможный для многих баланс между честным творческим подходом к музыке и впечатляющими коммерческими показателями

(Jonas Brothers (произносится «Джонас Бразерс») — американская поп-рок группа, состоящая из трёх братьев, музыкантов и актёров Кевина Джонаса, Джо Джонаса и Ника Джонаса. На данный момент группа выпустила четыре альбома: «It's About Time» в 2006 году, «Jonas Brothers» в 2007 году, «A Little Bit Longer» в 2008, «Lines, Vines, and Trying Times» в 2009 году. В 2013 году планировался выйти пятый альбом «V», но выход не состоялся.